НЁМАН

3/2017
МАРТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 15.03.2017. Формат 70 ×108 $^1/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 16,90. Тираж 1545. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

Татьяна ЛАШУК

Экзамен

Повесть

1

Джованна лениво вышла во двор и потрогала простыню: белье оказалось уже совершенно сухим. Вздохнув, она потащила простыню с веревки и кинула ее в большую корзину, которую принесла с собой. Довольный поваренок сбросил с головы капустный лист и мигом метнулся в дом: он несколько часов на солнцепеке стерег белье от воров и страшно заскучал от этого утомительного занятия.

Девушка неспешно делала свою работу, так как знала: едва она вернется в дом, как хозяйка тут же найдет ей новое занятие. От простыней шел тонкий, но злой запах — потому что белье сначала вымачивалось в едкой смеси из золы и мочи, а затем уже стиралось, но служанка не обращала на эту вонь никакого внимания. Да и с какой стати быть ей брезгливой, если все пятна были отстираны, а какие разные пятна (да и насекомые) остаются от тел постояльцев гостиницы — так это только Господу было ведомо да иногда и Джованне. Работая, она напевала себе под нос песенку. Пела Джованна так себе, но зато показывала таким образом свое главное достоинство: крепкие, сахарной белизны зубы — воистину редкость, ибо улыбка даже знатных дам могла грешить гнилыми корешками. Впрочем, округлые Божьи щедроты, распиравшие суконный корсаж Джованны, тоже притягивали к себе завороженные мужские взгляды, но вот расшнуровать его могли немногие руки. Джованна была девушкой избирательной, хотя в свои двадцать два года уже не считалась юной.

Из открытой двери выскочила лохматая собачка, любимица хозяйки, и начала вертеться у Джованны под ногами. Девушка недовольно отпихнула ее: из-за линяющей шерсти этой пустолайки приходилось мести пол гораздо чаще, чем ей хотелось. Вдруг собачка оживилась и с задорным лаем нырнула под простыню. Джованна стащила тяжелое покрывало и от неожиданности взвизгнула: прямо перед ней стоял молодой незнакомый мужчина. Впрочем, вид у него был вполне добродушный, а судя по запыленному дорожному плащу и разбухшей от книг сумке на боку, он явно был студентом-иноземцем, коих ко дню святого Луки в Падуе было несть числа. Да и гнедая кобыла, которую он держал под уздцы, явно устала в пути и безмолвно взывала о стойле и мерке овса.

— Прости, если напугал, — извинился неизвестный: говорил он медленно и с явным акцентом, но и акцент у него оказался мелодичным, певучим. — Мне сказали, здесь есть гостиница.

— Да, синьор, самая чистая и гостеприимная в городе, — приветливо откликнулась Джованна с широкой улыбкой. — И самые славные и дружные господа студенты живут именно у нас. А я могу подсказать имя профессора, который за самую умеренную плату возьмется тебя обучать...

— Ну, тогда слава Богу, что я пришел сюда. Мое имя Франциск. А что, разве я так похож на студента?

Джованна иронично покосилась на него и усмехнулась: уж школяров-то она различала мгновенно, и даже то, откуда они родом. Но в этот раз не совсем было понятно — для англичанина слишком коренаст и невысок ростом, для француза недостаточно развязный, а у немцев хоть и голубые глаза и щеки широки, но выговор у них совершенно другой. Красавчиком она его не назвала бы, но была какая-то располагающая притягательность и в морщинках прищуренных глаз, и в легкой усмешке, которая словно бы пряталась в уголках тонких губ. Крупный выдающий нос молодого человека заканчивался неожиданно не хищным клювом, а округлым мясистым кончиком: таких интересных носов Джованна еще не видывала.

— Да уж похожи. Откуда вы родом, синьор Франциск?

Франциск переступил с ноги на ногу, определяя уровень познаний в географии этой бойкой девицы, и туманно ответил:

— Я из далекой страны на востоке. Там правит король Сигизмунд.

— А-а, — протянула Джованна, никогда раньше не слыхавшая о таком государе. — Наверно, это очень далеко?

— Да, отсюда почти четыре тысячи миль. — Франциск стащил свой запыленный потрепанный берет, и Джованна снова ойкнула, так как его голова оказалась совершенно лысой. — А, ну это в дороге завелись насекомые. Пришлось постричься.

— Да уж, было бы досадно, если бы такой красивый синьор оказался святым братом. В нашем городе жизнь веселая: слава святому Антонию и студентам. Но тогда чего ж тут стоять нам, идите за мной, синьор, и я отведу вас к хозяйке. О лошади не беспокойтесь, ее сейчас отведут на конюшню.

— Эй, Микелетто! — заорала Джованна во всю мощь своих легких.— Возьми у господина коня!

На ее крик появился сонный конюх с соломой в волосах, пренебрежительно оценил лошадь взглядом и вразвалочку повел ее за собой. Франциск беспокойно посмотрел им вслед: смирная неказистая лошадка двужильно служила ему уже несколько лет, и он к ней с благодарностью привязался, к тому же никогда особенно и не хотел купить себе белоснежного испанского генетта[1] или горячего арабского дрикганта[2].

Между тем девушка легко подхватила заполненную корзину с бельем и пошла в дом; Франциск, предвкушая ужин и отдых, последовал за ее шустрой юбкой. На пороге Джованна обернулась и предупредила:

— По средам и пятницам у нас пост: на стол подается только жареная рыба.

— Ничего, я тоже католик, — ответил новый постоялец.

---

[1] Генетт (*испан.*) — жеребец испанской (андалузской) породы, очень популярной в XVI—XVII вв. в Западной Европе.

[2] Дрикгант (*стар.-бел.*) — арабский скакун.

2

На кровати под большим деревянным распятьем лениво лежал молодой человек, полностью одетый и даже в башмаках. При появлении гостей он сел на постели и начал приглаживать руками взлохмаченные светлые волосы.

— Синьор Антонио, а вот ваш новый сосед, синьор Франциск. — Джованна поставила поднос на стол, предварительно расчистив для него место среди беспорядочно разбросанных книг.— А я принесла вашу любимую ветчину из гусиной грудинки и немного вина.

— Джованна, ты воистину ангел, — радостно ответил хозяин комнаты и поднялся Франциску навстречу. — Ну что, обнимемся, брате!

Джованна открыла ставни и вышла, оставив их вдвоем. Молодые люди обнялись. Франциск отметил, что длинноволосый, тонкий в кости Антоний намного моложе его, миловидной наружности, и судя по весьма несвежему виду, недавно весело провел время.

— Откуда ты, дорогой Франциск?

— Я из Полоцка, сын купца Луки Скорины.

— А я из Городни, тоже литвин. Земляк на чужбине — свояк... Отец мой был лекарем его милости покойного воеводы виленского Радзивилла. Ну а я пока лишь студиозус, и если стану доктором, то это уж точно будет чудо святого Луки молитвами моей матушки.

— Тогда и мне покровительство святого Луки необходимо. Я приехал в Падую сдавать экзамен.

Антоний уважительно присвистнул и с долей зависти взглянул на него:

— Так ты уже лиценциат[1]! Молодец, мое почтенье! И ты совершенно прав, что выбрал нашу Падую, а не Болонью! Я так говорю не потому, что здесь научаюсь и разделяю эту дурацкую свару между университетами, но тут воистину...

Студент оглянулся на дверь и доверительно сказал, понизив голос:

— Представь, здесь даже препарируют трупы. Я вчера собственными глазами заглянул в человеческое чрево, отчего, собственно говоря, и напился потом с друзьями.

— Но ведь это запрещено церковью... — удивился Франциск, лицо которого выражало между тем полное одобрение и даже восторг данному признанию.

— Конечно, запрещено! Да только у нас один профессор придумал стол с особенным механизмом. Раз! — и в мгновенье ока разделанный труп опускается под землю: ищите его в аду, коли желаете!.. Слушай, если ты не против, я начну есть, а ты можешь расспрашивать меня о чем угодно.

— Антоний, можно, я взгляну на твои книги? Я вижу, у тебя их много: наверное, ты блистаешь на диспутах?

— Еще чего! Мне милей любой потарчки[2] хорошая драка, — рассмеялся Антоний и добавил, с трудом выговаривая набитым ртом: — Я в эти книги почти не заглядываю. Зачем, если я купил конспекты, где все самое нужное есть...

---

[1] Лиценциат — *(позднелат. licentiatus, буквально — допущенный)* в средневековых университетах степень между бакалавром и доктором, допущенный к экзамену на докторскую ступень.

[2] Потарчка (*стар.-бел.*) — дискуссия, диспут.

Пока Антоний громко жевал и прихлебывал, воздавая должное ветчине и вину, Франциск с волнением ценителя-книгочея листал большие и маленькие тома. Бережно и нежно, как придерживал бы головку новорожденного младенца, он поднимал на руки фолианты, наслаждался самим прикосновением к их твердым кожаным обложкам и плотным, еще пахнущим краской страницам. Это были авторитетные, непререкаемые сокровища науки: «Канон врачебной науки» Авиценны, труды Галена и Аристотеля, а также бессмертные любимцы муз Вергилий и Петрарка. Но больше всего Франциска поразило то, что все они были напечатаны, а не написаны рукой переписчика. В Париже он тоже нашел замечательную книжную лавку «Золотое солнце», где купил себе дешевые печатные книги и очень ими дорожил.

— Антоний, у тебя столько печатных книг. Здесь есть своя типография?

Студент в ответ безразлично махнул рукой:

— Господи, может, есть, а может, и нет. На здешнем рынке таких книг прорва: выбирай что душе угодно.

У Франциска загорелись глаза.

— Антоний, прошу тебя, отведи меня к этим книжным торговцам. Конечно, я сейчас не могу потратить много денег, но хотя бы взгляну на их товар.

— Ну конечно, о чем разговор. Можем сегодня же заглянуть на рынок. — Антоний ткнул в обрадованного Франциска хлебной коркой и наставительно добавил: — И кстати, очень тебе советую не ходить по городу одному, особенно ночью. Падуя, конечно, не Рим, где поутру вылавливают в Тибре свежие трупы, но и тут хватает всякого сброда. Господа студенты, кстати, тоже могут пристать и недобро пошутить над прохожим.

Франциск понимающе кивнул:

— Я ношу с собой засапожник[1].

— Ну и молодец. Все, я поел, — Антоний обтер рукой рот и вытащил из сундука новые штаны, очень похожие на белые чулки.

— Ну, как тебе мои плюдрики?[2] — с гордостью поинтересовался он, облачившись. — Итальянки смотрят на них отнюдь не скромно, глаз не отводят. А вот, взгляни, и моя куртка по здешней моде!

Антоний надел и продемонстрировал коротенькую курточку из черного бархата, расправив свои худенькие плечи:

— Жаль, что ты много толще меня. А то дал бы тебе поносить: в ней ты местным девушкам был бы по вкусу. И кстати, давай условимся сразу: Джованна, конечно, та еще красотка, но я хотел бы один ценить ее прелести.

— Я тебя понял, — улыбнулся Франциск. — Но не беспокойся: сейчас могу думать только о мантии, а не о женских юбках.

3

Знакомиться с достопримечательностями Падуи Франциску пришлось мимолетно из-за быстрой походки своего провожатого, бодро топавшего по грязной жиже дороги. Впрочем, Падуя была типичным городом с узкими улицами, на которых прохожие уступали дорогу колесам и копытам, а услышав

---

[1] Засапожник (*стар.-бел.*) — нож или кинжал, который прятали в голенище сапог.

[2] Плюдрики (*стар.-бел.*) — штаны.

хлопанье ставен, поспешно отшатывались от окна, чтобы струя помоев не выплеснулась на одежду.

Палаццо знати казались довольно однообразными: построенные в два или три этажа, с бесчисленными арками и колоннами крытой галереи, ажурными узкими окнами и просторными балконами. На одном из таких балконов Франциск увидел сидевшую даму в загадочном головном уборе: это была шляпа с отрезанной тульей, а с ее широких полей по кругу свисали длинные локоны дамы, словно она нарочно выставляла их напоказ или уподоблялась подсолнуху.

— Антонио, что это за странный обычай у местных дам? — спросил гость Падуи, когда заметил уже второй такой подсолнух на балконе.

— А-а... Видишь ли, в моде золотой цвет волос. Наши красавицы подставляют солнцу свои прически, чтобы волосы выгорали.

Франциск мимоходом полюбовался на купола церкви Святого Антония, на конную статую правителя и гробницу троянского царевича Альтенора. (Над этим саркофагом он простоял недолго и скептически подумал, что слишком уж много древних героев перебралось жить в Италию.) Зато с восторгом рассмотрел башенные часы, которые показывали не только время, но и фазы луны. Он бы и дольше тут стоял, стоял и дивился этому чуду инженерной мысли, но Антонио увлек его за собой напоминанием о книгах.

На Фруктовой площади гудела оживленная торговля. Служанки, закупавшие продукты на кухню, громко торговались и бесцеремонно перебирали товар. Знакомые между собой покупатели обсуждали последние новости и сплетни. Ржали кони, похрюкивали свиньи, из кузни доносился железный звон, и тщетно пытался перекричать весь этот шум и зазвать к себе клиентов брадобрей. Франциск постоянно ловил на себе любопытные взгляды, ибо был человек неместный.

Проходя мимо прилавка торговца мехом, Антоний вдруг остановился и заинтересованно начал перебирать различные шкурки.

— Франциск, как думаешь, не разориться ли мне на соболя? А то мою старую лису моль подъела...

В ответ Франциск хитровато хмыкнул и сказал ему на родном языке:

— Это не соболь, а куница, хотя и славная... А вон тому горностаю с головы и хвоста особенные такие волоски повыдрали, ибо пойман был в негодную пору и скоро облиняет.

— Откуда знаешь?

— Да уж знаю, видал такое, — уклончиво ответил Франциск, отводя глаза. Ему вспомнились пестрые груды пушнины, распоротые головы и лапы... И бесконечных горностаев, которых привозили с промысла свернутыми, как чулок, внутрь шерсткой, и их нужно было вывернуть, красиво расправить, а у больших зверьков пожелтевшую шкурку следовало подбелить секретным составом: не пропадать же добру... Отец торговал бойко, сноровисто и мог уговорить любого покупателя...

— Ну, вот и твоя лавка, — подвел Антоний Франциска к скучавшему старому торговцу, оживившемуся при виде покупателей. Франциск сразу же выловил из лотка «Похвалу глупости» и начал ее листать. Антоний тоже нашел себе забаву, перелистывая запретную и весьма занимательную книжку с непристойными гравюрами, которую (заговорщицки достав из-под полы) любезно предложил ему торговец, хорошо разбиравшийся в интересах покупателей.

В этот момент вокруг них поднялся особенно сильный шум и сжалось беспокойное кольцо зевак. Расслышав женские крики о помощи, Антоний дернул Франциска за локоть. Они втиснулись в толпу любопытных. На руках у благородного синьора хрипел и пытался кашлять мальчишка лет десяти, судя по всему, его сын.

— Что с ним? — Франциску удалось подобраться к ним поближе и поймать взгляд растерянного отца.

— Косточка, он подавился косточкой от сливы. Во имя святого Луки, ты можешь ему помочь?!

Франциск стиснул зубы, обхватил маленького страдальца за туловище сзади и несколько раз надавил ему накрытым ладонью кулаком на живот. Мальчик поперхнулся и выплюнул застрявшую косточку, тут же зайдясь громким плачем. Франциск повернул его лицом к себе и с облегчением выдохнул. На сей раз удалось, удалось ему победить смерть, и он завороженно смотрел, как в зрачках спасенного постепенно растворяется животный страх и возвращается жизненная сила.

Тут его уши начали слышать радостный гул вокруг них, а глаза обнаружили руку с кошельком, который прямо ему под нос протягивал отец ребенка. Франциск отрицательно повел головой и отклонил кошелек, хотя маячивший за спиной дарителя Антоний возмущенно гримасничал и подпрыгивал, как обезьяна.

— Я сделал доброе дело во славу Господа. К тому же, я еще пока не врач и не могу брать деньги за свою работу.

— Что ж, мое имя Джакомо Альваротти, — синьор поднял подбородок и выпрямился. Его долговязая фигура и худое лицо прямо-таки олицетворяли высокомерие. — Сегодня ты спас моего сына, наследника славного и честного имени. Если денег не принимаешь, то прими приглашение навестить мой дом. Я думаю, судя по твоему виду, ты из образованных и благородных людей.

На сей раз Антоний так выразительно воздел руки к небу, что Франциск согласился.

4

Палаццо Альваротти отличалось от соседних зданий свежестью и крепостью недавно возведенного дома, а внутри впечатляло роскошью убранства: яркие фламандские гобелены, мозаичные полы и резная мебель красного дерева подтверждали благоденствие семьи и деловую хватку владельца дома. Спокойно созерцавший все это великолепие Франциск шел вслед за синьором Джакомо через анфиладу комнат и не подозревал о том, что золотое руно дома Альваротти еще ждет его впереди.

Женщина стояла у окна, напротив солнца.

Рассеянный свет сквозил вокруг ее неподвижной фигуры и двигался в танцующем рое золотых пылинок. Когда дама медленно обернулась и вышла из слепящего солнечного пятна, Франциск разглядел, что она довольно высокого роста, с широкими полуобнаженными плечами и таким глубоким вырезом платья на груди, что он взглянул, потупился и взглянул опять.

— Слуги уже рассказали мне, что вы сделали для меня и моего супруга, — взволнованно произнесла она и, неожиданно нагнувшись, быстро

поцеловала руку Франциска. — Благословенна та страна, в которой рождаются такие добрые люди.

Ее поступок обжег Франциска, и он потрясенно молчал.

— Моя супруга, мадонна Лоренца, слишком впечатлительна, — недовольно пояснил синьор Альваротти, бросая на жену тяжелый взгляд. И добавил, обращаясь к юноше: — Женщины лишены разума. Они мыслят не головой, а сердцем.

Франциск не слушал его, так как от красоты дамы он словно горел на солнцепеке. Она напомнила ему увиденные в Венеции картины одного замечательного мастера: завитки приподнятых белокурых волос открывали гладкий высокий лоб, темные глаза казались особенно яркими на белом округлом лице, а в маленьких ушках дрожали грушевидные жемчужины сережек...

Потерявший терпение Альваротти дотронулся до плеча своего гостя и повторил:

— Я думаю, уже самое время обедать, да и святой отец заждался нас. Идемте.

Он подал руку жене и направился к двери. Франциск затопал за ними вслед, стараясь не глядеть на стройную спину и обнаженную шею мадонны Лоренцы.

В столовой их и в самом деле ожидали пожилой, совершенно лысый священник и две девочки-отроковицы, которые при появлении синьора Альваротти одновременно присели в низком поклоне.

— Вот тот добрый самаритянин, который сегодня спас моего сына. Его зовут Франциск, он родом из Полоцка. А это преподобный отец Валерий де Ларгис, духовник моей супруги, — холодно познакомил всех синьор Альваротти. — Ну а это те создания, из-за которых мне придется разориться либо на зятя, либо на монастырь.

Франциск по обычаю подошел за благословением: святой отец благословил его тонкой холеной рукой, от которой исходило тончайшее благоухание духов и брызгал алмазными искрами перстень на пальце. Отметил Франциск и искусной ювелирной работы крест на груди отца де Ларгиса.

Дамы удалились обедать под арку в соседнюю комнату, так как обычай запрещал женщинам сидеть за одним столом с мужчинами, хотя на торжественных пирах эта традиция уже часто не соблюдалась.

Священник скороговоркой прочел молитву и перекрестил яства. Франциск сполоснул свои пальцы в умывальнице, поднесенной ему слугой, и с беспокойством взглянул на сервировку стола. Разумеется, обедая в Кракове с магистрами или при датском дворе, он уже привычно пользовался отдельной тарелкой и полотняной салфеткой. Но здесь рядом с ложкой лежал диковинный серебряный предмет, весьма похожий на миниатюрные вилы, только с двумя длинными зубцами. Франциск взял крошечные вильцы за короткую неудобную ручку и осторожно потрогал их кончики: довольно острые.

— Этот способ накалывать мясо пришел к нам из Византии, — с усмешкой пояснил ему синьор Альваротти. — Впрочем, святая церковь не одобряет вилку и считает ее излишеством. Или модным изобретением еретиков?..

Священник равнодушно пожал плечами:

— Святая церковь вовсе не считает, что Господь попустил османам захватить Константинополь только потому, что его жители ели вилкой. Греховен лишь кусок мяса, когда он в среду или пятницу попадает в рот, а вовсе не тот способ, которым его туда отправили.

— О-о, святой отец, теперь я понимаю, отчего прихожанки спешат именно в вашу исповедальню. Моей дорогой супруге повезло иметь столь снисходительного наставника.

Франциск постарался воздать должное еде и не встревать самому в беседу, пока не спросят. Пища была сильно и дорого сдобрена солью и острыми пряностями, отчего и тушеный каплун, и жареные цыплята, и даже цветная капуста обжигали горло и просили освежающего глотка вина. Приручив по примеру своих сотрапезников вилку, Франциск нашел в конце концов модную новинку занятной. Время от времени он невольно поглядывал в сторону дамской столовой: занавеска в дверном проеме была приподнята, и молодой человек мог видеть, как мадонна Лоренца изящно подносит ко рту вилку с крошечным кусочком мяса или отпивает глоток из высокого кубка. Когда их взгляды встречались, Франциск краснел и поспешно отворачивался.

— Здоровы ли ваши родные? — вежливо спросил отец де Ларгис, желая вовлечь гостя в беседу.

— Батюшка мой уже умер, святой отец. Он успешно торговал мехами, но я отступил с его пути и выбрал стезю науки. Хотя с самого детства помню запах сырой кожи и с легкостью могу отличить любой мех зверя молодого и старого.

Священник насмешливо закатил глаза в сторону хозяина дома:

— Тогда вам есть о чем поговорить с синьором Джакомо. Мануфактура Альваротти издавна шьет перчатки, которые славятся по всей Италии. Я бы сказал, что благоденствие этого дома заключено не только в Божьих, но и в дамских руках.

Все рассмеялись, один только синьор Джакомо натянуто улыбнулся:

— Вот как, ты оказался просто кладезем пользы. Вскоре мне пришлют из Флоренции новую партию кожи. Хочу, чтобы ты на нее взглянул.

— Буду счастлив быть вам полезным, — ответил Франциск, не поворачивая головы и чувствуя на своей щеке ласкающий взгляд мадонны Лоренцы.

5

— Это папагалл, папский петух, — мадонна Лоренца с гордостью представила большую, изумрудного оперения птицу, которая неподвижно сидела в клетке. — Разве не чудо, что птица говорит, как человек, и притом на языке Овидия?

Мадонна нежно посвистела и постучала пальчиком по прутьям клетки. Однако высокомерный крылатый узник не обратил на нее никакого внимания.

— Вот неучтивый кавалер!.. К нему приставлен обученный слуга, но я беспокоюсь, здорова ли моя птичка?

Франциск с усилием перевел взгляд с хозяйки на пернатого питомца. Заметив его внимание, папагалл недовольно сузил круглые глаза и задергался на жердочке.

— Мадонна, думаю, что ваша птица здорова. Только скучает по родным краям. Каждая птица помнит свое гнездо. Как и люди, которые, где родились и Богом были вскормлены, к тому месту имеют великую привязанность.

— Что ж, если мой папагалл молчит, тогда вы расскажите о своей родине. Есть ли там нечто такое, чего я не видела под солнцем Италии?

Франциск вздохнул, как человек, которому предложили объять необъятное.

— Моя земля прекрасна и богата. В наших реках водится столько рыбы, что если бы там закинул свой невод апостол Петр — Господу не пришлось бы посылать ему рыбу в сети. А в лесах живет зверь, именуемый бизоном. Он столь огромен, красив и грозен, — словно тот известный бык, в которого обратился Зевс, желая похитить дочь Деметры. Охотиться на него — великая отвага, доблесть и опасность для ловчего. Когда бизон разъярен, он не только насмерть разит своими рогами и копытами, но даже его твердый язык бывает грозным оружием. Однажды я видел сам, как бизон ухватил языком охотника за одежду, вытащил из-за дерева и растерзал в мгновение ока.

— А вам самому случалось охотиться на бизона?

— Нет, мадонна, боюсь, с рогатиной в руке я был бы неловок. Однако многие наши благородные мужи не страшатся встретиться с этим царем зверей.

— Я уже поняла, что ваши мужчины смелы, благородны и бесстрашны. А что ваши женщины?.. Должно быть, там, в ваших краях, вас нетерпеливо дожидается прекрасная супруга или невеста?

Франциск слегка покраснел и впервые мысленно поблагодарил небеса за такой ответ.

— Нет, я не могу похвастаться таким счастьем. Сперва я воспитывался в монастыре, а затем так усердно занялся учебой в университете, что посвятил себя богине мудрости. Как известно, Минерва богиня строгая и целомудренная, а я был послушный ученик.

Лоренца иронично скользнула взглядом по его лицу, задержавшись на губах:

— Что же, надеюсь, ваша богиня вознаградит вас за преданность докторской мантией. Однако мне пора вернуться и отдать распоряжения слугам. Приходите еще навестить нас, синьор Франциск.

Франциск начал откланиваться, но так как мадонна Лоренца уже отвернулась и направилась к двери, его глубокий поклон достался птице. Самец в ответ затряс головой и вдруг насмешливо прокричал ему в лицо:

— Vale!..[1]

6

Когда-то на этом месте находились скотобойня и гостиница «У быка». Однако в 1222 году сюда перебрались профессора и студенты из Болонского университета, недовольные тамошним начальством, и основали новую alma mater. С тех пор за зданием Падуанского университета закрепилось название «Бычий дворец». Впрочем, несмотря на такое представительное название, дворец не произвел на Франциска особого впечатления. Это были несколько слепленных между собой построек, и только главный фасад напоминал о том, что здесь находится храм науки. Его стены сплошь были разрисованы геральдическими знаками и девизами, изображенными с разной степенью художественного совершенства: согласно обычаю, выпускники университета и магистры изображали здесь свои гербы.

---

[1] Vale!.. (*лат.*) — будь здоров, прощай.

Франциск ощутил легкий укол зависти, оглядев эти аляповатые свидетельства чужих достижений, и на миг возжелал и себе пятачок незанятого пространства на стене. За порогом здания ему пришлось изрядно поблуждать по коридору, пока он, наконец, не спросил у проходившего мимо школяра, где тут находится кабинет секретаря.

В низеньком тесном помещении плыл густой аппетитный запах жареной рыбы. За утопленным бумагами столом у окна сидел тучный пожилой секретарь с густой короткой бородкой-подковой. Он расслабленно жевал кусок жареного каплуна, пока стоявший рядом носатый слуга заботливо подливал ему из кувшина вина. И толстяк, и его слуга с одинаковым недовольством оглянулись на вошедшего Франциска.

Франциск смущенно поздоровался, кратко объявил цель своего визита и предъявил бумаги.

Секретарь мученически вздохнул, бросил в тарелку недоеденную вкусную ножку и приказал слуге:

— Убери это.

Затем неторопливо вытер пальцы о салфетку, свисавшую с локтя слуги, пошарил в бумажном беспорядке на столе и извлек оттуда две маленькие круглые линзы, соединенные посередине серебряным зажимом. Это приспособление он надел себе на переносицу, несколько раз поправил и внимательно начал изучать пергаменты Франциска. Пока секретарь читал, нездорово подсвистывая своей широкой грудью, Франциск так же внимательно разглядывал воротник на его шее: там пушился мех — хороший был соболь, пышный, черный, с синей искрой.

— Ну что ж, добро пожаловать, синьор Франциск. Паоло, подай табурет синьору. Коллегия докторов рассмотрит твое прошение и вынесет свой вердикт. Вот список расходов, требуемых к экзамену...

Секретарь протянул каллиграфически написанный документ. Франциск начал читать: «Расходы, которые требуются для экзамена:

Во-первых, для 12 докторов коллегии — 12 дукатов.

Также для ректора университета — 2 дуката.

Также для викария господина епископа — 1 дукат.

Также для приора коллегии — 1 дукат.

Также для начальника канцелярии епископа — 3 дуката.

Также для каждой из двух корпораций — 7 ливров.

Также для коллегии докторов — 1 ливр.

Также для нотариуса коллегии — 1 ливр.

Также для нотариуса корпорации — 1 ливр.

Также за колокола и стол нотариуса — 1 ливр.

Также за скамейки — 12 солидов.

Также за 5 фиалов мальвазии — 2 ливра и 12 солидов.

Также за 4 фиала нагорного вина — 16 солидов.

Также за бумагу, воск и шелк — 13 солидов.

Также за флейты и трубы — 1 дукат...

Дочитав до конца, Франциск обнаружил, что это еще не все и убористый перечень продолжается и на обороте, а в конце стояло «итого издержек», которое намного превышало возможности его кошелька.

— А нельзя ли... обойтись без флейт, труб и прочего? — не своим голосом спросил Франциск.

— Как можно, такова традиция! — возмутился секретарь. — Тебя торжественно, под звуки труб облекут в мантию, и весь город будет ликовать

по случаю обретения нового доктора. Я уже не говорю о банкете во дворце епископа, который станет венцом твоего чествования.

— Про банкет я осведомлен, разумеется. Однако возможно ли несколько умерить плату?

— Только для потомства преподавателей плата может быть умерена, — отрезал секретарь, в глазах которого появился выразительный холодок.

Франциск вернул манускрипт и поднялся:

— Что ж, я вернусь написать прошение, когда сочту это удобным.

Секретарь неопределенно взмахнул рукой и повел плечами.

Франциск вышел на улицу: хотя солнце выглянуло навстречу ему из-за облаков, его лицо было темным от отчаяния. Он бесцельно шел, не разбирая дороги.

Конечно же, он знал, что экзамен на доктора стоит дорого. Ради этого несколько лет работал секретарем датского короля, собирая жалованье для заветной цели. Но когда он вернулся на родину, его поджидала подножка от судьбы: после смерти отца семейным делом занялся младший брат Франциска Иван. Оказалось, что торговец из него получился еще более негодный, чем питавший отвращение к торговле Франциск. Он безропотно оплатил долги брата — так как в глубине души честно понимал, что это ему, старшему сыну, уготована была судьба стоять за прилавком. Но после счастливого спасения семейного предприятия от краха его кошелек заметно отощал.

В памяти малодушно всплыл отвергнутый кошелек синьора Альваротти — но Франциск отогнал эту мысль как недостойную. У кого можно было просить взаймы? Антоний, несмотря на щегольскую манеру одеваться, едва ли ссудил бы ему такую сумму. Просить у датского короля тоже было бессмысленно: старый Ханс хотя и хорошо к нему относился, но у него самого лишней копейки никогда не бывало из-за вечной войны со шведским *ярлом* и легкомысленного мотовства наследного принца.

Однако здесь, в Италии, жил один знакомый ему человек, беспечно и щедро рассыпающий в многочисленные карманы друзей деньги своих богатых заказчиков и власть имущих меценатов. Франциск думал о Рафаэле: тот наверняка не отказал бы в просьбе, если, конечно, сам уже не разорился на подарки для своей любовницы Маргариты, к которой был просто одержим страстной привязанностью.

Приходилось ехать в Рим: но как же он не любил уповать на другого человека и выступать в роли просителя!.. Заметив на своем пути незнакомую капеллу, он решил зайти и обратиться за помощью к Провиденью и найти объяснение своим мытарствам на житейском пути.

В храме воспитанник монахов-бернардинцев привычно коснулся кончиками пальцев святой воды, поцеловал распятие и прошел в боковой неф, где погрузился в горячую молитву: «Господи, если Ты сердцевидец, то Тебе известно мое отчаяние и сомнение!.. Я с самых малых лет возлюбил знания превыше всех благ на свете. Я учил языки и читал Писание Твое, и так познавал Тебя. Сколько раз я видел слабость и смертность плоти человеческой, и каждый раз хотел тому воспротивиться. Что же, неужели это моя гордыня руководила мной, и я хотел подобно Тебе исцелять хромых и слепых, поднимать расслабленных с постели? Если это так, то мне лучше сейчас уйти, потому что я знаю: все, что неугодно Тебе, не даст плода. Чего же тогда Ты хочешь и ждешь от меня, Твоего раба Франциска?..»

Слезы текли по лицу юноши, но в его сердце не входило облегчение, и невидимый Бог не давал ответа. Бездумно прочитав еще и молитву на латыни, Франциск собирался встать с колен и уходить, когда почувствовал на своем плече прикосновение. Он поднял голову и узнал отца де Ларгиса.

— Я могу засвидетельствовать, что всякая молитва, произносимая в слезах, Богом будет услышана. А исполнена ли она будет, это зависит от Его благой воли. Чем я могу тебе помочь, сын мой?

Франциск смущенно поднялся.

— Я пришел сюда, потому что не знаю, поступаю ли я верно. Я всегда думал, что знаю свое призвание. А сегодня я в этом усомнился.

Священник усмехнулся:

— Сын мой, я уже более двадцати лет назад посвятил себя Господу. И каждый день сомневаюсь, что я достоин служить Ему. Но после молитвы все проходит. Расскажи мне свои тревоги, и я постараюсь дать тебе совет моего скудного разума.

Выслушав Франциска, отец де Ларгис прищурился и довольно поглядел куда-то в сторону алтаря:

— Что ж, тогда скажу, если ты доверяешь Божьему промыслу, то ты неслучайно пришел именно сюда. Это храм святого Урбана, и именно здесь проходит объявление и чествование тех, кто выдержал экзамен. Кстати, сейчас сюда должна прийти ко мне на исповедь одна дама. Я уверен, что она примет близко к сердцу твои затруднения и послужит... орудием в Божьих руках.

7

В капелле дельи Скоровеньи была безлюдная тишина. Едва переступив порог, Франциск невольно на мгновение замер от восторга, так как никогда еще не видел ничего подобного. Над его головой поднималась плотная, густая синева небес, усеянная мерцающими звездами. А от самого потолка до пола сияли яркими красками фрески, но изображения на них словно жили, двигались и дышали.

— Когда я вхожу сюда, я не чувствую благоговения. Взгляните на этих ангелов и святых: разве не такие же грубые лица я увижу на площадях Падуи? — пренебрежительно отозвалась о мастерстве Джотто мадонна Лоренца.

Зачарованный Франциск оторвался от созерцания гения и с виноватой улыбкой оглянулся на стоявшую рядом даму, о которой он в первый миг тут едва не позабыл.

— О, да?.. Что же, мадонна, тогда вам наверняка больше придется по вкусу кисть моего друга Рафаэлло Санти. Я видел в Риме множество его картин, которые он написал со своей... любимой натурщицы. У нее маленькие глаза, длинный рот и большие крестьянские руки, но в образе Пресвятой Девы она как... как отражение рая на земле.

— Вы говорите о придворном живописце папы? Я не знала, что у вас столь занимательные знакомства.

— Да. Я горжусь тем, что он и меня изобразил на одной своей фреске. Впрочем, мое лицо едва ли достойно там появиться. В отличие от ваших ангельских черт, синьора Альваротти.

Лоренца мельком улыбнулась равнодушной улыбкой красавицы, привыкшей к восхвалению своей внешности.

— О, вот и она, знаменитая звезда Вифлеемская. Говорят, Джотто изобразил здесь то небесное тело, что раз в сотню лет является в небе и предвещает великие события, — Франциск подвел мадонну Лоренцу поближе к фреске Рождества Спасителя. — А моя матушка рассказывала, что когда я родился, в небе посреди дня вдруг померкло солнце. И повитуха, бросив меня и ее, начала молиться и кричать, что настал Судный день, чем еще больше напугала мою бедную матушку...

— А когда родилась я, мой отец не мог удержаться от разочарования. Ведь он надеялся поднять на руки будущего дожа Венеции.

Франциск не слишком удивился:

— Так вы родом из Венеции, мадонна?

— Контарини, Дандоло, Фоскари — когда Венеция вышла из моря, мы были первыми, кто ступил на ее землю. И будем там первыми до скончания времен.

— Боюсь, я не могу назвать моих столь же славных предков. Я родом от добрых людей посполитых и сын славного много веков города Полоцка.

— Но если вы будете врачом, то, возможно, станете приближенным какого-нибудь государя. Кто знает, вдруг жизнь и здоровье самого Его Святейшества окажутся в ваших руках. Я хочу помочь вам, синьор Франциск, но при одном условии...

Лоренца стащила со своей руки перчатку и бросила ее на пол, к ногам Франциска.

— Верните ее мне. Тогда и в том месте, которое я вам назову.

Она развернулась и вышла из часовни.

Франциск поднял перчатку. Она была сделана из тончайшей мягкой кожи и еще хранила тепло руки своей хозяйки и контуры ее тонких пальчиков.

Весь вечер этого дня Франциск усердно был занят тем, что рисовал воображаемую обнаженную синьору Альваротти.

Он щедро наделил ее всеми чертами идеальной плоти: у возлежавшей на подушках женщины были полные руки, маленькие округлые груди, живот с глубоким пупком, пышные бедра и длинные ноги с изящными тонкими ступнями. Но все равно это была другая женщина, а не Лоренца. Он изобразил богиню, которой восхищался, но не женщину, которую желал, и потому она казалась безжизненной.

...Минувшее лето Франциск провел в Риме, на роскошной вилле Фарнезини, где преподавал ученикам Рафаэля анатомию. Сам маэстро иногда захаживал к ним на уроки — если только не писал спешно заказ или не пребывал (что случалось еще чаще) в объятиях Венеры. Франциск не однажды обеспокоенно замечал художнику, что такое количество вина и женщин вскоре истощит его здоровье, но на упреки в излишествах тридцатилетний Санти отвечал самодовольной усмешкой. Однажды Франциск набрался смелости и показал свои наброски Рафаэлю. Тот вежливо похвалил его рисунки растений и портреты, дал дельные советы, но оба они понимали, что в сравнении с очевидным гением Рафаэля эти работы были только посредственны.

— Что ж, нанимайся ко мне в ученики, — улыбаясь, предложил ему Рафаэль. — Человек нашей счастливой эпохи должен развить в себе всякое дарование. К тому же природу приятнее возделывать кистью, а не мотыгой...

— Тогда скажи мне, учитель Санти, как тебе удается изображать твою Маргариту такой прекрасной? Здесь, на этом полотне, несомненно она, но все же другая...

— Понимаешь ли, друг мой, ты смотришь на нее взглядом постороннего и отмечаешь все недостатки. Я же смотрю на нее с любовью — как, возможно, смотрит на каждое свое творение Создатель, — и потому вижу ее совершенной. Впрочем, я бы свихнулся, если бы был только сносный *мадоннеро*... Пойдем, я покажу тебе свои наброски античных философов: мне кажется, у меня неплохо выходит идея разместить на одном куске холста всех антагонистов...

Франциск как всегда искренне восхитился эскизом на бумаге и не забыл добавить, что ни Микеланджело, ни Леонардо не изобразили бы ничего подобного. Вообще его удивляло, что эти три гения, чьи способности приближались к сверхъестественным, с детской обидчивостью ссорились, соперничали и ненавидели один одного. Нелюдимый вспыльчивый Микеланджело с удовольствием рассказывал, если ему хотелось поговорить, что «Леонардо сын трактирной служанки, а Рафаэль — неблагодарный ученик, который все свои приемы подсмотрел у него, у Микеланджело». Надменный Леонардо в свою очередь пренебрежительно сравнил манеру Микеланджело рисовать обнаженную натуру с «мешками, полными орехов» и снисходительно называл мастера ремесленником. Однажды Франциск стал свидетелем далеко небезобидной перебранки: он в многочисленной и шумной компании поклонников сопровождал Рафаэля, когда на пути в папский дворец им встретился Микеланджело.

— Да ты прямо как полководец со свитой, — саркастически ухмыльнувшись, преградил он путь Рафаэлю.

— А ты как всегда в одиночестве, словно палач, — тут же ответил на словесный выпад Рафаэль, вызвав дерзкий и одобрительный хохот у своих приспешников. Микеланждело мгновенно набросился на соперника, и если бы их не разняли, папа Юлий II мог бы лишиться одного из своих любимцев.

Оттаскивая разъяренного Микеланджело в сторону, Франциск на мгновение оказался с ним лицом к лицу и наметанным глазом обнаружил, что нос гения приплюснут оттого, что явно был сломан ударом чьего-то кулака, а воспаленные глаза нехорошо красны от напряженной работы. Тогда он подумал, что эти необыкновенные люди, подобно метеору, сами себя испепеляют своим огнем и что, может, и хорошо, что милость Божия не одарила его таким тяжким даром.

...В этот момент дверь комнаты внезапно открылась, отрывая его от воспоминаний, и Джованна с порога прокричала Франциску, что пришел какой-то господин и хочет его видеть.

Франциск с облегчением смял лист, досадуя на самого себя, и отправился поглядеть на гостя.

Внизу его и в самом деле ожидал посетитель: это был толстяк-секретарь. Он с поклоном вручил Франциску послание, сопровождая его широчайшей улыбкой. Франциск развернул свиток и с бьющимся сердцем прочитал:

«Во имя Иисуса Христа.

Достопочтенному господину Франциску. Услышав о твоем похвальном желании испытать свои познания особым экзаменом по медицине, святая Коллегия докторов искусств и медицины повелевает тебе безотлагательно явиться в пятницу, пятого ноября, в храм святого Урбана в 17 часов на заседа-

ние. Где надлежит тебе разумно, честно и скромно отвечать на все вопросы, которые святой Коллегии благоугодно будет задать. При сим уведомляю, что по ходатайству благородного синьора Альваротти, донатора и попечителя университета славного города Падуи, издержки на оные испытания уменьшены будут вдвое. Написано рукою доктора искусств и медицины Фаддея Муссати, вице-приора вышеназванной Коллегии, с согласия советников указанной Коллегии, в год от рождения господа Иисуса Христа тысяча пятьсот двенадцатый, индикта XV, в среду, третьего ноября».

Дочитав, Франциск с волнением опустил письмо. И тут же с удивлением обнаружил, что секретарь снова тычет ему в лицо какой-то свиток.

— Это что, новый список расходов? — спросил он.

Секретарь оскалился улыбкой заговорщика и даже подмигнул:

— Нет, это список тех вопросов, которые господа ученые имеют обыкновение задавать. Всего за два дуката могу тебе их предложить.

— А-а, — также заговорщицки оскалился и Франциск. — Но у меня нет лишних двух дукатов. Так что могу только уповать на Господа, что стану отвечать на диспуте разумно, честно и скромно.

8

В капелле святого Урбана началось заседание.

Пока ректор монотонно перечислял имена и регалии собравшихся членов Коллегии докторов, Франциск успел про себя трижды прочесть молитву. Его слегка подташнивало от волнения и голода, так как уже было пять часов дня, а у него с утра не было и маковой росинки во рту, а уставшие глаза болели от напряженного и беспрерывного чтения. Он одиноко стоял перед холодными лицами восседавших магистров и сам себе невольно напоминал подсудимого.

Наконец ректор приблизился к нему и встал рядом, объявляя причину сбора Коллегии:

— Ваши превосходительства, господа ученые! Причина созыва Ваших превосходительств такова: прибыл некий весьма ученый бедный молодой человек, доктор искусств, родом из очень отдаленных стран, возможно, за четыре тысячи миль и более... — каждая морщинка на лице ректора лучилась снисходительной добротой. — Он обратился к Коллегии с просьбой разрешить ему в качестве дара и особой милости подвергнуться милостью Божьей испытаниям в области медицины. Если, Ваши превосходительства, позволите, то представлю его самого. Молодой человек и вышеупомянутый доктор носит имя господина Франциска, сына покойного Луки Скорины из Полоцка...

Ректор ободряюще кивнул ему, призывая говорить. Франциск шагнул вперед и заговорил, сам испугавшись громкой уверенности своего голоса:

— Господа доктора! Я смиренно прошу ради милости Божьей допустить меня к испытаниям по медицине, как и было изложено выступавшим ранее господином ректором. Клянусь в дальнейшем повсюду провозглашать славу, гордость и полезность данной Коллегии и каждого из докторов в отдельности, дабы возвеличилась честь и слава Падуи...

Повисла пауза. Затем один из магистров неторопливо поднялся и так же неторопливо произнес:

— По уставу и обычаю, мы должны подвергнуть тебя предварительному испытанию.

— Я готов услышать все вопросы, которые святой Коллегии будет угодно мне задать.

— Тогда скажи мне, юноша, каковы те элементы, что определяют здравие человеческого тела?

Франциск несколько удивился легкости вопроса, но быстро ответил:

— Гиппократ утверждает, что здоровье зависит от состояния четырех природных элементов, которые есть тепло, холод, сухость и влажность, а также от четырех жидкостей телесных: крови, слизи, желтой и зеленой желчи.

Магистр удовлетворенно покивал головой и уселся на свое место.

— Как тела небесные влияют на тела человеческие? — вонзился в испытуемого вопрос другого магистра.

— Наибольшее влияние тут оказывает Луна, вызывая беспокойство, ночные хождения и выкидыши у женщин. Великий Парацельс также указывает нам, что звезды в зловещем расположении могут зарождать многие поветрия и моры.

— Что вызывает дурную болезнь, именуемую французской, от которой умирают ныне многие юноши крепкого сложения? — Франциск, наконец, дождался коварного вопроса, ибо научные диспуты на эту тему пока не обрели единого мнения.

— Некоторые почтенные доктора называют тут причиной отравление спорыньей, — ответил Франциск, вызвав согласный гул внимавшей ему Коллегии. — Иные считают ее Божьей карой. Что касается лечения, то я слышал об успешном исцелении ртутью, однако поскольку эта болезнь совершенно новая, то по милости Господней, возможно, будут открыты нам и другие способы врачевания.

Так же быстро и толково ответил Франциск на вопросы и про дурной глаз, и про цвет и вкус мочи у беременной, и про Антониев огонь, и про английскую потницу, и про рог единорога, ото всех ядов употребляемый.

— Сегодня слышали мы из уст твоих много изречений славных ученых мужей... — торжественно изрек, поднявшись с видом собственного превосходства один из докторов преклонного возраста. — Однако скажи мне, кто из них является для тебя наибольшим мудрецом, коего избрал бы ты alter ego для себя?

Франциск почувствовал всеобщее усиленное внимание и поймал взгляды переглянувшихся экзаменаторов, но ответил с легкостью искренности:

— Я назову одну Книгу великую, которая учила меня читать... В книге этой начало и конец всякой мудрости... В ней же все лекарства душевные и телесные найдешь, и все вольные науки. Желаешь изучить грамматику — читай Псалтырь. Желаешь ли постигнуть логику — открой книгу Иова или послания апостола Павла. Задумаешь ли овладеть риторикой — прочти притчи Соломоновы. В Писании же и арифметику, и астрономию найдешь, и музыку в песнях святых. Но более всего там сокровище свое обретешь — философию добронравия, как Бога возлюбить и ближнего своего!

— Ну и достаточно вопросов на сегодня, почтенные господа ученые! — вмешался довольный услышанным ректор. — Пусть внесут нам урны для голосования. Кто согласен, чтобы этому господину Франциску дозволить испытание экзаменом, пусть бросит свой голос в урну подтверждающую, красную; кто не согласен, пусть бросит в отрицающую, зеленую.

Служитель принес две урны и расставил по обе стороны от кресла ректора. Магистры один за другим в привычном порядке вставали и подходили к красной урне, гулко бросая туда камешки. А может, и не стук падающих камешков слышал Франциск, а радостное биение своего сердца.

— Итак, ни единого голоса против, удовлетворенно подвел итог голосования ректор. — Поздравляю тебя, господин Франциск. По решению Коллегии, во вторник, девятого ноября, ты подвергнешься особому экзамену по медицине, и да поможет тебе в том Господь, врачеватель всех наших болезней душевных и телесных, и святой Антоний Падуанский. Аминь.

И вот, в сей светлый день в его честь трубили трубы, а за окнами громко и небескорыстно выкрикивали свои приветствия горожане, алчущие бесплатного угощенья. Это ему, Франциску Лукичу, сыну Луки Иванова Скорины, рукоплескали сейчас ученые старцы и признавали равным себе.

Франциск стоял на помосте в шелковой мантии и блаженно и растерянно улыбался. Ради этого мига он менял имя и веру, терпел боль под розгами учителей, голодал и не спал, проделывал тысячи миль, служил на чужбине государям. Во вспотевшей руке он судорожно стиснул указ, подтверждавший его степень доктора медицинских наук, но не этот унизанный тяжелыми печатями плотный кусок пергамента сейчас был ему бесценно дорог. Ах, не эта вожделенная бумага, отнявшая столько дней и бессонных ночей, оказалась самой желанной. А маленькая записка, как талисман лежавшая у него на груди под мантией. Крошечная бумажонка, на которой чернильной вязью, без подписи, сплетались изящные буквы в слова: «Завтра, Венеция, Риальто, палаццо Ка д’Оро. Carpe diem»[1].

9

Остроносая гондола легко разрезала поверхность густой зеленоватой воды. И серое пасмурное небо, и влажный холодный воздух, и низкие арки мостов, и трескучий плач чаек, и смешанный запах тины и жареных колбасок — все это безмерно нравилось и казалось прекрасным и гармоничным Франциску. Он жадно и с наслаждением вдыхал поток ветра, и ему казалось, что никогда в жизни он раньше не дышал так легко и свободно. Да и вся его размеренная жизнь вдруг теперь наполнилась скользящим и стремительным движением вперед, как вот эта венецианская лодочка-щепка, и устремилась... только куда? Об этом ему не хотелось думать, так как пьянившее ощущение счастья мешало размышлять, ему хотелось только — всегда, как здесь и сейчас, — быть рядом с ней, и представлять ее скрытое маской прекрасное лицо, и украдкой целовать завитой яркий локон, вздрагивающий на ветру возле щеки.

10

Франциск вернулся в гостиницу с блаженно-отрешенным видом души, только что спустившейся с небес. Он шел будто в сияющем нимбе от счастья, когда из-за угла к нему устремилась и ухватила за руку Джованна. Ее глаза были красными от слез и тревоги:

---

[1] Carpe diem (*лат.*) — лови удачу.

— О, господин доктор, как же хорошо, что вы вернулись! Как только вы уехали, у синьора Антонио заболел живот. Вчера ему стало еще хуже, а сегодня приходил его исповедовать святой отец...

Франциск секунду непонимающе смотрел на нее, удивляясь, как это в такое счастливое время кто-то может страдать. Наконец реальность пробилась к нему с тревогой за судьбу земляка, и он поспешил к больному.

В комнате Антония стоял отвратительный смрад, сразу же ударивший в нос Франциску. Привычным усилием подавив в себе гадливость, Франциск наклонился над одром. Антоний, скорчившись, распростерся на вонючих простынях, и лицо его было серовато-желтым.

— Что с тобой? — спросил Франциск, пытаясь нащупать у страдальца прерывистую вибрацию пульса.

— Фебра трясет, и кишки наружу вылазят... — простонал Антоний. — Черт меня дернул сырой воды напиться, очень пить хотел...

Франциск с негодованием выпрямился:

— Сырой воды выпил? И ты после этого еще хочешь стать доктором, баламут несчастный!..

— Ой, не бранись! Лучше сделай что-нибудь, а то меня тут влохи[1] и похоронят!..

Плач Джованны присоединился к стонам Антония.

— Я сейчас пойду за лекарством. Джованна, давай ему пить побольше, даже если не захочет...

Франциск вернулся в свою комнату и достал из сумки драгоценный имбирный корень. Его он начал бережно нарезать ножом в мелкую стружку. Несмотря на беспокойство за участь Антония, мысли доктора витали далеко и в приятных соображениях. Расставаясь с Лоренцой, они условились, что сегодня он придет к ней после полуночи. Так как раньше ему ничего подобного делать не приходилось, он думал об этом с беспокойством, рисуя в своем воображении то лай чутких собак, то крики бдительных слуг, или ярость и гнев внезапно появляющегося синьора Альваротти. Но даже тревога быть заколотым рукой ревнивца или получить тумаки от слуг туманно расплывалась перед яркими очертаниями прекрасной Лоренцы. Счастье манило его всеми острыми вожделенными гранями: прикосновением к горячей нежной коже, запахом сладковатых мускусных духов, шепотом и вскриком желанных губ, и смутно белевшим силуэтом в темноте ночи...

Но когда Франциск с дымящимся заваренным имбирем в кувшине вернулся к больному, Антонию очевидно стало хуже. Он метался на кровати и громко стонал.

Доктор несколько часов терпеливо поил его с ложки, ободрял и выслушивал сбивчивые горестные рассуждения:

— Друже, не дай мне тут преставиться на чужбине... Что тут хорошего есть? Леса куцые, охотятся на зайцев... А у нас, в фольварке Дубцы, так вольготно и просторно! Был бы я зверем или волколаком, как в берлогу, пополз бы туда...

Заметив в окне луну, Франциск поднялся и собрался уйти. Но Антоний цепко ухватил его за запястье:

---

[1] Влохи (*стар.-бел.*) — итальянцы.

— Ты куда? Я на смертном одре кончаюсь, а ты к малжонке[1] любиться бежишь? Ты же доктор, а не любодей.

Франциск похолодел от ужаса, уразумев и справедливость упрека, и жестокость этой правды. Атоний воспользовался его замешательством и капризно приказал:

— Вон, возьми лучше там Писание и читай надо мной псалмы. Моя матушка так делала в детстве, когда я болел, а я про себя молиться буду...

Джованна опустилась на колени у постели больного, набожно сложив ладони, Антоний тоже сложил руки лодочкой на груди. И Франциску ничего не оставалось, как повиноваться. Он взял со стола книгу и наугад открыл псалом:

— Miserere mei Deus, secundum magnam misericordiam Tuam.

Et secundum multitudinem miserationum Tuarum, dele iniquitatem meam.

Amplius lava me ab iniquitate mea, et a peccato meo munda me.

Quoniam iniquitatem meam ego cognosco, et peccatum meum contra me est semper.

Tibi soli peccavi, et malum coram te feci, ut justificeris in sermonibus Tuis, et vincas cum judicaveris.

Ecce enim in iniquitatibus conceptus sum; et in peccatis concepit me mater mea.Ecce enim veritatem dilexisti, incerta et occulta sapientiae Tuae manifestasti mihi.

Asperges me hyssopo et mundabor, lavabis me et super nivem dealbabor.

Auditui meo dabis gaudium et laetitiam et exsultabunt ossa humiliata.

Его прочувствованное чтение прервали рыдания Джованны.

— Что с тобой, Джованна? Будем уповать, что Господь исцелит синьора Антония...

— Я всегда плачу, когда на мессе «Miserere» поют... Так красиво, будто ангелы небесные... — Джованна вытерла свои мокрые щеки и добавила со вздохом: — Вот бы узнать еще, о чем они поют...

Франциск улыбнулся:

— Хорошо, слушай же, я переведу для тебя:

Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей,

и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои.

Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня.

Ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда пред Тобою.

Тебе единому согрешил я, и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре своем и чист в суде Твоем.

Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя.

Вот, Ты возлюбил истину в сердце и внутрь меня явил мне мудрость.

Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега.

Дай мне услышать радость и веселие, и возрадуются кости, Тобою сокрушенные.

— Ну как, тебе понравилось?

— Очень понравилось, господин доктор. Только я почти ничего не поняла.

— Понимаешь, Джованна, этот псалом написал еврейский царь Давид, когда каялся перед Богом в своем грехе. А согрешил он тем, что взял себе чужую жену, прекрасную Вирсавию... О Господи, чужую жену!..

---

[1] Малжонка (*стар.-бел.*) — женщина.

Франциск внезапно замолчал. В комнате повисла тишина. Джованна с любопытством смотрела на господина доктора, ожидая продолжения истории. Но бледный задумавшийся Франциск отложил книгу в сторону и снова начал поить больного.

Антоний постепенно менялся на глазах. К утру он и вовсе заметно повеселел, потребовал себе налить вина и с удовольствием выпил кубок за здоровье егомосьци, славного и доброго господаря, Жикгимонта короля.

Франциск же, напротив, словно постарел и болезненно осунулся за эту бессонную ночь. На рассвете он не выдержал, настежь распахнул окно, вдохнул всей грудью холодный освежающий воздух и с облегчением увидел, что над крышами домов уже розовеет небо.

Это там, с высоты востока, со стороны его далекой родины, поднималось солнце нового дня.

11

Франциск ждал ее в церкви святого Урбана. Он ждал, ждал, изнывая сперва от ожидания, а затем от беспокойства и тревоги. Близился час службы, и в храме появились первые прихожане.

Наконец она вошла. Франциск радостно бросился навстречу, но она резко повернула в затемненный боковой придел и там, в своем сером плаще, стала едва различимой.

— Слава Господу, что ты пришла. Прости, тысячу раз прости, что я не смог прийти ночью. Но мой друг умирал, и я лечил его всю ночь.

Лоренца заговорила, не снимая капюшона, и оттого, что он не видел ее лица, ее голос звучал еще выразительней и больней, как удар бича:

— Твой друг умирал, а я тоже умирала... от любви. Но к утру исцелилась совершенно. Интересно, и как это ты посмел лечить своего друга, не будучи в гильдии? За это тебе полагается штраф и немедленное изгнание из города.

Франциск невольно отшатнулся. Но Лоренца безжалостно продолжала:

— Женщины из рода Контарини никогда и никого не ждут. Жаль, я забыла о том, что ты варвар. Что же, я позабавилась с тобой, как забавляются с дрессированным медвежонком на ярмарке. Но сейчас возвращайся назад, в свою берлогу. Vale!..

Лоренца проскользнула мимо и с достоинством прошествовала вперед к алтарю, на первые скамьи, где было ее почетное место, слушать мессу.

Оглушенный Франциск смотрел ей вслед — удивительно спокойно она отдалялась от него.

Затаившись в темноте, он стоял здесь как посторонний, как изгнанник или вор. Боль раскаленным железом прожигала его сердце, но он терпел ее как наказание.

Отец де Ларгис со сложенными лодочкой руками торжественно выплыл к престолу.

Высоко, слаженно и красиво запели детские голоса хора:

— Miserere mei Deus, secundum magnam misericordiam Tuam.
Et secundum multitudinem miserationum Tuarum, dele iniquitatem meam.
Amplius lava me ab iniquitate mea, et a peccato meo munda me.
Quoniam iniquitatem meam ego cognosco, et peccatum meum contra me est semper.

12

Джованна и Антоний вышли его провожать. Франциск обнял своего бледного и еще слабого друга:

— Даст Бог, увидимся еще. Храни вас святой Лука и Пресвятая Дева.

— Обо мне не беспокойся, я остаюсь в добрых руках Джованны. Будешь в наших краях, непременно заезжай в Дубцы, передай обо мне весточку. От матушки моей голодным точно не уйдешь: она тебя и своей наливкой попотчует...

Франциск вскочил на лошадь и на прощанье махнул рукой. Счастливо улыбавшаяся пара замахала ему в ответ. Он тронул поводья, не желая растягивать минуту прощанья.

В последний раз мимо него мелькали церкви, статуи и палаццо Падуи, но он не останавливался, чтобы запечатлеть их в памяти получше. Все, что хотел, он уносил в своем сердце с собой. Мимо палаццо Альваротти он проехал, опустив голову: боялся, что вдруг увидит Лоренцу на балконе.

Но у Бычьего дворца Франциск остановился. Он спешился, приблизился к стене, на которой красовались магистерские гербы, и достал из кармана кусок угля. Выбрав свободное место, юноша не торопясь и аккуратно начертил ровный круг. Затем нарисовал в нем глаза, нос, губы, пририсовал змеящиеся лучи: получилось улыбчивое солнце. Подумав немного, Франциск прикрыл часть светила его тенью — изобразил острый, как натянутый лук, задумчиво отвернувшийся месяц. Минуту он довольно смотрел на свой рисунок, а затем старательно надписал над ним сверху несколько заглавных латинских букв.

К художнику со стороны дворца уже спешил возмущенный старый садовник и на ходу размахивал выпачканной в земле лопаткой:

— Стой, стой, наглец!.. Да ты хоть знаешь, что здесь изображены гербы господ магистров?! Сейчас же убери свои каракули... ну и что, что ты здесь написал?

Садовник близоруко сощурился, отыскивая на стене дерзкие следы вандализма.

Франциск улыбнулся:

— Здесь написано, что я доктор Франциск Скорина из Полоцка, — сказал он.

Владимир МОЗГО

Судьбы моей криница

У памятника Янке Купале

Дядька Янка… Народный… Поэт…
Выразитель и дум, и стремлений.
Что ты нынче нам скажешь в ответ,
Отчего ты печалишься, гений?

А Купала стоит, молчалив,
Брызжет солнце над парком в июле.
Мы читаем… И песни мотив
Растворяется в уличном гуле.

Как непросто с рожденья брести
К тем истокам, где отчее слово,
Где в метель обратившийся стих
Из метели является снова!..

Мы дойдем — среди весен и зим
Брызнет солнце над росною ранью!
Слово отчее не отдадим
Ни забвению, ни поруганью.

И доложим тогда песняру,
Что стоит опечаленный снова:
«Песни живы… Жива Беларусь…
И живет ее звонкое слово…»

* * *

В Пинске, Лиде, селах дальних,
Волей баб и молодух,
Разливается пасхальный
Пирогов волшебный дух.

Снова птичка-невеличка
Песней радует мир весь.

Солнце крашеным яичком
Улыбается с небес.

«Отче наш…» — отца и сына
Собирает за столом.
Брат, приятель — все едино,
Все мы, дружно и повинно,
Аромат бодрящий пьем.

В Пинске, Лиде, селах дальних
Ширь прозрачно-голуба.
Звон пасхальный, величальный,
И гульба…
Гульба…
Гульба…

* * *

Гуляю по берегу Свислочи,
Ищу молодые года.
Вдруг юность далекая выскочит
Из осени, что золота.

Снесли общежитье на Парковой,
И Парковой нету давно.
Мерцает под звездною аркою
Заветное чье-то окно.

В минуту свою невеселую
Почудится вдруг наяву,
Что сердце — как деревце голое,
С которого сдуло листву…

* * *

Глядит — глаза в глаза!—
Простор, что дан судьбою,
Где звезды в небесах
Горят для нас с тобою.

Где вечность прямо в кровь
Святым дождем струится…
Земля! Моя любовь,
Судьбы моей криница.

Где каждый новый день
Надежду приближает,

Что больше нам нигде
Никто не угрожает.

Люблю тебя одну,
Врагам твоим на зависть.
Так предки — Перуну
Когда-то поклонялись.

А тучка набежит —
Что солнцу тучка эта?
Одной тобою жить —
Вот счастье для поэта.

Святыни

Михасю Позднякову

Вечерний ветер гладил плечи,
Трепал седеющую прядь.
А Быхов шел тебе навстречу,
Чтоб по-отечески обнять.

Менялось многое в природе,
Сгорали истины дотла…
Но через отчее Забродье
Тебя дороженька вела.

И что грядет, и что осталось
Навеки в памяти твоей —
Все по Забродью вымерялось,
По скрипу стынущих ветвей…

Я знаю — память не остынет,
И влага катится из глаз,
Пока встречают, как святыни,
Хатенки брошенные нас…

Троицкое предместье

Чтоб нам не ошибиться,
Все делать честь по чести,
Украсило столицу
В честь Троицы предместье.

В корчме сдвигают кружки,
Звучат слова признанья.

Сюда спешат девчушки
На первое свиданье.

Когда же звон церковный
В округе длится, длится,
Играют крыши, словно
Запела черепица.

Теченьем гонит льдины,
И нет прекрасней мига.
Здесь много лет едины
И Свислочь, и Немига.

Тут, будто бы монеты,
Летят на дно созвездья,
Чтоб нам вернуться в это
Старинное предместье…

* * *

На свиданье, на свиданье
Я спешу по тишине,
И в душевном трепетанье
Хорошо и сладко мне.

Ты заплачешь?.. Не перечу,
Вытру капельку со лба.
Удивительную встречу
Подарила нам судьба.

Я спешу… Я жду ответа
От любимых глаз твоих.
Мы с тобою до рассвета
Ночь поделим на двоих.

Я спешу… Я поспешаю…
И мне радостно вдвойне
Оттого, что точно знаю —
Ты спешишь навстречу мне.

* * *

Зари вино хмелящее
Мы выпили до дна.
Волшебно-настоящее,
Как небо и весна.

Все-все до капли выпили —
Был беспечален рок.
Как будто почву выбили
У горя из-под ног.

Цыганка-ночь коварная,
Туманя звездный мост,
Зари вино янтарное
Разбрызгала средь звезд.

* * *

«Нас в Рим приводят все дороги!» —
Твердила истина.
Твой путь
С порога отчего, в тревоге
Спешит — назад не повернуть.

Жизнь — бумеранг.
Хочу вернуться
Туда, где Родины исток,
И с ним не в силах разминуться
Ходьбой измученный ходок.

Дорожным опытом богатый,
С годами понял мудрость я:
Не в Рим,
Под сень отцовской хаты
Ведет дороженька моя.

Перевод с белорусского
Анатолия АВРУТИНА.

Елена КОШКИНА

Давно вас тут не было

Рассказы

Хочу стать писателем

Я все время пытался начать что-то стоящее и не мог, все время пытался понять, почему не мог, и не мог понять, все время пытался перестать пытаться и начать делать что-то стоящее и ничего не мог начать делать. Даже обыкновенные ежедневные занятия обыкновенным любительским спортом не мог начать. Даже обыкновенную зарядку.

Почему?

И понял я однажды, что вместо того, чтобы бессмысленно и бесполезно задавать себе этот вопрос, нужно что-то сделать со своим способом проводить свое живое время, иначе я буду проживать такой унылой и надоедливой жизнью, что долгое и унылое проживание мое обезобразит быт дорогих мне людей.

И как раз вечером того дня, когда я так решил, по телевизору на популярном ток-шоу я увидел парня. Он учился в девятом классе, как и я, но в школу не ходил, занимался самостоятельно, проходил школьную программу дома и четыре раза в год сдавал в школе экзамены по необходимому объему учебного материала. Этот парень назвал себя «писатель» и заявил, что у него напечатаны уже две книги. Меня немного обескуражило то, что парень ничего нужного не рассказал и из книг своих ничего не прочел, но остальные участники ток-шоу смотрели на него с обожанием. Меня покоробила умильность их взглядов, но уважительное отношение понравилось. Я загорелся.

— Папа, сделай мне обучение вне школы, самостоятельно, я видел по телевизору, это возможно. Буду сам учить материал по программе, а в школу ходить буду иногда, чтобы сдать экзамены.

— Зачем тебе это? — спросил отец.

— Мне время нужно.

— Зачем?

— Я хочу стать писателем.

Отец отложил в сторону то, что он делал (а он сидел за столом и сшивал из разрозненных листов, взятых из старых моих тетрадок в клеточку, в линейку, даже еще в косую линейку, толстую удобную тетрадь), посмотрел на меня внимательно и сказал:

— Мне кажется, чтобы стать писателем, нужно не время. Что-то другое. Знания, например. Чувство слова, что ли. И еще что-то очень важное, удивительно важное, только не знаю, как это называется, сын. Самое важное что-то еще.

— А талант? — спросил я.

— Если большое желание сказать о чем-то совпадет с важностью этого чего-то, если удастся соединить важность того, что хочешь сказать, с теми словами, которые ты вынесешь для этого на свет, значит, видимо, где-то на твоей территории живет талант. А чтобы понять это, нужна большая работа.

— Ну нет, — сказал я. — У меня нет времени заниматься работой.

И мой папа — обычно сдержанный и вежливый человек — почему-то очень широко раскрыл глаза, уставившись на меня, и покрутил пальцем у виска.

Я люблю школу. Разные мои товарищи ее терпеть не могут, а я, наверное, всеядный и вселюбивый. Я люблю школьное здание, люблю его длинные коридоры и тайные переходы, люблю неистовое дребезжание школьного звонка, люблю выходные, люблю время уроков, люблю школьные праздники, очень люблю зиму в школьное время, люблю огромные летние каникулы.

Я не люблю только, когда все это происходит неправильно.

Митька сидит на стуле в своей комнате и глядит в глаза большому коричневому тульскому медведю. Митька говорит с медведем, представляя на его месте… кого? Вот Митя резко встает, подходит к медведю, кладет ему руку на плечо.

— Понимаешь, я не люблю, когда школьный звонок зовет в чудовищную неправильность. А какой, кстати, разный бывает школьный звонок! — Митя проводит ладонью по большому широкому черному холодному носу своего медведя, отступает от него и начинает ходить по комнате. — Когда на первый урок, он кричит: «Давай скорей, давай скорей, дневник заберут!» Когда на любимый урок, он зазывает: «Ну давай, заходи, здесь тебя ждут». Когда на нелюбимый урок, наш школьный звонок так шипит…

За школьным звонком ухаживает наша утрешняя уборщица тетя Аня. Это она нажимает на кнопку звонка. И она поэтому называет себя «звонарь».

— Урочный час настал! — объявляет она и жмет на кнопку звонка. Что она говорит, когда звонит на перемену, я не знаю, я на уроке. Но мне кажется, она заявляет: — Настало время перемен!

Я люблю тетю Аню. Еще я люблю учительницу по английскому Полину Дмитриевну. Люблю русалку Варвару Павловну, также мне нравится математик.

Вообще я люблю школу. Но это я уже говорил.

Митя уходит в папину комнату и скоро возвращается, держа в руках стопочку листов из старых своих школьных тетрадок. Кладет их на диванчик рядом с любимым медведем и садится на подлокотник.

— Вот… Самое трудное бывает… Даже не знаю что. Бывает, в школу очень хочется идти. Тогда уже с вечера знаешь, что ночь промчится птицей и утро вслед полетит.

А бывают такие неправильные вещи… Эти неправильности могут быть двух сортов: третьесортная неправильность и неправильность по высшему разряду, совершенно непонятная неправильность, ошеломляющая, и потом от нее долго как обожженный ходишь. Я эту вторую неправильность на себе хорошо испытал.

Первая — простенькая, почти никудышная. Приходишь на урок, готовый ко всему, совсем готовый. Вот, думаешь, вызовут — отвечу, приятно будет. Это бывает на рядовых, обычных уроках. Которые учишь просто потому, что все нужно учить в школе. Так считает мой отец, и я с ним, в общем-то, согласен. Он мне говорит, что все школьные предметы хоть с какой-нибудь стороны, а про нашу жизнь. Нынешнюю или прошлую, опавшую уже желтой листвой. Поэтому не ленись, говорит, учи все.

Так вот, приходишь ты на такой урок, а учитель не приходит. И сидишь ты 45 минут дурак-дураком. Конечно, найдешь, чем заняться, но я таких найденышей не люблю.

Причем учитель не пришел не потому, что заболел.

Митя подходит к мишке и берет его за лапу.

— Хотя, наверное, говорить об этом не надо. Получается, что ябедничаю. Но ведь я говорю об этом только тебе, Миша. Понимаешь, Мишка, — он потряс медведю лапу и вновь отошел, отвернулся к окну, — понимаешь, такие вещи выносят из меня уважение к учителю. Он не пришел на урок просто потому, что ему надо было посидеть в нужном месте и допить кофе с нужным человеком. Я об этом нечаянно узнал. Пока тянулось время этого злосчастного урока, я вышел из класса и побежал в раздевалку, потому что забыл там в кармане куртки деньги на обед. И на спуске в цокольный раздевальный этаж услышал из раскрытого кабинета соцпедагога, как завуч говорит нашему физруку Богдану: «Богдан Семенович, побудьте в 9Б, а то Д. все еще сидит с Н. насчет завтрашнего». — «Сколько ж можно?» — спросил Богдан. «Пока кофе не кончится», — был ответ.

Я забрал из кармана деньги, вернулся в класс. Богдан был уже у нас. А мне стало как-то противно.

И дело не в том, что я выучил урок и хотел ответить. Дело в том, что куда-то пропадало что-то.

Митя резко поворачивается к медведю и делает такой жест рукой, когда хотят сказать что-то важное и не находят этому названия.

— Куда-то пропадало что-то важное. Наверное, важное, раз я это помню. Ведь не зря же я это помню? Как ты считаешь?

— Я считаю, что жизнь состоит из жизни и недо-жизни, — сказал вдруг медведь. — Вот я сейчас живу, потому что ты со мной разговариваешь, — продолжал медведь. Ты ко мне относишься по-живому. Ты со мной считаешься. Ты спрашиваешь мое мнение.

А недо-жизнь — это, наверное, и есть твои неправильности. Про первую, никудышную, я уже услышал. А вторая, ошеломляющая, это какая?

Митя радостно улыбнулся и кивнул Мишке.

— Да вот какая, — сказал он. — Когда человек, которого ты уважаешь, которому веришь и доверяешь, вдруг предает тебя самым гадким и неожиданным способом.

Это называется «бить под дых сверху невидимой рукой». От этого потом надолго между левыми ребрами поселяется глухая обида. Это похоже на то, как ноет и ноет много дней подряд обожженное место.

Ну, в общем, у меня по русскому всегда хорошие отметки были. Да они и теперь хорошие. Я, как говорит Варвара Павловна, чувствую язык.

«Язык надо чувствовать, — говорит она. — А это далеко не всем дано. Вот Мите, например, дано. У него чуйка на язык».

И вот однажды, в восьмом классе, было у нас контрольное изложение. В том году русский язык у нас вела другая учительница, имя ее называть не буду. Она с нами два года работала, седьмой и восьмой. Многие в нашем классе любили русский и литературу именно потому, что вела эта учительница. С ней было хорошо, с ней было как-то нужно и важно быть. Мы два раза в неделю оставались после уроков, чтобы послушать то, что она нам читала. Я особенно запомнил «Кражу» Виктора Астафьева и стихотворение Иосифа Бродского про ястреба.

Так вот, насчет этого изложения. Я в тот день был очень нервный и тревожный, потому что сильно болела одна девочка. Мы с ней дружили, она очень мне нравилась. Плохо работала у меня голова, и, видимо, отключилась моя знаменитая «чуйка». Сделал я кучу ошибок и по содержанию, и по грамматике, и получил 4/4. Это по десятибаллке. Наша учительница просто испугалась, когда проверила мою тетрадь. Она так и сказала: «Что с тобой, Митя, меня просто испугала твоя работа. У тебя случилось что-нибудь?» Я говорю: «Можно, я после урока объясню?» — «Конечно».

Я к ней после звонка подошел, рассказал вкратце, что сильно нервничаю последние дни, ни о чем думать как следует не могу, потому что в больнице лежит очень дорогая для меня девочка. Я попросил: «Не ставьте эти отметки в журнал, разрешите переписать». — «Хорошо, — говорит она, — до конца четверти десять дней, на днях перепишем».

Договорились. Я каждый день жду, что она позовет переписывать, а она не зовет.

Оказалось, в школу проверка пришла, так называемый мониторинг. Все нервные, раздраженные, нас по струнке строят, одевают — черный низ, белый верх, черный бел, верхний низ, на переменах в классе не сидеть…

Я спрашиваю учительницу: «Когда же я перепишу?» А она: «Все, переписывать не будешь, отметка пошла». Я опешил: «Как же, вы ведь обещали…» А она таким стальным, жестким голосом: «Нечего надеяться на чужие обещания. Нужно уметь всегда выполнять свою работу хорошо. А влюбляться, кстати, рановато. Изложение написать как следует не можешь, а туда же… Любовь придумал».

И меня тут ошпарило, обожгло…

— Послушай, — сказал медведь. — Ты столько листов бумаги в комнату принес. Записал бы ты все это.

— Думаешь, это важно? — спросил Митя.

— Ты запиши. А потом перечитаешь, поймешь. Я бы записал на твоем месте. И отцу бы показал.

— Ладно, — говорит Митя и пододвигает к столу стул. — Вот, по-моему, подобные вещи и относятся к ошеломляющим неправильностям. У меня за год все равно отметка высокая была, дело не в этом. В чем-то другом. Понимаешь, я ведь даже имя ее нигде не называю, не могу назвать, хотя не забыл. В один присест, после двух лет нашей такой хорошей и нужной школьной жизни из моей души ее имя выжглось напрочь… Как будто кто-то открыл блестящий стальной кран, оттуда рванул кипяток и ошпарил ее имя, меня, ее… Она ведь со мной до конца года не разговаривала, только письменные мои проверяла. Ну, что я не разговаривал — понятно почему, а она почему? А прошлым летом она ушла.

— Видимо, ее тоже обожгло то, что она сделала, — говорит медведь и поворачивает голову к окну Митиной комнаты, в которое вплывает рассвет. — Смотри: новый день идет.

…Вот так я и провел этот вечер и, кажется, всю ночь,— сказал Митя, вставая со стула и потягиваясь. — За окном рассвет, а на столе передо мной… Я ведь по совету моего мишки записывал то, что говорил. Ну не все, конечно, но тут столько листов…

Надо, наверное, их по порядку расставить, дать им номера и показать папе.

Настоящий разговор

— Книжки по-прежнему читают, — сказал папа. — Все равно читают, несмотря на то, что у многих есть такие экраны, как у меня и у тебя, и можно все посмотреть.

Мак слушал. Он был маленький, поэтому слушал внимательно.

— И понятно, если б мы читали только ради развлечения. Так нет же… Что мы ищем в книжках? Любовь? Страдания? Своих не хватает? Может быть, в книжках мы ищем свою вину? Может, мы хотим там найти оправдание своей вины или хотя бы причину? Причем лучше на бумаге, в обложке, так надежней. С экрана все сыплется, — задумался вслух папа.

Мак слушал. Он был маленький, поэтому вины у него еще не было.

— Может быть, мы ищем в книжках свою дорогу? — продолжал громко думать папа. — Или, скорее, моменты своей дороги. Сначала они вроде бы ничем не связаны между собой и почти ничего не значат, а потом оказывается, что из них состоит мир. Мир состоит из моментов, которые запомнились навсегда. Издавна, издалека и навсегда.

Отец держит Мака за руку. Они гуляют.

— Но зачем я тебе все это говорю, Мак? Ты еще маленький.

Мак и Марк, его отец, одновременно склонили головы набок и посмотрели друг на друга: Мак — снизу вверх и наискось, Марк — сверху вниз и наискось, причем Мак посмотрел на отца немного насмешливо. Обменявшись взглядами, они одновременно пожали друг другу руки.

— Хм-м, — сказал папа. — Значит, все-таки разговор не должен меняться из-за возраста. Если, конечно, нам в руки попался настоящий разговор. Как ты считаешь, он нам попался?

— Да, — ответил Мак, уверенно кивнув головой.

— Надо беречь возможность разговаривать друг с другом, — помолчав, продолжил отец. — Она так быстро исчезает почему-то… Желание разговаривать резко сменяется невозможностью разговаривать, симпатия вдруг превращается в неприязнь. И этому есть удобное объяснение: ну так получилось, ну что ж тут… Так звезды встали, так карты легли, так майский жук пролетел, так цикада спела…

Хотя вряд ли. Но кто знает… Мак, хочешь мороженого?

— Хочу, — весело сказал Мак. — Пошли в какое-нибудь мороженое кафе.

— Пошли. Это нам направо.

Вот и идут. По обе стороны проезжей части — шумные тротуары.

Людей много.

— Папа, ты в детстве ходил в кафе «Мороженое»?

— Да. Я ходил туда с родителями и братом. Мы заходили в кафе несколько раз за прогулку, пока не начинало тошнить от мороженого. Понимаешь, тогда мороженое было дешевое по сравнению с зарплатой, и можно было покупать его много раз за день. А может быть, это я просто выдумал насчет мороженого и зарплаты. Просто твои дед и бабушка были работяги и умели отложить достаточно денег на прогулки с детьми. — Марк резко остановился. — Хотя, что это я, у меня тоже достаточно денег сейчас, чтобы несколько раз поесть мороженого в кафе. Я что — нытик, что ли, или жадина?

— Нет, пап, ты не жадина. Даже не нытик, — сказал Мак, с интересом рассматривая папу. — Ты просто говоришь аб-сурд.

У Марка отъехала нижняя челюсть, и он не мог сдвинуться с места. А Мак за это время прошел неспешной походочкой вперед, обернулся, развернулся и направился к отцу.

— Ну, что ты стоишь?

— Откуда ты знаешь это слово?

— Абсурд?

— Да, абсурд.

— Я от деда слышал и от бабушки тоже слышал. Я хорошо помню, как бабушка однажды говорила деду: «Ну что ты этот абсурд несешь, ты хорошо понимаешь, что жить дальше все равно придется!»

Марк продолжал стоять столбом.

— Мак, я хочу уточнить, сколько тебе лет, — медленно произнес он.

— Восемь.

— Да-а-а… — пропел Марк, взял сына за руку, и они потихоньку пошли. Марк помолчал-помолчал, а потом продолжил:

— Так вот, это было в городе Ленинграде. И это было так.

Жаркий летний день. Мы гуляем по Ленинграду. Впереди — кафе «Мороженое». Отец говорит: «Пошли. Жарко. Пора съесть мороженое». Продавщица взвешивает нам четыре порции; в каждой порции по три шара мороженого, от каждого шара исходит чудный холодный пар. Тройки шаров уложены в изящные металлические неглубокие пиалы на ножке. Две пиалы с клубникой, одна с черникой, одна — просто пломбир. Съедаем, причем быстрее всех съедал я, выходим из кафе и отправляемся гулять дальше. Но по мере роста дня растет и жара. А впереди снова видна вывеска «Мороженое». И день длинный. Поэтому мы заходим в разные кафе несколько раз за прогулку, пока не начинает тошнить от мороженого. Вот так.

Марк замолк. Ненадолго.

— Вот так… Абсурд, однако… Аб-сурд. Скоро-скоро придем к кафе, скоро.

Марк шел, внимательно глядя на Макову макушку, поэтому споткнулся.

— Смотри под ноги, папа, — весело вскинул вверх голову Мак.

— Да. Буду смотреть, — сказал Марк. И продолжил думать вслух: — А вот теперь город Ленинград зовется Санкт-Петербург, а то и вовсе Питер. Понимаешь, Ле-нин-град теперь — это история. Это нервическая история наших непонятных представлений о добре и зле. Даже не то чтобы непонятных, а катастрофических.

Марк опомнился, наклонился, заглянул Маку в глаза и увидел, что сын внимательно слушает. И он продолжил:

— Понимаешь, моя бабушка Шура пережила блокаду в Ленинграде. А твой дядя Семен живет теперь в Санкт-Петербурге. А то и вовсе в Питере. Это катастрофа. Так я это чувствую. Как катастрофу.

— Что такое блокада, папа? — спросил Мак.

— Блокада? Сейчас объясню. А что такое катастрофа, ты знаешь?

— Это я уже слышал, — сказал Мак. — От бабушки. Она говорила: «Максимушка, твой дед сегодня не дед, а просто катастрофа. Ты лучше пойди в свою комнату. Это ненадолго, я быстро превращу его опять в деда». Так что я понимаю это слово. А блокаду еще не слышал.

— Это блок ада, — помолчав, ответил отец. — Это блок ада, поставленный перед тобою. — Марк вздрогнул от смысла собственных слов и наклонился к сыну. — Не перед тобой, сынок, перед теми людьми, тогда… — Помолчал и спросил: — Почему ты слушаешь меня, сын?

— Мне нравится запоминать слова. Мне нравится запоминать твои слова, папа.

Они молча прошли еще немного по улице, и через несколько минут Мак радостно закричал:

— Смотри, вон кафе «Мороженое», видишь вывеску?

— Да! — обрадовался Марк. — Наконец-то!

Это было очень небольшое уютное кафе. За волнообразно изогнутым бежевым прилавком женщины-продавщицы раскладывали по пластиковым разноцветным пиалкам без ножек шары мороженого, которое тоже было разноцветным и от которого шел чудесный холодный пар. Марк и Мак заняли только что освободившийся и поэтому еще не убранный столик возле окна.

— Какое ты хочешь? — спросил Марк.

— Любое, — ответил Мак.

— И я любое. Значит, возьмем всех понемножку. По шару, да?

Мак кивнул.

Марк подошел к прилавку, заказал Маку четыре разноцветных шара — малиновое, фисташковое, киви и белое, а себе — три белых. «Семь — хорошее число», — тихо сказал он самому себе. Оплатил. Принес две дымящиеся морозцем пиалки и поставил на столик, аккуратно отодвинув еще не убранную грязную посуду. Тотчас подошла женщина в фартуке, стала вытирать столик. К Марку была повернута правая сторона ее лица, и на этой стороне устойчиво держалась легкая приветливая улыбка. Мороженое было таким вкусным, работница кафе улыбалась так приветливо, что Марк подумал с досадой: «Что же я часто бываю такой хмурый, недовольный, злой? Как же так, почему я себе позволил это…»

— Посмотри, Мак, — тихонько сказал он на ухо сыну, — как по-доброму улыбается эта женщина. А ведь работа уборщиц нелегкая, невеселая, грязная, эти женщины зависят и от начальников, и от посетителей. А получают очень маленькие зарплаты. Вот как надо жить — приветливо, радостно, несмотря ни на что. Видимо, этой женщине достался очень нелегкий крест, но смогла же она как-то изменить действия своего креста и все равно улыбается навстречу людям.

Мак выслушал отца, подождал, пока женщина вытерла насухо столик и ушла, съел третий шар мороженого и сказал:

— Ты видел только половину ее лица, папа. Ты не видел другую половину. А я видел другую половину. Она вся в шрамах, папа. Наверное, у нее заклинило мышцы. У этой женщины какая-то беда с лицом, папа.

Марку стало не по себе.

— Прости, сын, я не заметил, — сказал он виновато.

Мак облизал ложечку, положил ее в пустую пиалку.

«Ему нравится запоминать слова, — думал Марк. — Как здорово, однако, бабушка сказала про крест. Как же я сам от нее этого не услышал… Видимо, я слишком занят самим собой».

Они шли рядом, отец и сын. Они шли рядом, молчали и смотрели на облака, дорогу, деревья, много лет назад высаженные вдоль мостовой, на лица идущих навстречу людей. Потом Марк сказал:

— Мак, ты очень хороший. Я таких еще не видел. — Помолчал и спросил: — Сын, ты не возражаешь, если я возьму тебя за руку?

— Нет, — весело ответил Мак и протянул отцу руку.

Давно вас тут не было

Безветренно и облачно. Аня идет быстро, а ступив на дорожку, ведущую к колумбарию, умеряет шаг. Людей мало. Она хорошо знает, где ее стена и где две ее завершенные ниши с фотографиями на медальонах из керамогранита.

— Ну, здравствуй, — говорит Аня и прижимает ладонь к холодной гранитной поверхности. Долго стоит она возле стены или нет, не заметила. Перешла к другой ячейке, расположенной на соседней стене, и снова прижала к гранитной поверхности ладонь.

— Ну, здравствуй.

Договор был подписан давно, и слияние согласно этому договору оказалось неизбежным. Оно произошло сразу же, как только закончился аудит. А казалось, что после аудита должен начаться дискурс.

Оказалось, нет.

Новые слова, вбегающие в жизнь с легким цоканьем сверкающих металлопластиковых копыт, сначала кажутся полны смысла и глубины, которые хочется узнать и понять. По мере узнавания и изучения оказывается, что ты просто делаешь перевод иностранных слов на свой язык, нового смысла там нет. Переводишь, вычеркиваешь, редактируешь, пытаешься объясниться.

Когда-нибудь все это пригодится. Отредактированная, натренированная, почти вымуштрованная психика; легкий характер, из которого ежедневно изгоняются нервозность, тревожность, истеричность; незлая, но постоянно борющаяся с подозрительностью и мнительностью душа; старающийся выйти из хранилища словарный запас. Лет тридцать назад хотелось, чтобы это «когда-нибудь» скорее наступило, хотелось пригодиться как можно быстрее и удачнее. Теперь все нужное каждый день обязательно оказывается на своем месте, если я сама его никуда не переставлю. И пригодиться никуда не хочется. Теперь я сама каждое утро оказываюсь на своем месте, если...

…когда просыпаешься, есть такой проулочек в мглистом еще, не проснувшемся микрорайоне твоего утра, где очень опасно задерживаться. Какой-то нехороший участок, бессмысленно-беспокойный и бесполезно-тревожный. Скользкий — даже летом. Если успеешь проскочить этот проулок и не поскользнуться, все продолжится хорошо.

Когда не хочется никуда пригодиться, наступает другая жизнь. Она подвижная, изменчивая, переливчатая, как туман. Она может быть мрачной. Она может быть вся на виду, а может — уйти в одиночество. Она может уйти в одиночество на виду, а на самом деле, в своем истинном времени, проходить вполне общественно, на благо живущим. Судьбы разные, одиночества бывают так трагичны, что не приведи господь.

Но я имею в виду другое одиночество. Ясное, прочное, сосредоточенное на чем-то своем.

Такое, которое приходит к тебе и говорит: «Привет, ты один. Давай-ка, соберись и подумай, подумай как следует, чтобы ничего плохого больше не случилось. Понимаешь, ведь это счастье — когда ты живешь и жить тебе не противно».

Ту осень я жила так, как мне давно хотелось жить именно осенью. Часа три-четыре в день у меня уходило на работу, причем не с самого утра, остальное время было мое. И это мое время — так я хотела и надеялась — тоже должно было растрачиваться на работу, но уже на любимую работу.

Давно, с восемнадцати лет, держит меня моя любимая работа.

И Аню я знаю давно. Этой осенью мы встречаемся часто, потому что я с утра дома и живем мы в соседних подъездах.

— У нас никогда не было стиральной машины, — сказала однажды Аня, глядя, как я загружаю в стирку порцию вещей. — И это не мешало нам жить, жить нам мешало совсем другое. Теперь стиральная машина есть, только живем мы уже не все. И мне жаль, что некоторых из нас давно тут нет.

Она замолчала, вышла со мной в комнату.

— Хотя это *теперь* мне жаль, что их нет. Когда они жили, я часто бывала безжалостна.

Может быть, все произошедшее правильно, для них правильно. А вот для меня… Таких людей я больше не вижу, а без них жизнь бывает похожа на большую нежилую квартиру.

Надо же — для того, чтобы это понять, нужно, чтобы людей не стало.

Аня говорит, а я слушаю — не затем, чтобы дать ей выговориться, ей это не нужно, просто она знает, что в моем сознании тоже живет и развивается, как сильный живой организм, очень зависимый от нас мир похожих на Анины тем. Кроме того, я тоже давно знаю тех, о ком она говорит. Марк, Наташа и Аня — родные люди. Мне они — друзья.

Чтобы создать нашим темам какой-нибудь нейтральный звуковой и изобразительный фон, мы включили телевизор. Но, кажется, зря.

«Утром кофе Турбо-слим, вечером чай Турбо-слим!» — хорошо поставленным голосом радостно заявляет уверенно занявший свою нишу непростой человек — Телеведущий. Непростой человек пьет Турбо-слим и выбирает Гарньер-Колор-Нэйчерелз. Ведь он этого достоин! Непростой человек достоин сниматься в непростой рекламе. Сидя за столиком в кафе, он разговаривает с отвратительными маленькими недочеловечками, прыгающими по столешнице, журит их по-отечески и прогоняет, а сам гордо выходит из зала подозрительно кудрявой, вихляющей походкой-вертихвосткой. Непрост…

А простой человек, который вечером решил включить телевизор, с возрастающим печальным недоумением смотрит, как уважаемый им Непростой Телеведущий в другом своем ток-шоу, посвященном крайне тяжелым, кровопролитным, гибельным событиям, входит в студию новой, еще не опробованной походкой, в новом, еще не опробованном костюмчике… Это все было бы любопытно и интересно как примеры мужской элегантности, умения следить за собой, если бы не кровавая тема передачи…

Но он непрост, он этого достоин. Только вот как он это может… Ведь получается ужасная вещь: он самовыражается на благодатной почве чужой беды. Неужели он не понимает, как это жутко?

Марк тоже, можно сказать, был человек публичный. В том смысле, что многие в городе его знали, он был востребован благодаря знанию многих языков и пониманию людей. Он был красив, ему шли дорогие вещи, но он никогда не демонстрировал прилюдно своей красоты и не участвовал в рекламе услуг и товаров. Его приглашали участвовать в этих великих делах, но он не мог на это согласиться, даже при большой нужде в гонорарах, потому что возможность такого согласия не входила в состав его человеческого существа.

— Ты должен занять свою нишу. Знаешь ведь, желающих занять это место много. Но я всем говорю: «Эта ниша уже занята, не по вашей она

части». Давай, не тяни, не прячь голову в песок, иди и займи свою нишу, пока ее не занял какой-нибудь пришлый крот или пока ее не замазали цементом.

Так часто говорил ему Олег, его своеобразный куратор.

А он не хотел занимать никаких ниш. «Ниша будет у меня здесь», — сказал он, когда провожали его мать. В строгом, торжественном, полном воздуха здании крематория.

«Крематорий» — душное слово. На самом деле это здание пронизывают такие мощные волны холодного и горячего воздуха, сменяя друг друга слоями, что скорее ему подходит имя «Дом последнего воздухоплавания». Холодные — или, точнее, прохладные слои — для остающихся. Они насыщены кислородом для жизни на Земле. Горячие — для уходящих.

Там, в Доме последнего воздухоплавания, под биение крыльев «Лакримозы» Моцарта, он сказал служительнице, проводившей тело матери к окончательному огню: «До свидания». Наверное, до сих пор в этих стенах человеческий голос не произносил «до свидания», потому что женщина вздрогнула и на лице ее возникло выражение глубокого удивления.

Когда все провожавшие шли обратно к машинам и автобусу вдоль выложенной прямоугольным крепким камнем дороги, Марк почему-то перешел на противоположную пешеходную тропинку. Через пару минут к нему переместилась Наташа, и до ворот они шли вдвоем, хотя Марк все равно немного отстал от нее и шел сзади все же один. Куратор Олег со своего пешеходного бортика поглядывал на него и бормотал: «Ну, теперь-то надо начать… Ну, теперь жми на газ».

Марк, неужели ты шел по одной стороне улицы, а твоя жизнь — по другой? Нет, конечно. Ведь если так предположить, значит, Маркова жизнь должна была идти по одну сторону с Олегом? Но тогда это был бы не Марк. Нет, это не жизнь его шла по другой стороне улицы, а то, чего не хотела принимать его душа. То, чего не хотела принимать его душа, всегда шло по другой стороне его разнообразных дорог, и он не давал возможности для перехода к нему. А вот Наташа… Марк очень любил Наташу, и шли они в одну сторону и по одной дороге, но почему-то всегда — на расстоянии лесного оклика: «Ау!»

Аня, доставая чашки для чая, как будто в ответ на мои мысли о Марке и его дороге, продолжала:

— Мне сейчас подумалось, что Марк и Наташа всю жизнь шли по противоположным сторонам улицы, порой делая попытки перейти друг к другу через дорогу в неположенном месте. И в этих попытках у них родилось четверо детей.

Хотя на самом деле они всегда жили вместе, почти никуда и никогда не уезжая друг от друга.

Создание семьи — это создание мира. Этот мир создают два человека, мужчина и женщина. В нем должны быть твердь, вода, небо, другие живые существа, день и ночь, утро и вечер. В этом мире должно быть указано, что хорошо и что плохо. Боже мой, как же трудно создать один мир — двоим. Это как минимум в два раза сложнее, чем создание нашего общего, единого, такого, казалось бы, знакомого мира, созданного — если, опять же, верить мировым религиям и философиям — одним создателем. Это как минимум в два раза опаснее, если судить по ужасу, который происходит в нашем общем единосозданном мире и который мы все сейчас переживаем.

Хотя опять же, конечно, не все.

Каждому — свое. У каждого свой путь, свое видение происходящего, свое отношение ко всему. Среди нас много мерзавцев, много дураков, много светлых, хороших, настоящих людей. По дороге все мы совершаем или — добро, пользу, радость, или — зло, многообразное и ужасное. Кто-то идет своим путем быстренько, вскользь и как получается, кто-то — рассудительно и неторопливо, ничего постороннего, не относящегося к своему собственному «добробыту» не беря, как чудесно говорится, в голову, кто-то идет, не замечая скорости своего движения, весь пронизанный неустранимой трагичностью нашего существования.

Я давно знаю Марка и Наташу, у нас соседние подъезды. Их присутствие в окружающем пространстве создавало необходимое, деятельное, несущее напряжение. Когда-то Анин муж Миша объяснял мне, как передаются различные радио- или телесигналы. «Должна быть несущая волна, — говорил он. — На нее можешь положить что угодно, любую информацию, любую эмоцию — и посылай куда тебе надо». Присутствие Марка и Наташи в окружающем пространстве было такой несущей волной.

Однажды мне приснился сон.

Я еду в троллейбусе с Марком. Он сидит у окна, я — с краю. Троллейбус идет вдоль реки. Мне кажется, что эта троллейбусная линия всегда будет идти вдоль реки, не поворачивая никуда, как будто река и троллейбус очень тесно, серьезно и глубоко связаны. Никогда в нашем городе я не видела троллейбусной линии, проложенной вдоль реки.

За окошками троллейбуса тепло, лиственно, сквозисто-солнечно. Марк говорит, глядя в окно: «Я хочу, чтоб ты знала: я всегда любил только Наташу. Я изменил ей когда-то оттого, что мне всегда всего было мало. Отвратный организм. Но это было до свадьбы».

«Почему же вы так часто и тяжело ссорились?» — спрашиваю я.

Марк молчит.

Троллейбус движется, позванивая и почиркивая по-своему, по-троллейбусному. Я почему-то знаю, что следующая остановка — наша.

«Мы сейчас выходим,— говорю Марку, поднимаясь. — Пошли».

Марк поворачивает ко мне спокойное лицо и качает головой. Я снова сажусь рядом. «Куда мы едем?»

Троллейбус останавливается.

«Выходи», — быстро говорит Марк.

«Мы вместе выходим, Марк».

«Нет, выходи быстрей!»

Выхожу. Троллейбус трогается с места, Марк, легко улыбаясь, смотрит в окошко мне в глаза и машет рукой.

Странно я себя чувствую, просыпаясь. Грустно, спокойно, в теплых руках, на *несущей безнадежной волне*. И мне обидно, что он меня прогнал.

Каждый раз, когда этот сон выпрыгивает из моей памяти, я понимаю, что мало встречалось мне в жизни таких людей, которые гнали бы меня из своей не способствующей благополучному земному существованию ситуации. Многие люди, наоборот, затягивают тебя, если ты хоть как-то попался им под руку, в свой провальный проект.

Как давно тебя тут не было, Марк.

Время уходит, и люди уходят вместе с ним. А философ Павел Флоренский говорил, что время круглое. Во что же превращается наше уходящее время? Судя по лицу профессора, который недавно рассказывал студентам о Фло-

ренском, уходящее время превращается во что-то хорошее, потому что лицо старого профессора при словах о времени стало похоже на круглый сияющий новогодний звон.

А ведь и правда, как бы то ни было, наступает момент, когда про тебя уже невозможно сказать: «Нет-нет, такого-то нет. Тебя нет, что ты».

И дело здесь не в надежде на то, что в свое время все необходимое окажется на своем месте и все, что на самом деле должно получиться, получится. Конечно, надежда — хорошая вещь. Наверное. Известно же, что надежда умирает последней. И ведет себя она не так, как, например, настоящий командир батальона. Командир батальона не прячет свое сердце за спины солдат, а надежда прячет. Надежда прячется вся целиком за спинами идущих впереди воинов. Надежда прячется в бою за человеческими спинами и поэтому умирает последней. Или вообще не умирает.

Но дело вовсе не в надежде. В чем-то другом.

— Когда он болел своим последним болением, — продолжает Аня, — я думала: «Вот он выздоровеет, и наконец, закончится аудит и начнется дискурс». Это я для себя так назвала. Аудит — я так понимаю — это слушание, а дискурс — обмен мнениями, совместные рассуждения, диалог, наконец. Марк требовал, чтобы его слушали, причем слушали внимательно, не перебивая и не отвлекаясь на свои мелкие неинтересные делишки. Сам он не старался внимательно слушать своих родных. Чужих людей слушал внимательно, родных — нет. Вот я и думала, что он переболеет, испугается того, что можем и не поговорить никогда, ведь болел он очень тяжело. Я потом поняла, что он и сам об этом думал. В последний раз, когда я была у него в больнице, он, уезжая на последнюю свою операцию, махал мне рукой и говорил с воодушевлением: «Когда выйду, обо всем разговаривать будем. Лишь бы Наташа была здорова».

Не случилось.

Врач в реанимации сказал, что свои окончательные два дня после операции Марк совсем молчал. Раньше он ухитрялся что-нибудь рассказать медикам, как-нибудь развеселить, что ли. А тут — замолчал. Может быть, он начинал тогда свой молчаливый дискурс с нами, зная, что голосового, звукового общения уже не будет.

Аня всегда старалась помирить Марка и Наташу, когда ей случалось присутствовать при их неслабых ссорах.

— И каждый раз, — продолжает Аня, прохаживаясь по комнате, — когда я встраивалась в их боевые действия и военные отношения, я сильно переживала и на полном серьезе бросалась или защищать Наташу, или произносить, прыгая по комнате, разные казавшиеся мне очень умными мирительные фразы. Но через несколько часов их «передовая» превращалась в мирное теплое пространство, где беседовали умные, добрые, любящие друг друга люди. Как будто ничего не было. Для них, видимо, ничего особенного и не было, и оба недоумевали по поводу моего невеселого настроения.

Тогда я стала учиться не реагировать.

А потом, выйдя за Мишу и прожив с ним два года, я поняла, какие это были непростые ссоры — ведь не из-за денег, не из-за измены, не из-за чего-то материального. И какие это заразные ссоры, сами себя копирующие ссоры, ссоры-клоны…

Вот ты говорила, тебе снился Марк. А я видела во сне Наташу. Рассказать сон?

— Конечно, — говорю я.

— Я еду с Наташей в автобусе. «Как вы живете?»— спрашивает она. «Да все хорошо, в основном все хорошо. Скоро сама увидишь, мы же вместе домой едем». — «Нет, я еду к Марку, — говорит Наташа, — он болеет, везу ему лекарства, буду лечить. Смотри, на этой площади моя остановка». Она показывает в окошке приближающуюся площадь. «Наташа, почему мои ссоры с Мишей так похожи на те, что когда-то были у тебя с Марком? Как мне это исправить?» — «Все должно прийти к настоящему градусу своего позволения, — отвечает Наташа и мягко, легко смотрит на меня. — Мне надо выходить. Ты подумай…»

Автобус останавливается на очень знакомой мне площади.

Наташа выходит, поворачивает лицо к моему окошку и машет мне рукой, а я остаюсь в автобусе и чувствую, что несет меня вместе с автобусом упругая теплая волна, не нуждающаяся в объяснениях и надеждах.

Аня помолчала, взяла чашку с чаем, поставила обратно на стол.

— Давно тут не было Наташи.

За окном взошли сумерки. Наконец-то мы допили чай. У нас всегда так: как начнем пить чай с утра, так и день проходит.

Надо расходиться. Хочется что-то сказать.

Что же можно сказать…

— Ну, здравствуй, — только и можно сказать и прижать ладонь к холодному граниту. Постоять. Сколько времени постоять, не заметишь. Перейти к другой гранитной поверхности и прижать к ней эту же ладонь. — Здравствуй.

И услышать, как дрогнет пространство, принимая в себя несущую и безнадежную, и не нуждающуюся в надежде волну.

Георгий КИСЕЛЕВ

Желтеет над сопкой звезда

Рассказ рыбака

Памяти Александра Петрова

Назло штормовому сигналу
Мы шли переходом норд-вест.
Меж тем, выцветая помалу,
Менялося море окрест.

И стало мрачнее и строже
Под стать низовым облакам.
Но в тихом укрытье негоже
Стоять пустырем рыбакам.

Вчерашний курсант мореходки,
Был наш капитан незнаком
С такою шальною погодкой,
Но слово старпома — закон.

Сказал он: — Отходим, ребята!
В счастливую верьте звезду,
В район косяков непочатых
Сегодня я вас приведу!

Он видел насквозь эти воды,
Старпом, ремеслу своему
Отдал свои лучшие годы,
И мы покорились ему.

Меж тем не видать ни баклана,
Ни чайки, и ветер затих.
И первый порыв урагана
Нас, словно добычу, настиг.

И море сошлось с небесами
И перло на нас напролом.

Нас волны седые бросали,
Как чайку с подбитым крылом.

И взвизгивал винт вхолостую
На гребне, у бездны в плену,
И нос зарывался в густую,
Крутого кипенья волну.

Волна по обшивке звенела,
И вбок нас швыряя, и вкось, —
На узкой шкале креномера
Делений таких не нашлось.

Виденьем последнего часа
Волна подымалась горбом,
Но правильный курс по компасу
Держал что есть силы старпом.

Прощай, гулевая путина
И берег в сиянии глаз!
Сегодня морская пучина
Живыми не выпустит нас!

Ах, рубка — плавучая хатка!
Ах, верный спасательный круг!
Но сжали штурвал мертвой хваткой
Два краба старпомовских рук.

Казалось, к штурвалу прирос он
И час за другим неспроста
Потухший бычок папиросы
Гонял с угла на угол рта.

Мы вышли из шторма, и дрема
Нас кинула на тюфяки.
Но помню усмешку старпома:
— Никак обошлось, мужики! —

Блеснула улыбка во взоре,
Бычок отвалился с губы:
— Что, сдрейфили? Вам бы не в море —
А в лес бы ходить по грибы!

Он в кубрик спустился степенно,
Пот вытер с лица, но, увы —
Густой штормовой белой пены
Смахнуть не сумел с головы.

* * *

Остатки лесного пожара,
Сушняк, погруженный в траву,
Виденьем ночного кошмара
Пригрезились мне наяву.

Над голой вершиною острой —
Вороний ликующий плач.
Белея в траве, словно кости,
Хрустит под ногою кедрач.

Как будто истории опись
Развернута здесь предо мной:
Следы ли минувших усобиц,
Приметы ль вражды племенной?

И сквозь шеломайник несметный
Маячат над сопкой поврозь
Застывшие в корчах предсмертных
Тела обгоревших берез.

И словно шевелятся в муке,
И страшно змеятся вдали,
Как в небо воздетые руки
Суровой кремнистой земли.

Рассвет

В промоине неба, в дорожке
Рассвета, как искорка льда,
Как ягода тундры — морошка,
Желтеет над сопкой звезда.

Покуда в небесной округе,
Меняя цвета и тона,
Бледнеют и гаснут подруги, —
Все ярче блистает она.

Из прошлого, словно транзитом,
Мигает печным угольком
Над детством, горбушкою сытым,
Над юностью, спетой гудком.

Зачем она здесь, над распадком,
Как будто у сопки во лбу,
Сменив материк на Камчатку,
Мою повторила судьбу?

Зачем же нам снятся с отъезда, —
И губы во сне солоны, —
Товарищей прежних созвездья
И небо родной стороны?

Я выйду бродить за поселок
С собакою в холод и тьму
И ветра предутренний шорох,
Как в юности дальней, пойму.

Все это, как прежде, со мною, —
Так что же нерадостно мне? —
Свеченье реки слюдяное
И краешек неба в огне.

Но что ж мы печалиться будем,
Моя золотая родня,
Пусть солнце в свой огненный бубен
Сыграет рождение дня!

И сердце над тундрой пустынной,
Где солнце по сопкам гремит,
Пусть к новым друзьям не остынет
И к старым любовь сохранит.

Максим ИВАНОВ

Соната августа

Повесть

1

— Как в тяжелом похмельном сне, течет моя жизнь последние годы, и я не знаю, что мне сделать, чтобы по-настоящему проснуться: лишь исподволь приходят воспоминания о том светлом, о том главном, словно задуманном для меня кем-то свыше, что с детства по капле просачивалось сквозь гранит обстоятельств, происходивших по чужой, а иногда, чего греха таить, и по моей собственной воле. Воспоминания эти приходят внезапно, раз в несколько месяцев, иногда раз в неделю, а изредка и каждый день; тогда я пробуждаюсь на время, жизнь моя словно встает на дыбы, озаренная пламенем какого-то нездешнего рассвета, и кажется, что в ней все еще только начинается, и впереди — полная тайн и открытий дорога, над которой и дальше будет висеть это рассветное небо со все понимающим, все прощающим сердцем где-то там в вышине, с ароматом вечно цветущих деревьев и голосами невидимых птиц, поющих в такт какой-то всегда сопровождавшей меня едва уловимой мелодии. Но приходит рассвет настоящий, земной — на меня надевают кандалы: толкают на работу, на встречу, в магазин, и я больше не слышу птиц, не чувствую запахов и не жду от жизни ничего, кроме того, что и так в ней было с самого начала. И в то же время я ни на миг не забываю, что уже далеко не юноша, что кое-кого из ровесников уже нет и в живых и что неразгаданной явью где-то за пределами сна лежит настоящая жизнь, сил и времени на постижение которой с каждым годом остается меньше.

С самого раннего детства, кроме обычных игр, ничто в жизни меня не удивляло и не вдохновляло настолько, чтобы я чувствовал в себе какую-то наклонность, ощутимое пристрастие к чему-нибудь. Душа моя как будто спала. Но чем старше я становился, тем очевиднее было, что родители мои, бабушки и дедушки — во всех своих разговорах, мыслях, интересах совершенно чужие мне люди, с которыми внутренне меня не связывает ничего. И когда лет в десять-одиннадцать меня слишком уж стала донимать школьная жизнь, когда отметки, замечания, окрики, запах мочи в коридорах и подросткового пота в кабинетах, приставания старшеклассников (пусть и нечастые, например, с требованиями принести из дому денег) и ежедневные ранние подъемы в холодной квартире в душе моей начинали пробуждать первые признаки отчаяния, ни в ком и ни в чем я не мог найти утешения, и ничто не могло убедить меня в том, что жизнь скорее прекрасна, чем отвратительна, и что задача в том и состоит, чтобы найти в себе силы стереть в ней случайные черты. Тогда, если было теплое время года, я садился на велосипед и гнал куда-нибудь в совсем незнакомые, не похожие на мои, улицы и дворы, в которых, как мне подсказывал какой-то тайный голос, должна идти другая, яркая,

добрая жизнь, где никого ни к чему не принуждают и где впереди всегда предстоит что-нибудь интересное — поездка на море, день рождения или, например, встреча с троюродной сестрой (которую я видел всего два раза, но о которой не мог забыть несколько лет). В чем состоит настоящий интерес жизни, я, конечно, тогда не знал, как, к слову, не знаю уже и сейчас, но об этом позже.

Хотя я понятия не имел ни о каком художественном вкусе, ни о какой эстетике жизненного пространства и традициях архитектуры, однообразные, плебейские интерьеры советских квартир, одинаковые темные дворы, бесконечные цепи бетонных коробок, отряды ящеров, саламандр в двадцать четыре подъезда, из которых по большей части состояла тогда наша столица, не убеждали меня в ценности бытия, лишь случайные озарения, начавшиеся у меня в те годы, время от времени давали слабый повод надеяться, что другая жизнь существует. Однажды я гостил у родственников в тихом провинциальном городке, сплошь состоявшем из частных домов с редкими вкраплениями двухэтажек и «хрущевок». Но по количеству интересных мест этот городок казался мне больше Минска, и каждая необычная для меня деталь — например, девушка на качелях в каком-то частном дворе, утопавшем в яблонях и черешнях, старушка на велосипеде, что ехала по улице шириной в полтора шага, петух, командиром расхаживавший и кричавший в двадцати метрах от главной площади, — каждая такая деталь словно являлась из какого-то другого, неподдельного мира, к которому, как мне казалось, я еще обязательно вернусь. И я шел дальше, предчувствуя впереди апофеоз чудес, который вскоре и настал: заборы расступились, и улица уперлась в железную дорогу — три или четыре колеи, блестевшие на закате. Был тихий летний вечер, трещали кузнечики, поочередно пахло то железнодорожным мазутом, то полевыми цветами, и мысленно я уже несся по этим колеям к чертовой матери из моего никчемного детства, туда, где своими силами я сделаю жизнь такой, какой она должна быть.

С той поры все, что могло выделяться из окружавшей меня гнетущей повседневности — книги, фильмы, музыка, театр, здания и интерьеры, не испорченные личиной ширпотреба, — все это приобретало особую ценность как хранившее в себе что-то такое, из чего должно было развиться мое будущее. Словно вор, незаметно для других я заходил в подъезды домов, построенных в сороковые и пятидесятые годы, и подолгу стоял на межэтажьях, глядя во двор сквозь засиженные мухами стекла в треснувших, тысячу раз перекрашенных рамах, пересчитывал шестиугольную плитку на подъездном полу, обшарпанную и наполовину сколотую, провожал взглядом проходивших мимо жильцов, казавшихся мне в эти минуты людьми особенной касты. Я обошел десятки улиц приватной застройки, тогда еще не такой однообразной, как сегодня, где покосившиеся, вросшие в землю лачуги девятнадцатого века с сизыми резными окнами и голубыми ставнями чередовались с рядами двухэтажных бодрячков, напоминавших толстых жуков с растопыренными надкрыльями. Хозяева этих домов, всегда занятые чем-то у себя во дворе, создавали впечатление основательных и мудрых людей, знавших что-то такое, чего не знали и поэтому не передали мне по наследству мои предки.

Показателен для меня был один случай. Бабушка моя работала директором продуктового магазина в Барановичах, и жили они с дедом в двухкомнатной «хрущевке», предоставленной управлением торговли. Знакомый мальчик, мама которого работала в этом же магазине уборщицей и над которым я в душе посмеивался за его трасянку, как-то пригласил меня к себе в гости. Поднимаясь на крыльцо частного дома, отделанного выцветшей желтой доской

и ничем не выделявшегося из сотен его собратьев, я готовился оказаться в обычной деревенской хате, с сенями, кухней и горницей, отделенной от кухни не то ширмой, не то буфетом. Но едва я ступил за порог — не только дом, но и весь мир в одно мгновение расширился и потерял для меня границы: комнату за комнатой проходил я как во сне, ступая словно по галереям музея, где в чинном порядке стояла не виданная мной строгая мебель, а в конце галереи, внезапно совпавшем с ее началом, молча стояли и смотрели на меня родители мальчика, в глазах которых со всей ясностью читалось, что какой бы справедливой и доброй ни слыла моя бабушка, ее никогда бы не пригласили в этот дом, а для меня, только вступившего в жизнь, сделали исключение.

Не находя любви у себя в семье (да и обязаны ли мне были давать ее?), в старших классах я стал искать ее сам, влюбляясь поочередно то в одну, то в другую одноклассницу. Парней редко воспринимают в школе всерьез, и каждое новое мое чувство безнадежно билось в агонии по нескольку месяцев, окрашенное в еще более мрачные тона, чем тона тех реалий, с которыми оно должно было бороться. Девушки, которым я признавался в любви, охотно поддерживали мои умные разговоры, изредка ходили со мной на прогулки, в театр, танцевали на вечеринках (не только со мной), но к большему не подпускали, а главное — отказывались понимать, насколько несовершенен окружающий нас с ними мир: их все устраивало, и их собственная красота воспринималась ими как органичная часть радужной действительности, в то время как для меня их красивые лица и фигуры были лишь маяками в холодном, полном подводных скал и водоворотов океане жизни. И позднее, в университете, когда отношения с девушками стали разнообразнее и глубже, когда уже начинало казаться, что та, кого я люблю, если не любит меня так же, как я ее, то уж разделяет мое особое мироощущение, бывшее отправной точкой всех наших разговоров и мыслей, — часто вдруг выяснялось, что единомышленница моя месяцами не может найти время, чтобы послушать музыку, которую я ей принес, или тайком спрашивает у знакомых содержание наших с ней любимых книг.

Тогда же в разум мой стала закрадываться мысль, что, может быть, ни одна девушка, ни одна из тех, в ком я ищу любви и поддержки, не поймет до конца всех моих мыслей, моей тоски, моих ожиданий. И без этого-то нелегко было найти по-настоящему красивую девушку, а уж чтобы она воспылала ко мне ответным чувством, да еще смотрела в одну со мной сторону и видела там то же, что и я, это уж казалось фантастикой. Мне было двадцать лет, когда однажды, возвращаясь с занятий в университете, я познакомился с Виолеттой, роскошной темноволосой красавицей, почему-то продававшей газеты в подземном переходе. Тем же вечером в десятиградусный мороз мы до часу ночи гуляли по городу, и, расставаясь с ней у ее подъезда, я уже ловил себя на мысли, что наконец-то нашел ту, которую искал столько лет. Через три дня я был у нее в гостях (Виолетта приехала из провинции, училась в академии искусств и снимала квартиру), она накормила меня умопомрачительными голубцами и вообще была такой уверенной в себе, деловитой хозяйкой, что показалась мне намного взрослее меня (хоть и была на год младше), так что хотелось забыть обо всем на свете и погрузиться в ее уютный мир, крепко стоявший на своем фундаменте. Перейдя в гостиную, мы танцевали, прижимаясь друг к другу, и я говорил, говорил, говорил обо всем, о чем так хотел ей рассказать, и большую кровать с незаправленной постелью в углу комнаты заметил лишь тогда, когда Виолетта, включив музыку Эннио Морриконе из фильма «Профессионал», ушла в душ.

Я был поражен тем, как мало от человека нужно усилий, если судьба действует с ним заодно. С Виолеттой с самого начала все шло не так, как всегда: во время наших прогулок на морозе она говорила больше, чем я, сама выбирала маршрут и шла немного впереди, словно желая куда-то меня завлечь. И этой активности в мелочах, этой готовности к инициативе, неожиданной в столь красивой девушке, оказалось достаточно, чтобы растопить мое сердце в первый же вечер, потому что о таком концентрате красоты, ума и желания действовать, направленных на мою персону, я не мог даже мечтать. Она вернулась из ванной в потрясающем нижнем белье (какого я не видел даже в глянцевых журналах), подчеркивавшем ее грациозные формы. Под потолком по периметру комнаты висела новогодняя гирлянда из декоративных свечей, наполнявших комнату мягким матово-лунным светом, отчего кожа Виолетты казалась одного цвета с бельем, словно сливалась с ним, и лишь чуть позже я понял, что это было совсем не белье, а татуировка на ее теле. А еще позднее, когда спустя не знаю какое время я вышел на балкон перевести дух, глотнуть морозного воздуха и посмотреть на огни проспекта Жукова, в голове моей в единую картину сложились все пазлы слов и поступков Виолетты, и не было теперь сомнений, что в свете новогодних свечей, под музыку Морриконе через гостеприимство Виолетты в ту зиму прошел далеко не один такой, как я, и что, как актриса, она может позволить себе любую блажь — красить волосы в зеленый цвет, играть ночь напролет на трубе в подземном переходе, продавать газеты, спать в подвалах и на чердаках, а я навсегда останусь статистом, промелькнувшим в коридорах беспорядочного, зловещего театра ее жизни.

Несмотря на мою угнетенность, не могу сказать, что я рос слабым и неразвитым физически, но еще со школьных времен какие бы то ни было соревнования из-под палки, прыжки, тычки, бег на изнеможение по периметру стадиона-спортзала, равно как беспрекословное выполнение любого, часто глупого, по моему мнению, распоряжения старших, не вызывали в моей душе энтузиазма, а уж попадание в мир, где такие распоряжения определяют жизнь человека, каким представлялась мне служба в армии, и вовсе приобретало для меня черты смерти. Поступая в университет (не в последнюю очередь для того, чтобы избежать армии), я, как и все мои сокурсники, обрадовался сообщению, что у нас будет возможность обучаться на военной кафедре, а значит, избежать полноценной службы, и когда на втором курсе нам сказали, что отныне нашему факультету военная кафедра не полагается, я поклялся, что, окончив университет, сделаю все, чтобы избежать призыва. На тот момент за всю свою жизнь я не встретил ни одного молодого человека, который хотел бы служить в армии. Отслуживший в армии однокурсник с натянутой усмешкой сообщил мне, что из всех служивших с ним пацанов только его самого и еще одного, отчисленного за неуспеваемость из вуза, можно было назвать относительно умными, остальные же — беспросветное быдло, с которым разговаривать о чем-то всерьез было невозможно. «Ничего нового я там за полтора года не узнал, — говорил этот однокурсник, — потому что те, кто нас учил, были тупее нас».

Я еще доучивался в университете, когда в апреле мне пришла повестка в военкомат на медицинский осмотр, где я пустил в ход все заслуженно заработанные в студенчестве гастриты и холециститы, намереваясь в случае, если для отсрочки мало будет этого предварительного набора недугов, идти до конца и тогда уж бросить на амбразуры гвардию — все мании, фобии, неврозы и разветвления личности, возможные в голове интеллигента-ботаника, — только чтобы вершители судеб навсегда вычеркнули меня из рядов настоящих мужчин. На

назначенном дополнительном медобследовании мои студенческие болезни подтвердились, а окончательное решение было за специальной комиссией. Мнения моих знакомых на предмет действенности моего диагноза разделились (хотя большая часть склонялась к тому, что меня как обычного симулянта пинком под зад отправят проходить школу мужества, максимум дав три месяца отсрочки на восстановление), и вместо того, чтобы готовиться к защите диплома, я сутки напролет изучал описания душевных болезней и имитировал перед зеркалом их симптомы, пытаясь выбрать для себя наиболее органичный, — а когда пришел на заседание той последней комиссии, где нас, ожидавших своей судьбы, было несколько сотен, проплывавших по длинному темному коридору к заветному лучистому кабинету, тетка в докторской мантии спросила у меня: «Ну что, тебе так уж досаждают твои болячки?» — и не дослушав развернутого ответа, впечатала отсрочку на три года, что по умолчанию означало — навсегда.

А спустя две или три недели мне удалось осуществить давнее желание — переписать на магнитофонную кассету (дело было на заре цифрового века) музыку Збигнева Прайснера к фильму «Двойная жизнь Вероники». До этого я только один раз смотрел этот фильм и подумал, что неплохо было бы разыскать для себя музыку, но как-то не случалось, и вдруг один мой знакомый сам предложил мне ее записать. В тот вечер мы допоздна засиделись с ним за чаем; общим для нас было увлечение историей, философией, музыкой, а также туманная перспектива реализации наших интересов. Домой я пришел во втором часу ночи, когда все уже спали. У нас гостили бабушка с дедом и дядя с тетей, поэтому все комнаты в квартире были заняты, даже на кухне стояла раскладушка. Едва я лег в постель и включил магнитофон, оказалось, что из-за какой-то неисправности перестали работать наушники. На соседней кровати спал старший брат, а для того, чтобы выйти с магнитофоном на улицу, не было батареек, и тогда я залез с головой под одеяло, взяв с собой магнитофон, и вскоре у меня мурашки пробежали по коже оттого, что я вдруг почувствовал то главное — во мне, во всем мире, во всем замысле мироздания, что, как мне казалось, не мог не чувствовать и написавший *это* композитор. Прослушав до конца кассету, я выбежал на улицу и остаток ночи как безумный носился по городу, словно соревнуясь с кем-то в спортивной ходьбе. Пахло липовым цветом, на краю неба брезжила неугасаемая июньская заря, и таким же летним рассветом, затаившимся до поры до времени перед огромным пространством тьмы, казалось мне начало моей свободной, полной тайн и открытий, почти бесконечной жизни.

Подобно многим молодым людям, получившим гуманитарное образование в девяностые годы и тщетно пытавшимся удержаться на плаву в бушующей стихии постсоветских передряг, после ряда бесплодных попыток прибиться к торговым, нефтяным, рыболовецким и пиратским судам я поступил на ржавое, но довольно устойчивое судно государственного телевидения, где первое время с легкостью взбирался по вантам и натягивал тросы, а чуть позже, проявив стойкость во время нескольких показательных штормов, был допущен к ответственному участку работы, которым капитанской свите заниматься было недосуг. Никакого настоящего интереса к тому, чем я занимался, у меня, конечно, не было: участия в святая святых — политическом вещании, заключавшемся в прославлении деяний адмирала флота, я избегал, в других же телепередачах количество тем и героев было до такой степени ограничено размерами страны, идеологическими предрассудками и самой сферой развлекательной индустрии, что на протяжении многих лет вся эта индустрия сводилась к демонстрации двух-трех десятков одних и тех же героев, в раз-

ных положениях и под разными ракурсами распространявшихся на одни и те же будто бы актуальные темы, для сколько-нибудь думающего человека закрытые еще в подростковом возрасте. Из канала в канал переходили одни и те же, похожие друг на друга, как близнецы, эстрадные звезды, бледные копии московских прототипов, никому не интересные за пределами круга их родственников и знакомых. При этом большинство моих коллег, создававших эти передачи, всерьез полагали, что делают важное дело, профессионально растут, творят, в то время как в моей душе занятие это, поначалу вынужденное и казавшееся временным, перестало вызывать отторжение лишь спустя годы — когда я понял, с кем и о чем договариваться, где доставать товар и как его реализовывать и в чей лагерь вовремя переметнуться, чтобы приблизиться к единственной для меня на этом чужом фронте цели — возможности во всем остальном быть тем, кем я хочу.

Но кто я такой и кем хочу быть — я не знаю до сих пор. У меня жена и двое детей, мы живем в собственной просторной квартире. Кроме обычных непреодолимых для любого человека обстоятельств, никакая враждебная сила не навязывает мне своей воли. Я не жирую, хотя могу позволить себе многое из того, чего не имели в моем возрасте мои родители. Но изо дня в день в жизни моей повторяется одна и та же картина: работа — семья — сон — работа. Из года в год: будни — выходной — будни. Такой ли я видел мою жизнь тогда, в моей далекой юности? А если нет, то какой она должна была быть? На этот вопрос у меня нет ответа, только намеки и подсказки, едва различимые знаки, изредка подбрасываемые судьбой. Я думаю о людях, которые в тяжелые времена проектировали самолеты и корабли, о тех, кто строил электростанции, писал симфонии, изучал новые земли; кто, сидя в тюрьмах, делал научные открытия; кто, будучи рабом или крепостным, оставил после себя шедевры искусства; о тех, кто посреди нескончаемых зверств средневековья закладывал и строил крепости и соборы. Как оказались они на своих местах, где даже в самых непостоянных, самых хищных условиях дышали полной грудью и творили чудеса? И суждено ли мне остаток моей свободной жизни проехать хотя бы на подножке вагона, собравшего этих счастливцев? В последнее время часто мне снится один и тот же сон: передо мной огромный готический собор, в который мне хода нет. На уровне моих глаз и выше торчат из стен и косятся на меня каменные чудища. Держась за их головы, ставя ноги на хвосты и лапы, я ползу вверх по стене. По ребристому шпилю ползти легче: остается совсем немного, и вокруг такое близкое, ясное небо. На мгновение я замираю и поднимаю голову, и тут вершина собора начинает расти, выступы краббов, за которые я хватаюсь, распускаются, словно листья; я ускоряюсь, но шпиль растет еще быстрее; я двигаюсь, как ленивец, чтобы обхитрить его, но и он, выждав немного, не стоит на месте. Чайки кричат, солнце ослепляет меня, я ползу и ползу, а шпиль все выше и выше, и нет ему конца.

2

— С юности мечты мои занимала одна и та же сцена из будущего: я наряжаю елку, а мой молодой человек или муж время от времени подходит и помогает мне с доброй, отечески теплой улыбкой. Поодаль в кроватке спит наш ребенок. Каждое украшение на елке сверкает по-особенному, словно готово рассказать нам о тех странах и городах, в которых мы еще побываем, о наших повзрослевших детях, о главной тайне, скрытой в смене лет и поколе-

ний. Скоро пробьет двенадцать. Муж мой уже за новогодним столом, а я все не могу успокоиться — мне кажется, что елка недостаточно красива, что она как будто молчит, а ведь от того, какою она будет на Новый год, зависит наша будущая жизнь. Этот сюжет, как самая сокровенная мечта, не оставляет меня вот уже тридцать лет. Подглядеть его я могла у моих родителей, самых близких мне, любящих меня людей, жизнь которых и сейчас для меня образец для подражания, хотя и мой добрый отец, человек-золотые-руки, и моя мудрая, все понимающая и все принимающая мама всегда представлялись мне какими-то игрушечными, карликовыми моделями настоящих жизненных образцов. И в наши дни, когда я приезжаю в провинциальный городок, где прошло мое детство и где до сих пор живут мои родители, все в нем, такое милое и знакомое, предстает подернутым пеленой вечной дремы: цветастые с балясинами заборы на главных улицах, бордовая металлочерепица, одинаковая на всех главных зданиях — на ратуше, на козырьках киосков, на крыше панельного универмага, побеленные стволы деревьев в парке (почему в столице их не белят?), запах кошек в настежь распахнутых подъездах — все это кажется мне (и всегда казалось) никогда не имевшим продолжения, навек застывшим вместе с судьбами живущих здесь людей, хотя стоит поднять глаза — и уже с окраин виден другой, яркий, полный затаенного счастья мир.

Окончив школу, я поступила в экономический университет, с прицелом на работу главного бухгалтера. Не скажу, что в детстве я увлекалась математикой или экономикой, но я знала, что это направление никогда меня не подведет. Переехав в столицу и заселившись в общежитие, в первую осень, чтобы хоть немного сбить тоску одиночества, после занятий я часами ходила по набережным мимо огромных плакучих ив (которых я никогда не видела в нашем городке) и все думала, думала, думала: мне словно не хватало теперь какого-то главного огонька, нового очага жизни, возле которого я могла бы успокоиться и начать просто жить. Однокурсницы мои как ни в чем не бывало, словно всегда были знакомы между собой, ходили друг к другу в гости, знакомились со столичными, устраивали посиделки, заполняли собой рынки и ночные клубы, а мне казалось, что должен появиться кто-то, кому суждено было ввести меня в эту новую жизнь. Никогда не забуду слов одного молодого человека, познакомившегося со мной в Минске, о том, что он не представляет себе, о чем вообще можно разговаривать с бухгалтером. Помучила же я его за эти слова! Хотя знала наперед, что он один из тех, кому имя — легион, кто, как и в моем родном городке, будет часами подстерегать меня у крыльца с тремя полудохлыми розами, слать через знакомых записочки с признаниями и приглашать в кино на последний сеанс, не зная других тем для разговора. Другой вариант легионера — брутальный тип с отпечатком вечного похмелья на лице, давно постигший — и сам теперь устанавливающий — законы жизни, при этом не способный назвать столицу Египта. Они могли красиво одеваться, красиво улыбаться, даже красиво говорить, но, наверное, оттого, что я слишком многого ждала от столичной жизни, или из-за моей близорукости, за всей галереей встававших передо мной мужских образов в первые университетские годы просматривалось лишь одно — пустота.

Учеба давалась мне легко, на третьем курсе я уже подрабатывала — помогала предпринимателям составлять отчеты, но свободного времени все равно оставалось много. Интернета тогда не было, я проводила время за книгами, и в памяти все чаще стал мелькать один прежний, еще школьный ухажер, которого в те годы я считала совершенным ребенком. Он учился в институте железнодорожного транспорта, и у меня был адрес его общежития. Несколько вечеров я писала ему письмо, делая вид, что пишу просто так, как

старому знакомому, как пишу еще много кому, и в то же время между строк давая почувствовать мелкую, холодную искру заинтересованности. Неделю или две я не решалась отправить письмо, собираясь перечесть его на свежую голову, потом началась зимняя сессия, потом каникулы — и неизвестно, где в то время находился адресат; а когда начались лекции, я поняла, что никогда этого письма не отправлю, потому что перед глазами уже стояло другое лицо, другая улыбка, другой, спрятанный до поры и внезапно ворвавшийся в мою жизнь мир. Леша и раньше мелькал на коридорах общежития, но почти не смотрел в мою сторону; и для меня, в свою очередь, долгое время он был просто фигурой в тени, которая сейчас внезапно ожила и зажглась. Побывав два раза в гостях, он каждый вечер стал приходить ко мне в комнату, говорил совсем немного, и не сказать чтобы интереснее других: обаяние его сквозило в его застывшем взгляде, так подходившем к его романской внешности, в его теплой и одновременно ироничной улыбке, в его манере как-то сдержанно, пружинно двигаться у меня по комнате, неслышно размешивать чай в кружке и нарезать хлеб на прозрачные ломтики, — все эти нюансы почему-то убеждали меня в том, что Леша появился в моей жизни всерьез и надолго.

В то время я взяла себе еще одну подработку и по вечерам иногда просто лежала пластом от усталости, а он часами, порой до двенадцати, а то и до часа ночи молча сидел возле меня, скорее висел, склонясь надо мной, не смея прикоснуться ко мне по-настоящему, готовил для меня ужин и заваривал чай. Три года прожив в студенческом общежитии, я оставалась белой вороной среди своих соседок — у меня никогда не было мужчины, и эти его ночные сидения будили во мне противоречивые чувства: иногда я выходила из себя — хотелось вытолкать его взашей из комнаты; и наоборот, если он почему-то не приходил, я уже кляла себя за свое раздражение к нему. Словно муж и жена, мы ходили вместе по магазинам; часто он встречал меня на остановке и подносил сумки с документами, которые я брала для работы на дом. Леша был вторым мужчиной, с которым я поцеловалась. Шли недели. Внутренне я уже была готова быть с ним вместе и даже связать с ним свою жизнь (поступи такое предложение), но мой бухгалтерский разум все почему-то сопротивлялся и требовал удостовериться еще в чем-то, чего я не могла рассмотреть. В конце апреля в выходной день он зашел ко мне утром. На улице было тепло; помню, я открыла настежь окно и облокотилась на подоконник. Река внизу отливала уже совсем летним блеском, и деревья подернулись мелкой листвой. На берегу играли на флейте: это были быстрые отрывистые рулады, бежавшие то вниз, то вверх посреди непривычно притихшего города. Казалось, еще немного — и зашумят машины, закричат голоса, затрещит где-нибудь дрель. Но ничего этого не происходило, флейта играла в тишине, и весь мир в образе светлой, до горизонта уходящей столицы казался таким понятным, близким, словно устроенным кем-то специально для меня, так что у меня даже слезы выступили на глазах. Отчего-то мне стало зябко, и в это мгновение Леша подошел сзади и обнял меня, сперва осторожно, потом все сильнее прижимаясь ко мне. Я заплакала, я почти зарыдала — у меня не было больше сомнений, что я люблю его, незнакомого, молчаливого, непонятного мне, но такого же близкого, как этот тихий, сияющий мир перед моими глазами.

Вскоре он сделал мне предложение, и летом мы поженились. Нам выделили отдельную комнату в общежитии — наше первое семейное гнездо. Как ни странно, но на первом месте в нашей жизни в тот последний университетский год стояла учеба: все остальное — поцелуи, встречи, покупки, вечера вдвоем — как объекты придорожного сервиса, проплывало вдоль столбовой университетской дороги. Защитив дипломы, мы решили остаться в Минске

и на накопленные деньги сняли квартиру. Нам так хотелось окунуться в водоворот взрослой жизни — не отсиживать от звонка до звонка зарплату, брошенную на выживание, а начать свой бизнес, работать на будущее — мы столько думали об этом будущем, что заглядывали в него чаще, чем в глаза друг другу. Денег у нас, конечно, не было, но вокруг было столько объявлений о работе «на себя» — и мы не сомневались, что с нашим умом, образованием и желанием работать мы свернем горы. За большинством объявлений стояли предложения сетевого бизнеса. Те, кто размещал их, быстро развеяли наши предубеждения против него, и вскоре мы уже сами расклеивали объявления, раздавали их в многолюдных местах и ходили по домам с анкетами, не гнушаясь разными психологическими уламываниями и убалтываниями, которым нас учили на специальных тренингах, и не считая зазорным быть униженными и обруганными несостоявшимися клиентами. Век мобильных телефонов еще не наступил; в квартире, которую мы снимали, телефона не было, и в объявлениях мы указывали номер телефона нашего куратора по бизнесу, доброй, отзывчивой женщины, открывшей нам немало профессиональных тонкостей и тайных ходов. В случае, если ей позвонят по нашим объявлениям, куратор обещала в офисе перенаправлять клиентов к нам.

Мы работали до позднего вечера, так что дома просто валились с ног, но и спустя полтора месяца никаких клиентов у нас не набралось. Деньги таяли. Единственные поступления были с моих бухгалтерских подработок. Леша успокаивал: мы в самом начале пути, и нужно работать усерднее, чтобы достичь следующего уровня, ведь примеры успеха налицо. Я соглашалась с ним, но чувствовала, что земля шатается у меня под ногами. Наконец я попросила двух своих подруг позвонить по нашему объявлению; куратор приняла звонки, но при встрече с нами ни словом о них не обмолвилась. Когда я рассказала об этом Леше, он возмутился — но не поведением куратора, а моим поступком: как я могу пилить сук, на котором сижу? Дни и ночи я просила его оставить эту затею и переключиться на что-нибудь стоящее. Стала подыскивать работу и для себя, и для него. Хотя для вчерашней дипломницы в профессии своей я знала уже немало, нужно было определиться с отраслью — и вообще многое обсудить с мужем. Но мы говорили как будто на разных языках. Вскоре оказалось, что нужно перечислять в эту организацию какие-то взносы, он собирался залезть в долги. В отчаянии я позвонила его матери. Она приехала из Бобруйска — на коленях умоляла Лешу порвать с этим чертовым маркетингом, так что, ко всеобщему облегчению, он, наконец, пообещал ей переехать к ним и устроиться на «нормальную» работу. Когда через две недели мы приехали в Бобруйск, я уже знала, что беременна.

Не буду подробно описывать мою жизнь в одной квартире со свекровью: это была обычная история, произошедшая не со мной первой и не со мной последней. Обиднее всего было то, что Леша всегда без колебаний принимал сторону своей матери. Как будто, стоя перед ним на коленях, она сорвала с него одни розовые очки и тотчас надела другие. Позднее я стала догадываться, что вторые очки были на нем и раньше, но вдалеке от нее действие их теряло силу. Мне было всего двадцать два года — что я знала о жизни? Каждый раз, когда после ничтожного промаха мне намекали на то, что я плохая хозяйка, когда не замечали моих успехов и не реагировали на мои добродушные шутки, поначалу я думала, что все так и должно быть и что я должна еще заслужить доверие его семьи. Когда на третьем месяце беременности меня вынудили вместе со всей родней таскать кирпичи на стройке их дачи, когда младший брат моего мужа, тринадцатилетний подросток, изо дня в день оскорблял меня, упражняясь в ругательствах, каждый раз добавляя,

что я только отравляю воздух в их квартире (а меня пытались убедить, что он еще ребенок, что у него переходный возраст), когда, желая добиться хоть какой-то независимости, на втором году декретного отпуска я снова стала брать себе подработки и вызвала этим намеки свекрови, что ухожу из дома совсем не для работы, — положение мое не казалось мне удручающим: ведь оно было временным, а неудобство его — объяснимым. Леша работал экономистом на заводе, от этого завода строилось жилье. Я знала, что в новом доме буду полноценной хозяйкой; просто дочь наша была совсем маленькой — не затевать же стройку и ремонт с грудным ребенком на руках. Но когда дочери исполнилось три года, я поняла, что никакой стройки не будет, потому что мать его никогда не согласится на мою долю в новом доме.

Я пошла ва-банк: взяла с собой дочь и уехала к родителям. В столице мне предлагали работу те, кто помнил меня еще по студенческим подработкам. Я приняла предложение и сняла квартиру в Минске. Леша примчался ко мне — повторял, что любит, что все, все понимает, оплатил аренду квартиры на полгода вперед и предложил свой вариант: он едет работать за границу, а потом мы с дочерью переедем к нему, или он, заработав денег, попробует развернуться с ними здесь. Оказывается, через каких-то знакомых его берут на работу в Чехию, туда, где нужны люди с мозгами и откуда все чехи сбежали в Германию. Я знала, что моим он будет только рядом со мной, а в любой другой точке планеты все равно останется мамин; и странно было сейчас в первый раз слышать об этой его заграничной работе. У меня было к нему много вопросов, но от подробностей, от нюансов, от оттенков он опять уходил, отвечая на все таким знакомым мне: «Малыш, все будет хорошо…» Он уехал в Чехию, а через полгода я прилетела к нему. Стояла ранняя весна. У нас еще лежал снег, а там уже было почти лето. Я ходила по улицам предгорного городка, в котором он жил, по лесным аллеям, только ожившим после зимы, где непривычно мягкий для этой поры года воздух то и дело мешался с какой-то особенной горной свежестью, — и Леша, с его загадками, непроясненностью планов, необходимостью опять его изучать, испытывать, склонять на свою сторону, просто мешал радоваться жизни и думать о будущем. Через две недели уже и Минск встретил меня теплом и цветущими садами, и для меня не было сомнений в том, что жизнь моя и жизнь моего ребенка — здесь; а Лешин образ с каждым днем, прожитым с ним раздельно, съеживался и таял, пока не превратился в точку и, наконец, в пустоту.

Но не одна только расцветшая природа ждала меня в ту весну на родине. Когда Леша уехал за границу, для связи с ним я установила интернет. Как раз в моду вошли социальные сети — через них-то и проник в мою жизнь Антон. Он работал режиссером на телевидении и был на два года младше меня. И хотя переписка наша имела вполне невинный, дружеский характер, спроси нас тогда — зачем нужна была эта виртуальная дружба? — вряд ли бы мы сказали правду. Недостатка в мужском внимании я не испытывала, но хранила верность мужу и о связи с другим мужчиной не могла и подумать. У Антона тоже была какая-то девушка, и, по-моему, не одна. И все же мне приятно было его внимание ко мне, его открытость и простота в переписке. Мысли наши на разные темы удивительным образом совпадали, и хотя мы еще не слышали голосов друг друга, иногда просто дух захватывало от ритма нашего виртуального общения. Вернувшись из Чехии, я поняла, что не против была бы и встретиться с ним, но ни словом об этом не обмолвилась, а он словно почувствовал что-то и предложил пройтись по весеннему городу. В те дни у меня как раз гостила мама, и после работы не нужно было бежать в детский сад. Первая наша встреча была в парке Челюскинцев, недалеко от

его и моей работы. Пока мы дошли до Комаровского рынка, рядом с которым я снимала квартиру, два раза небо темнело, шел дождь, мы прятались под козырьками подъездов, и как бы само собой было понятно, что наговориться мы еще успеем, а теперь нужно действовать. Когда он поцеловал меня, я чуть не потеряла сознание, у меня подкосились ноги — он подхватил меня и еще крепче прижал к себе. Наверное, он действовал как искусный соблазнитель, а я в ту весну была благодарной жертвой.

В те же дни я подала на развод, а через полгода Антон переехал ко мне жить. Он не заменил отца моей дочери: вскоре вскрылись его недостатки — несобранность, необязательность, полнейший беспорядок во всех важных делах и чрезмерная педантичность в мелочах, а главное — какая-то ребяческая, гипертрофированная обидчивость, как будто рядом со мной появился еще один ребенок. Он был потрясающим любовником, при этом, вставая с постели, он мог всерьез бороться с моей дочерью за конфету и обижаться, что конфета досталась не ему, или психовать из-за какой-нибудь чудовищной мелочи, например, неровно выжатого тюбика зубной пасты или незадвинутого ящика комода. Одно набегало на другое, жизнь становилась невыносимой — мы расходились. Но тянулись недели, месяцы одиночества. И снова появлялся Антон, истосковавшийся, обещавший измениться, переезжал ко мне, и начиналась та же история. Жизнь долго учила меня: я знала, что в любви нельзя войти два раза в одну и ту же реку, и все же во второй, в третий, в четвертый раз еще целых пять лет входила и выходила из нее с Антоном. А когда и ему пришел черед строить льготное жилье и нужно было подумать о метраже квартиры, зависевшем от количества членов семьи, мы решили, что вот он, шанс: все равно за пять лет никого ближе мы для себя не нашли, а в съемной однокомнатке жить было уже невмоготу. Конечно, для него это была первая свадьба, но черт дернул меня, как в мой первый раз, выходить замуж со свадебным платьем, кортежем, свидетелями, хлебом-солью и всей прочей дребеденью, которая разлетелась вместе с нашей совместной жизнью уже через два месяца, с очередным уходом Антона, после которого возврата к прежнему не захотели ни он, ни я.

В тридцать три года начинаешь по-настоящему ценить жизнь, и я больше не хотела отдавать целые годы человеку-невидимке, да и каждого нового мужчину видела теперь насквозь. Как ни странно, самыми близкими, плывущими со мной как бы на одной волне, казались мне теперь женатые мужчины, умудренные жизнью и в то же время горячие, как юноши, — с фонтаном интересов, мыслей, впечатлений, которыми им не с кем было поделиться. Но, конечно, я и думать не хотела о том, чтобы стать для кого-то номером два. Месяц за месяцем, год за годом проходили теперь в краткосрочных, необязательных, каких-то дружеских связях, словно уже и не ждала я от будущего обыкновенного женского счастья. Столько лет мне приходилось во всем полагаться на себя, что, наверное, это повлияло на мой характер, на подход к жизни, на ее распорядок. Я не была мужчиной в юбке, но попробуй подними в одиночку ребенка, когда родители твои живут в другом городе: поработай за двоих, а потом приведи, уведи, одень, накорми, развлеки, вылечи, успокой, сделай уроки, уложи спать — и еще найди время на себя. Мужчины чувствовали это, и неравность наша отпугивала их, особенно с тех пор, как я стала жить в собственной квартире.

Из таких вот фрагментарных, пробных связей, в которых мужчина и женщина живут каждый своей жизнью и лишь часть ее уделяют друг другу, выросли наши отношения с Сашей, последним ярким мужчиной моей жизни. Когда мы познакомились (тоже по интернету), он был еще женат, но уже

не жил с женой, подарив ей свою долю в их общей квартире. Детей у них не было. Одевался он подчеркнуто стильно, ездил на недешевом мерседесе и все улаживал какие-то дела в своем старом бизнесе и готовился открыть новый. Он не был богат: в квартире, которую он снимал, был минимум его личных вещей — все купленное за годы семейной жизни осталось жене, а деньги не лежали у него без дела. Чем он покорил меня? Наверное, тем, что из всех мужчин, на которых я не делала серьезных ставок, он оказался самым достойным. По сравнению с моими первыми мужьями — с вечно замкнутым Лешей, с нервным Антоном — он был просто подарком: живость общения совмещалась в нем с добротой и рассудительностью. Дочь моя от него была в восторге: «Мама, о чем ты думаешь? Вот он!» Он умел красиво ухаживать, а для женщины, как ни важен в мужчине стержень характера и стратегический ум, это искусство стоит на первом месте. Он не дарил мне дорогих подарков, не рассуждал о чувствах, но странным образом мог угадывать и выполнять самые мелкие желания, из череды которых, если разобраться, и состоит повседневная жизнь. Спустя год после нашего знакомства он переехал к нам с целым набором костюмов, галстуков и жилетов. Каждое утро он отвозил меня на работу, чего никто до него не делал, а по вечерам в нашей квартире воцарялась какая-то особая, приподнятая атмосфера, словно готовилось что-то важное, праздничное, грандиозное.

Чего я ждала от жизни с ним? Сколько ни испытывай женщину стрессами, заботами, неопределенностью завтрашнего дня, слабостью и предательством мужчин, по какому-то данному свыше закону в глубине ее души тайной надеждой будет теплиться мысль о втором ребенке. С какого-то момента мы с Сашей открыто говорили о наших планах, и он готов был сделать мне предложение, нужно было только поставить на рельсы его новый бизнес. Бизнес его заключался в какой-то рекламе, в каких-то брендах и трендах, в которых я ничего не понимала. Молодость моя уходила, как песок сквозь пальцы, но не могла же я подталкивать его, тем более что он сам все понимал и много об этом думал. Но и на второй, и на третий год нашей жизни не задавались у него дела, и уже вошло в традицию то, что я зарабатываю больше, чем он, хотя поначалу такое положение дел рассматривалось как временное. Однажды утром — мы еще спали — в квартиру позвонили. Саша открыл, и на пороге показались несколько человек с официально-грозным выражением лиц. В то утро за какие-то его долги и невыплаченные кредиты у меня описали все имущество, какое только нашли, включая мебель детской комнаты, купленную для дочери Лешей. Пока шла опись, Саша стоял со спокойным выражением собственной правоты (дескать, он им еще покажет, они увидят, как он силен), в то время как я старалась спрятать хоть какие-то ценные вещи. Ему дали сорок восемь часов на погашение долгов, иначе все отберут (из всего имущества ему принадлежал только ржавый «дэу матиз», давно заменивший мерседес), но откуда ему было взять денег? Какой кредитор мог поверить ему? Только я, потому что деваться мне было некуда. Вдобавок к моим выплатам за квартиру я набрала пропасть новых долгов и кредитов. Саша ободрял меня, убеждал, что вот-вот дела у него пойдут в гору, и так правдоподобно все раскладывал и доказывал, что я с радостью поверила бы ему, если бы не исполнилось мне в тот год уже сорок лет.

Сейчас он живет отдельно от нас и понемногу выплачивает свой долг. У Антона — своя семья, уже трое детей; иногда мы созваниваемся с ним как старые друзья. Леша вернулся в страну и переехал в Минск, часто видится с дочерью, и хоть и не платит алиментов, время от времени переводит на ее счет какие-то суммы. Насколько мне известно, он не женат. В нем ли, во

мне ли дело, но даже короткие вынужденные встречи с ним не вызывают у меня ничего, кроме брезгливости. Почему в жизни моей произошло все так, как произошло? Мужчины мои не злоупотребляли алкоголем, не дрались, не висели у меня на шее и продолжали любить меня даже после расставания — и все же моей юношеской новогодней мечте не суждено было сбыться. Наверное, ежедневно уходя с головой в дебеты и кре́диты, я так и не научилась нащупывать в мужчинах какую-то тайную нить, дернув за которую, более удачливые безошибочно выбирают себе пару раз и навсегда.

Но чем я не похожа на других? Я смотрю вокруг — на своих подруг, сослуживиц, случайных знакомых: все они продолжают жить с мужьями по привычке, из-за детей, из-за квартир, из-за возможности делать покупки и ездить на отдых, а утопающие в солнечных лучах, идиллические семьи — это скорее исключения, пришедшие к нам из телевизора, из журналов, из счастливых и богатых стран, где у женщин нет других забот, кроме как с нежностью смотреть на свою половину и вслепую идти вперед, точно зная, что не споткнешься. Дочь моя была еще совсем маленькой, когда в детском саду, во дворе, в первых классах школы я с удивлением заметила разницу в развитии между девочками и мальчиками. Моя дочурка уже могла читать и писать, обсуждала со мной моду и фильмы, помогала готовить праздничный стол и делать уборку в квартире, в то время как мальчики, ее ровесники, бегали друг за другом по двору, лепеча бессмыслицу и подпрыгивая от беспричинного восторга. «С возрастом они догонят вас!» — слышала я от их матерей. И вот они выросли, эти мальчики. Мы насмотрелись фильмов, начитались книг и ждали, что они преподнесут нам целый мир на ладонях, полный восторгов и воплощенных надежд. На самом же деле роли наши остались прежними: мы читаем и пишем, готовим и одеваем, воспитываем детей и дни напролет отдаем работе, а они без цели толкаются в нашей жизни, даря улыбки и изредка лепеча нам что-то на ухо. В последнее время все чаще мне снится один и тот же сон: передо мной огромное, раскинувшееся до горизонта шахматное поле с бесчисленным количеством клеток и фигур. Я — пешка на нем. Слышен вальс. Белый король берет меня за руку, и мы кружимся в танце. Вдруг раздается какой-то треск, мне под ноги сыплется щебень — и через мгновенье король рассыпается в прах. Подходит новый король — я танцую и с ним. Снова треск, скрежет, щебень — и нет короля. Вот и третий король. Я впиваюсь взглядом ему в глаза: как ни в чем не бывало — с любовью, с надеждой, полными покоя и счастья глазами он смотрит прямо мне в душу. Мгновенье — нет и его. Я смотрю на себя — я теперь королева. Вальс затих. И вокруг ни души. Только под ноги сыплется щебень.

3

— Еще в детстве я заметил, что жизнь моя делится на две неравные группы дней: праздники и будни. Несколько дней ты живешь предвкушением праздника, а когда праздник проходит, становится грустно, и грусть эта съедает тебя до тех пор, пока впереди не забрезжит новый свет. Поездки в деревню к бабушке всегда были для меня праздником, а детский сад знаменовал собой самую мрачную часть дня. В деревню мы ездили самое частое раз в месяц, детский сад мне был обеспечен каждый день. Картошка с яичницей, шкварки, приготовленные в печи, огромные полукруглые пироги с капустой, испеченные бабушкой, — все это пахло праздником, имело вкус счастья, переживать которое суждено мне было лишь время от времени. Запах еды в детском

саду — а пахло там всегда какими-то отвратительными супами — приводил все мои чувства в ступор, уничтожая малейшее желание что-либо делать и вообще жить. У нас в группе был мальчик, который плакал по дому с утра до вечера. Я плакал только первый день, а потом изо дня в день притворялся, что мне все здесь интересно, что я такой же, как все: бегал и дурачился, хотя внутри меня росло, распрямляя щупальца и высасывая все мои детские силы, злое и коварное чудовище. К обеду страх покинутости становился невыносимым, и когда нас укладывали на дневной сон, не знаю, как умудрялся я вместе со всеми еще бросаться подушками и шептать грязные считалочки, потому что на самом деле душа моя была словно на дне океана, давившего на нее всеми сотнями своих атмосфер.

С подъемом мир вокруг преображался, чудовище уменьшалось в размерах и ослабляло хватку, и я поднимался со дна морского все выше и выше, пока улыбка отца, пришедшего меня забрать, не возвещала появления над моей головой ясных небес. То же самое происходило и в школе. Царство теток в мышиных костюмах и с волосатыми ногами требовало ежедневных податей от моего мира, который был таким уютным и интересным, когда его не трогали. Счастливейшим для меня был, конечно, вечер последнего учебного дня в четверти, и пускай утопал он в ноябрьской мгле, пронизанный холодным ветром и многодневной моросью, казалось, что только в этот вечер я начинаю жить по-настоящему, и любое занятие — даже мытье посуды или уборка квартиры — представлялось мне таинством, наполненным всеми высшими смыслами бытия. Наоборот, когда каникулы проходили, первые дни учебы толкали меня во власть неизбывного горя: к ногам моим по пути в школу словно привязывали гири, я притворялся, что болен, и выдумывал десятки других причин, чтобы задержать неизбежное. Только в последнем классе, когда никто уже не думает о школе, а серые тетки не страшнее кукол из пародийного сериала, будни мои ощутимо посветлели. Как к награде за годы страданий, я стал готовиться к взрослой жизни: три раза в неделю по вечерам ездил на подготовительные курсы к поступлению в университет, и всё в этих вечерах — запах окурков на остановках, холодный троллейбус с дверями, дребезжащими в такт зубам пассажиров, бесконечные, облупленные коридоры старого университетского корпуса с огромными лекционными залами, в которых, казалось, вот сейчас выключат свет и пустят кино, — все это целый год исподволь заносило мне в душу мысли о том, чем будут наполнены мои будущие долгие каникулы.

Еще до поступления в университет у меня появились новые друзья. Девушки, в которых я влюблялся в школе, в тот год были разжалованы, так же как и советские автомобили, и я уже приглядывался к тем, кого встречал на курсах. Мы не грезили наукой, не горели вдохновением, не мечтали о спортивных рекордах — в те трудные годы мы были одержимы идеей во что бы то ни стало быть нужными новой жизни, рождавшейся на наших глазах. Если коротко, мы хотели стать юристами. Я и мои коллеги по поступлению, несмотря на позднее время, задерживались после курсов, чтобы еще поговорить, собирались друг у друга дома, даже съездили вместе на пикник. Черпая один у другого подтверждения правильности выбранного пути, делясь новостями о жизни того мира, частью которого собирались стать, мы мечтали о свободной, яркой жизни деловых людей, способных грамотно и толково организовать интересное и востребованное людьми дело. Кто-то из нас собирался после университета во что бы то ни стало уехать за границу — ведь там ты был в намного более выгодных стартовых условиях; кто-то хотел остаться здесь, используя знакомства и связи родителей, а также то обстоятельство, что здесь, на фоне большинства простых и неискушенных в будущем людей,

его способности будут быстрее замечены и применены. Особенно сдружились четверо «патриотов» — две девушки и два парня, одним из которых был я. В этой компании меня покорила Юля, миниатюрная блондинка с тонким голоском и изящно наманикюренными ноготками. Несмотря на то, что она была моей ровесницей, глаза ее казались старше лет на пять, излучая одновременно целеустремленность и тайну, и вообще весь образ ее сильнее всяких умозаключений убеждал в том, что жизнь вполне можно превратить в беспрерывный праздник.

То, что я неравнодушен к Юле, становилось очевидным для всех, в то время как ее ответные чувства пропадали в тумане ее взрослости и таинственности. Казалось, ей было совсем не до сантиментов. Другая пара из нашей четверки уже вовсю встречалась, а я, хоть и бывал в гостях у Юли и даже познакомился с ее родителями, — не знал, что и делать дальше, потому что ни одной девушки, которая ответила бы мне взаимностью, никогда у меня не было. Я не назвал бы себя совсем уж некрасивым и безвольным, но неразделенная любовь в школьные годы изрядно потрепала мне нервы. Как к главному празднику всей жизни, я готовился к свиданию с очередной возлюбленной, но каждый раз встреча выливалась в какую-то великосветскую беседу, натянутую и бессмысленную, тащившую за собой длинную полосу тоскливых будней, вывести из которой меня могла лишь робкая надежда на свидание следующее, которое заканчивалось тем же. В этот раз все было и так, и не так. Весной в квартале, где жила Юля, чуть ли не на каждом углу зацвели вишни и алыча. Однажды, когда я провожал ее после семинара для поступающих, мы отклонились от обычного маршрута и часа два бродили по дворам и переулкам, с появлением листвы напоминавшим какой-то древний город, затерянный в экваториальных джунглях. Юля останавливалась возле каждого цветущего дерева и куста, глубоко вдыхала их запах и в первый раз за последние месяцы улыбалась не сама себе, а глядя мне в глаза.

В тот вечер, стоя под огромным кустом черемухи, в первый раз в жизни я поцеловал ту, в которую был влюблен. Мы стали встречаться чуть ли не каждый день. Вместе готовились к экзаменам, часами гуляли и целовались даже под дождем. Еще совсем недавно я был глубоко несчастен, и вот все перевернулось с ног на голову: вдруг ворвавшееся в мою жизнь яркое, грандиозное будущее вмиг отодвинуло на дно памяти воспоминания о многолетних буднях. Вся наша четверка успешно сдала экзамены и оказалась на одном потоке. В последний месяц лета каждый из нас куда-нибудь собирался уехать, и как-то вечером я пришел к Юле попрощаться. Ее родители и сестра были на даче. По привычке мы сначала долго гуляли по улицам, хотя теперь нам словно не хватало в разговоре какого-то стержня: казалось, еще немного, и мы опять засядем за экзаменационные билеты. Я засиделся у Юли допоздна, а опомнился, когда уже закрылось метро. «Вот и классно! — сказала она. — Оставайся, еще поболтаем», — и посмотрела на меня с таинственной улыбкой. Было душно. В маленькой узкой комнатке между двумя кроватями (Юли и ее младшей сестры) проход был шириной сантиметров в тридцать, и мы лежали каждый на своей кровати, держась за руки, словно готовые улететь на коврах-самолетах в эту ночь, оглушенную хорами кузнечиков и сверчков, и так и проснулись рано утром, спохватившись, что вот-вот скрипнут ключом родители. И в то утро я уже знал, что нам с Юлей не быть вместе, потому что, несмотря на общие шутки, планы и надежды, несмотря на ее удивительную улыбку, с которой на меня больше никто и никогда не смотрел, я просто не хотел ее маленькое, субтильное, показавшееся мне кукольным тельце.

Мне было семнадцать лет, когда я понял, что нужно не ждать от судьбы праздников, а готовить их для себя самому. Что за сила делит твою жизнь на праздники и будни? Случай? Власть? Хитрый человек, распространивший над тобой свою волю? Твоя же недальновидность? Меня не интересовали посиделки и попойки, ночные клубы и концерты эстрадных звезд; уже одно желание самому распоряжаться своей судьбой — не пережидать ее, радуясь редким подачкам, а действовать, — приносила душе моей бодрость и праздничное настроение. Я заметил, что настоящим праздником для меня было приобщение к чему-нибудь новому, оставлявшему в душе моей уйму вопросов, намеков и смутных обещаний. Открытием для меня могла быть новая книга, песня или фильм, или простой поход по окрестностям Минска, когда за рядами обыкновенных серых девятиэтажек неожиданно открывался, например, длинный и прямой канал, напоминавший индийские каналы эпохи Ашоки с картинки учебника по истории. Берега его поднимались каскадом, бесконечной полосой вдоль берега тянулся самшит, чуть выше шагали постриженные под гребенку каштаны, а над ними в гору поднимался бархатистый еловый лес. Но любовь к походам и путешествиям совсем не означала, что я готов был преодолевать один и тот же маршрут по нескольку раз. За время моего студенчества я проехал автостопом тысячи километров, и едва ли мне захотелось куда-нибудь вернуться, лишь через годы изредка появлялось желание показать друзьям кое-какие особо памятные места. Точно так же бывало и с женщинами: пока женщина полна тайн, каждое свидание с ней было праздником. Но вот встречи становятся похожи одна на другую, к близости привыкаешь, как к утреннему кофе, и тянет, тянет смотреть по сторонам.

С годами ценность каждой новой влюбленности, каждого путешествия, каждой долгожданной покупки или другого яркого события начинала для меня падать. Я уже делал первые успехи в карьере юриста на солидном государственном предприятии, когда моя бурная система развлечений стала напоминать мне какой-то забавный карнавал, казалось, лишь предварявший череду более осмысленных и ценных дел. Тогда же я начал задумываться над тем, что будет стоять за последним праздником моей жизни. Помню, преподаватель философии в университете, женщина лет пятидесяти, убежденная материалистка, пережившая клиническую смерть и ничего из нее не вынесшая, говорила нам на занятиях: «Смысл жизни в том, чтобы ценить каждую прожитую минуту. Я чищу картошку и понимаю, как удивительна, как неповторима моя жизнь!» После ее лекции я ходил сам не свой, недоумевая, зачем вообще заниматься философией, если не для поисков какого-нибудь другого, высшего смысла. Когда я вышел на улицу, дома через дорогу вдруг показались мне несуразным, бессмысленным нагромождением камня, как и вся череда моих развлечений, как и вообще весь мир, если довериться мнению философички. Но прошел час-другой — из тайных уголков мира стали проступать привычные доказательства ее неправоты, и вскоре жизнь, как и раньше, представлялась мне уже словно подсвеченной изнутри, полной тайн и подсказок и, несомненно, стоившей того, чтобы жить.

В тридцать лет меня назначили главой юридического управления. Многоходовые сделки с двойным и тройным дном, пилотаж сверхвоздушных, вдохновенно рискованных дел, приносящих доход предприятию и еще больший — его руководству, наконец, собственный тайный фронт работ, затерянный в общем строе задач предприятия, — вот сфера усилий, сделавшая начало моей профессиональной карьеры успешным. К тридцати двум годам у меня уже была своя квартира, да и всего у меня было вдоволь, хотя не так много и нужно мне было в моей холостяцкой жизни. Деньги уходили в основ-

ном на путешествия, которые к тому времени начинали уже надоедать. И, может быть, страх за эту отлаженно работающую систему гарантированного заработка (ведь когда-нибудь она могла дать сбой), а может, унаследованное от предков простое желание быть хозяином своего поля — привели меня к мысли параллельно с основной работой открыть собственную фирму — агентство недвижимости. Направление это казалось мне интересным, потому что в нем, кроме аренды офиса, не нужно было ни во что вкладываться, ничего производить и ни за что не нести никакой ответственности. Главное — набрать побольше агентов, вдохновленных свободным графиком работы и солидной сдельной оплатой, чтобы они бегали в поисках сделок с утра до вечера, валом своим принося агентству хотя бы минимальный доход.

В первые месяцы дела у фирмы шли в гору, но вскоре долгий, как вечность, мертвый сезон порядком остудил мой пыл. По итогам первого года я вышел в ноль, на втором году работа медленно, но неуклонно стала угасать. То и дело казалось, что вот сейчас мы поднажмем, навалимся всей командой в сезон продаж и возьмем реванш. Я любил приходить в пустой офис ночью, когда за большим незашторенным окном падал снег и по широкому побелевшему проспекту, как по ковру, проносились редкие автомобили. Выключив свет, с чашкой чая в руках я подолгу ходил из угла в угол рабочей комнаты и думал, думал, думал о своей жизни, к удивлению своему, не находя в ней теперь никакого другого настоящего интереса, кроме дел агентства. И когда офис пришлось закрыть, жизнь моя словно остановилась. На пороге ее замаячил долгий период подавленного прозябания, спасти от которого меня могло только какое-нибудь совсем уж новое и одновременно глубоко укорененное в почве мироустройства дело. Всю жизнь я был одиночкой, угнетаемый малейшим покушением на мою свободу, а теперь чувствовал, что все самое важное и интересное в мире как будто происходит без меня. Когда мне было семнадцать, двадцать пять, даже тридцать лет, по какому-то общему для всех новичков на этом свете правилу, в будущем я представлял себе одно или два десятилетия, в течение которых должно было произойти все то главное, ради чего и рождаются жить. Но вот мне тридцать пять — а я знал о жизни еще меньше, чем раньше.

В те годы как раз вошли в моду сайты знакомств. Друг мой, нашедший себе там пару, посоветовал мне разместить на таком сайте анкету. Как за соломинку я ухватился за новое занятие: недели две все свободное время просматривал анкеты столичных девушек, но хотя там и попалось мне три или четыре лица, годных для прежнего моего праздничного конвейера, той, которая могла бы сдвинуть мою жизнь с мертвой точки, я не встретил. Я расширил поиски на всю страну — и провел в них еще две бесполезные недели. На десерт оставляя украинскую столицу, я прошерстил Чернигов, Луцк, Белосток, Брянск, Смоленск и Псков, но и там никого не нашел. На третьем месяце я вторгся в Прибалтику, и первое, что бросилось мне в глаза, было неожиданно ответственное отношение прибалтийских девушек к оформлению своих страниц. Многие наши красавицы находились на сайте как бы между делом, размещая одну-две фотографии с изображением половины лица и указывая лишь свой пол и возраст. Балтийки же щедро делились интересами, ссылками и наблюдениями, выставляя целые галереи удачно подобранных изображений. В большинстве случаев это были интеллигентные, симпатичные девушки, явно не избалованные общением с русскоязычными соплеменниками. Среди них нашлось немало таких, с которыми всерьез захотелось поделиться прожитым, и неожиданно, как жизнь на другой планете, отыскалась та, с которой в первый раз меня потя-

нуло разделить будущее. Жила она в Риге, в обычном советском микрорайоне семидесятых годов, где все говорили по-русски, а в речи старушек на скамейках слышался, как оказалось, и белорусский акцент.

Мы стали часто ездить друг к другу. Если вынести за скобки красоту архитектуры, Рига с ее почти повсеместно облупленными, десятки лет не ремонтированными улицами в сравнении с Минском производила удручающее впечатление; наша же столица, наоборот, предстала перед Верой неожиданно просторным, светлым и чистым городом, в котором сады зацветают на неделю раньше рижских. Страна наша казалась ей этакой Европой, где всё по-русски. К тому же, с переселением сюда решался вопрос языковой среды для ее будущего ребенка. Я уже сделал Вере предложение и получил согласие, когда в середине лета мы решили проехаться по Латвии и на первую ночь остановились в Саулкрасты. Стоял необычно теплый для здешних мест вечер. Под ноги лезли огромные рогатые жуки, которых раньше я видел только на юге. Сумерки все не наступали, и то приближалась, то удалялась гроза, непривычно глухая, словно ее завернули в одеяло. Мы стояли на берегу, вдыхая сильный, как от лечебной ванны, аромат хвои, выжатый жарким днем. Где-то совсем рядом запел дрозд. Вера рассказывала о том, как она ездила на этот берег в детстве, а я, ничего не соображая, переминался с ноги на ногу и вглядывался в потемневшее у горизонта небо, догадываясь, что наступил последний выпускной вечер в моей жизни.

И меньше всего я тогда мог предвидеть, что всего через два года Вера, переехав в Минск и родив мне сына, заболеет неизлечимой нервной болезнью, которая парализует ее способность к любой работе, да и просто к нормальной жизни; и что сам я, несмотря на все свои заслуги, способности и опыт, со сменой руководства на предприятии потеряю и должность, и всякое влияние, превратившись в рядового юриста для составления типовых договоров, которому в затылок будут дышать орды молодых сотрудников. Попытки найти другую работу ни к чему меня не приведут, потому что большинство предприятий, как и вся наша страна, так неосмотрительно выбранная моей женой для жизни, еще через год-два погрузится в беспросветную пучину затяжного кризиса. Еще совсем недавно, убегая от скуки, на собственном автомобиле я колесил по Европе, а сегодня и благодарю, и проклинаю судьбу за то, что семье моей хватает денег хотя бы на бутерброд с маслом и на подарок сыну ко дню рождения. Я ни о чем не жалею, и какие бы сумерки ни ожидали нас впереди, смотрю в будущее с гордо поднятой головой, хотя все чаще единственным настоящим праздником в моей жизни кажется мне моя холостяцкая юность. И все чаще меня тревожит один и тот же сон: мне снится, что я умер, покинул тело и по правилам нового измерения силой мысли построил себе уютный домик на высоком берегу моря. Долгое время я живу в нем один, глядя на вечный закат в моих окнах, но вот мне становится скучно, и я строю для себя другой мир, среди высоких гор, заросших бескрайним тропическим лесом. Мне становится скучно и там, я хочу соорудить копию своего двора и квартиры в Минске. Я горю этой мыслью, но какая-то сила упорно мешает мне ее воплотить. Опустив руки, я возвращаюсь в горы, но в прежнем моем доме уже кто-то живет. Лечу на море — но там уже нет ни дома, ни самого моря. Только черная туча надвигается на меня со всех сторон. Из нее тянутся руки, скалятся рожи. Я понимаю, что сплю, и хочу разбудить себя — ущипнуть, растолкать. Я мечусь по кровати, зову жену и родных, молю о прощении у всех, кого обидел при жизни, но не могу проснуться.

Наталья КУЧМЕЛЬ

И остается только вспоминать

* * *

Кожей вдыхаю туман, словно жабрами.
Губы все суше…
Ветви корявые, как канделябры,
Вскинула груша.

Капли дождя чуть сверкают и гаснут,
Словно не смеют,
Как твои губы, стыдливо-бесстрастно
Трогать мне шею.

* * *

Не хочет облекаться в рифмы
Тоскливо-нудный звук земли,
Когда вослед небесным
скрипнут
Колодезные журавли.

Бумага — ворохами гранок,
Но не оттиснулись на ней
Ни первый блик зари багряной,
Ни веер утренних лучей.

* * *

Кто сказал бы — любовь желанная;
Я скажу — ожидание.

Кто б сказал — ты нежность и гнев;
Я скажу, что надежды нет.

Клином свет — как бровей надлом —
Сжался там,
за желтым окном.

Время стылое в свете мается —
Ничего не случается.

Не покатятся слез ручьи.
Не раздастся звонок в ночи.

* * *

Дождливой душной ночью не до сна,
И остается только вспоминать.

И грустная вода неторопливо,
Но беспрестанно плещется в отливе.

Вишневый сад — растрепанный, безлистый —
Предстал совсем иным скопленьем истин:
Какой-то отрешенный, посторонний…
Далекий, ясный мой, — где ты сегодня?

Дождливой душной ночью не до сна,
И остается только вспоминать.

* * *

Колючий снежок бьет по векам, ресницам и тает.
В прищуре моем фонари, как цветы, расцветают.
А сердце пустое.
Что вложишь в него, в это сердце,
Чтоб в счастье свое до последнего взгляда всмотреться?

Авторизованный перевод с белорусского
Юрия МАТЮШКО.

В 2016 году Издательский дом «Звязда» при участии Союза писателей Беларуси проводил международный литературный конкурс «Родной дом». В нем приняли участие авторы из 14 стран — республик бывшего СССР, а также из Израиля, Германии, Великобритании, Нидерландов и Польши. К рассмотрению жюри была принята 271 конкурсная заявка.

Под родным домом понималось все относящееся к большой и малой родине каждого, включая улицу, город, страну детства или современное место жительства автора.

Лучшим художественным произведением конкурса «Родной дом» стал рассказ «Счастливые птицы» Кямрана Назирли (Азербайджан).

В жанре документальной прозы победил Вячеслав Лобанов (Россия) с жизненными зарисовками «Чердак забытых вещей». В номинации «Поэзия» званиями лауреатов отмечены Римма Артемьева (Казахстан) со стихотворением «Есть прекрасная Родина — Русский язык!» и Алена Папко (Беларусь) с произведением «Маме» на белорусском языке. Их работы, как и произведения других участников конкурса, публиковались на сайте «Созвучие» (sozvuchie.by).

Анатолий МАТВИЕНКО

Проза

Кямран НАЗИРЛИ

Счастливые птицы

Когда я умирала, мне было десять лет; я умерла потому, что уже умела отличать белое от черного, горячее от холодного. Интересно, все ли дети, прожившие на свете десять лет, думают как я? Если да, то почему они не умирают?

Все цвета для меня были одинаково красивыми, добрыми. Я едва привыкла к этим цветам. Для меня не существовало ничего плохого; но в глубине души я чего-то боялась, остерегалась. Позднее мне стало известно, что меня пугает моя болезнь. От болезни человек умирает. Как-то раз в детдоме нянька проговорилась при мне: «У этой девочки талассемия, она умрет». Она думала, что я сплю. Но я не спала, просто лежала с закрытыми глазами и ее беседу с заведующей услышала собственными ушами. Я не знала, что такое «талассемия». Но слово «умрет» насторожило меня; я поняла, что это нечто нехорошее. С тех пор я начала жить с мыслью об этой дурной вести, у меня в голове смешались все мысли. Я капризничала, меня не могли утешить. Денно-нощно я томилась в ожидании…

Свою мать я не помнила. Отец всегда говорил, что она в больнице — вот выздоровеет и вернется. Я верила отцу, я ждала его до самой смерти; тоска по нему разъедала меня изнутри, уничтожала меня. Я думала, что будь он рядом

со мной, забери он меня отсюда, я поправлюсь и не буду думать о смерти. Ведь для меня мой отец был самым сильным человеком на свете...

В детдом я прибыла на руках у отца. Его туманный образ я не могла забыть целых пять лет. Я начала осознавать все в раннем, очень раннем возрасте, начала раздумывать обо всем, и эти раздумья подарили мне тревожную, беспокойную жизнь. Оказалось, что смерть моя ускорилась именно из-за моих раздумий. Что еще можно было ожидать от ребенка, который начинает размышлять с пяти лет? Какой участи может ждать ребенок, брошенный в детдом с пяти лет?

Я, хоть и туманно, но все же помню беседу отца в кабинете заведующей.

— Мать у нее умерла, а я не могу заботиться о ней... Прошу вас... Умоляю... Девочка больна, а у меня нет возможности... — говорил отец.

— А документы у нее есть? — спросила заведующая, смерив меня взглядом.

— Да, все готово... все документы вот здесь... если еще что-то понадобится...

— Доченька, как тебя зовут? — спросила у меня заведующая.

— …

Я уставилась на отца. Боялась. Но и сама не знала, чего боялась. Молчала. Но не знала, почему молчала. Отец усадил меня рядом с собой и начал гладить мои волосы:

— Она спрашивает твое имя, доченька... — Это было последнее обращение моего отца ко мне, которое я помню. Больше ничего связанного с отцом я вспомнить не могу.

— Азерин...

— Умница! А сколько тебе лет? — спросила заведующая серьезным тоном.

— Пять... В следующем году исполнится шесть... — сказала я.

— Ну, дай Бог!

В тот же день отец передал меня заведующей и ушел. Странно, что я не заплакала. Не стала умолять его не уходить. Я с ним даже не попрощалась. Кажется, это очень удивило заведующую. Она отвела меня в комнату, где было много детей. Войдя в комнату, она обратилась к такой же круглолицей, как и сама, женщине:

— Вот, Бахар, забирай, новенькая... У тебя пополнение!

Тетя Бахар улыбнулась и, взяв меня за руку, обратилась к детям:

— Посмотрите-ка, дети, какая красивая девочка к нам пришла! А как тебя зовут, малышка?

— Азерин...

— Ну что ж, Азерин, познакомься с новыми друзьями — вот это Натига, Флора, Нихад, Джамал, Люба, Фирдовси, Андрей, Гатиба, Юля... знаешь, как они красиво рисуют? А ты умеешь рисовать?

— Нет...

— Тогда мы тебя научим... Правда ведь, детки?

— …

Дети молчали. Все они с изумлением уставились на меня. Интересно, почему они разглядывали меня с таким интересом? Неужели я была для них настолько интересной?

Тетя Бахар указала на кровать, расположенную у окна:

— Вот, ты будешь спать здесь... У окна...

Ровно пять лет я спала на этой кровати у окна; ровно пять лет я глядела через это окно во двор, на калитку, оттуда на улицу, на стоящий там газетный

киоск. Отец спросил у хозяина этого киоска, где входная дверь в детдом, тот поглядел на нас добрыми глазами и указал рукой на дверь. Затем проводил нас до самой калитки со словами: «Да поможет вам Всевышний!» В нем было что-то схожее с моим отцом. Я думала, что этот дядя, похожий на моего отца, каждое утро, открывая свой киоск, думает обо мне. Знает моего отца, знает, где он сейчас; каждый раз, когда он поднимал окно киоска и раскладывал газеты, я думала, что сейчас он помашет мне рукой, улыбнется, затем позовет к себе и, гладя меня по голове, сообщит радостную весть: «Доченька, за тобой приехал отец...»

Все это были мои выдумки, о которых я шептала самой себе. Этот дядя, работающий в газетном киоске, не видел меня, не говорил мне ласковых слов. Но для меня почти каждое утро начиналось с того, что я стояла возле окна и смотрела, как этот дядя, похожий на моего отца, аккуратно раскладывает перед киоском свежие газеты и журналы. Мне казалось, что сейчас из-за угла появится мой отец — он подойдет к этому дяде, спросит у него о чем-то, а тот, указав рукой на мое окно, покажет ему меня. И тогда все, все будет хорошо... А отец не появлялся.

В детдоме меня могла хоть как-то утешить только тетя Бахар. Однажды она сказала мне: «Среди здешних детей ты самая тихая, самая умная. Послушная, не избалованная. Мы очень любим тебя. Вовремя ешь, вовремя спишь, вовремя просыпаешься и все время сидишь возле окна и смотришь на улицу. Если бы все дети были такими...»

В эти минуты я думала о том, что жду чего-то другого. Это может быть нечто одушевленное или неодушевленное. Но что же это было? В моей душе все время не хватало какого-то чувства, какого-то ощущения. Тетя Бахар говорила, что она мне одновременно и мать, и отец. Да, я не могла вспомнить свою маму — все мои чувства к ней умерли вместе с ней. Но отца же я помнила?! А почему же тогда эти воспоминания не превращались в любовь? Не знаю.

Вспоминая туманное лицо отца, эти непонятные чувства, переполняющие мою душу, хотели то умереть, то воскреситься; а внутри меня горели смешанные, непонятные чувства, и каждое утро желание увидеть отца волей-неволей приводило меня к окну. Это был мой пункт ожидания; это окно было моей надеждой, моим пристанищем. Я очень любила это окно. Оно дарило мне одновременно тепло, прохладу и утешение. Через него я видела улицу, любовалась зелеными елями, слушала пение птиц, глядела на проезжающие машины, на газетный киоск дяди, похожего на моего отца; там были разные люди, разные машины, разные мамы, папы... Увидев их через это окно, я радовалась. Мне хотелось когда-нибудь очутиться между ними вместе со своим отцом. Но главным для меня был этот газетный киоск; увидев его открытым, я радовалась, думая, что, заметив этот киоск, отец найдет дорогу, придет и заберет меня...

Как жаль, что все это осталось позади — все мои чувства, все мои желания умерли вместе со мной. Правда, я не знала, когда умру, да и знать не могла. Я обессиленно лежала на кровати возле окна. Время от времени тетя Бахар подходила, клала руку мне на лоб и, глядя в мои полуживые глаза, шептала что-то про себя и отходила. Я помню только то, что два раза в году мне делали укол и переливали кровь. За последнее время делали все больше уколов, давали все больше лекарства. Каждый раз, увидев врачей в белых халатах, я думала: до каких же пор эти врачи будут колоть меня? Мое сердце трепетно билось… Ведь от боли и из-за лекарств все мои вены, все сосуды были окончательно разрыхлены...

...До смерти оставалось еще восемь часов. Конец света для меня должен был наступить ни свет ни заря — в пять часов утра. Еще вечером тетя Бахар пришла навестить вместе с несколькими дядями и тетями в белых халатах. По привычке погладив меня по голове, она спросила:

— Ну как ты, Азерин?

У меня не было сил ответить ей. Тетя Бахар обратилась к пришедшим с ней тетям и дядям в белых халатах:

— Детям нужна кровь! Кровь им нужна больше, чем еда, слышите?

— Крови нет!

— А что же мне делать? Куда пойти, кого просить?

— Доноров стало меньше... Кровь не сдают...

— Так что же теперь делать этим бедняжкам, умереть?

— Придумаем что-нибудь... Ну что мы можем сделать? Во всем мире бесчисленное количество анемичных больных — на всех крови не напасешься... Ждите... Может, завтра будет.

Я поняла, что произойдет что-то страшное и ужасное, и начала ворошиться в постели. Оказывается, что все дети, живущие в этом доме, так же, как и я, больны малокровием. Кровь — вещь хорошая, и если ее перелить через вену в тело человека, то люди не умрут. Вот сколько детей ждут крови — Флора, Люба, Айтадж, Гатиба, Джейла, Фирдовси, Нихад, Андрей... Уже пять лет, как этим детям, так же, как и мне, переливают кровь. А сейчас эти дяди говорят, что крови в мире нет, кровь иссякла. Ну ладно, допустим, что крови в мире нет... А в людях? В людях тоже крови нет? За эти пять лет нас посетили множество певцов, которые привозили нам теплую одежду, различные игрушки, вкусные сладости. Они пели с нами, веселились и уезжали. Такие концерты проводились часто. Но сейчас мне концерт ни к чему. Мне нужна кровь, красная кровь. Где же теперь эти певцы? Почему они не дарят нам кровь?

Тетя Бахар взволнованно отвела гостей в другую комнату. Дойдя до двери, она обернулась и, взглянув на меня в последний раз, обратилась к одному из мужчин в белом халате:

— Ей очень плохо... Распухли печень и селезенка... Ребенок умирает... Говорят, и мать ее умерла так же... Отцу мы сообщили...

В тот день я до утра ждала отца. Я так верила, что он приедет... Я думала, что он обязательно приедет, привезет мне кровь, увезет меня с собой, и я поправлюсь...

К утру я почувствовала в себе прилив сил — встала и открыла окно. И увидела, как огромный подъемный кран зацепил этот газетный киоск, которым я любовалась каждое утро, и поставил в кузов грузовика. Вскоре были снесены и маленькие магазины, расположенные вокруг этого киоска. Все они бесследно исчезли. Я заплакала. А как же теперь отец найдет этот дом? У кого же он теперь спросит дорогу?..

...Стоял полумрак. Слабый утренний ветер медленно раскачивал во дворе зеленые ели. Калитка была закрыта; а по ту сторону калитки, в пылище, стоял газетчик, который вместе с другими людьми о чем-то громко спорил с хозяевами грузовика. Утреннюю тишину нарушали крики этих людей и гул заведенных моторов. Вскоре ветер усилился и развеял эти гулкие, смешанные голоса. А на деревьях уже чирикали воробьи и пели соловьи. Значит, у них была кровь, если они могли так громко петь и чирикать. Какие же они счастливые, эти птицы! Но это было уже последнее пение, которое я слышала...

Поэзия

Римма АРТЕМЬЕВА

* * *

Есть прекрасная Родина — Русский язык![1]
Ей неведомы страны, границы, затворы.
Сам Господь освятил ее царственный лик.
Переливами смыслов пестрят разговоры.

И цветными созвучьями рифмы горят,
Там узоры хранят первозданное слово.
Как искусно непрост ее пышный наряд!
А любовь и добро — ее сути основа.

Мудрость красною нитью ведет через время —
Свои тайны раскрыв, в откровения миг —
Кто узнает ее — ей останется верен.
Есть прекрасная Родина — Русский язык!

[1] Стихотворение читается построчно сверху вниз и снизу вверх.

Документальная проза

Вячеслав ЛОБАНОВ

Чердак забытых вещей

Летняя кухня бабушки и дедушки, у которых я проводил в каникулы по одной-две недели, была здесь же, на втором этаже, и просто продолжала огромный сруб дома, только эта часть не отапливалась, и стены были не из бревен, а из толстых досок.

В кухне, вдоль правой стены, стояли: огромный сундук, на котором при желании можно было выспаться, две железные односпальные кровати, газовая плита и алюминиевый пятиведерный бак с питьевой водой, которую приносили с уличной колонки. Вниз, к выходу на крыльцо, вела крутая деревянная лестница из двенадцати ступеней. В левой стене летней кухни была дверь в интересующий меня чулан...

На правой длинной стене чулана висела на крючках всякая старая одежда, например, шинель, в которой дядя Вова демобилизовался из Германии в самом начале шестидесятых годов, а всю другую стену занимали глубокие лари с отделениями, в которые легко можно было высыпать по несколько мешков муки, гороха или соли. Лари закрывались крепкими деревянными крышками, а выше на полках лежали всякие мелкие вещи: однажды я нашел там пачку мелкокалиберных патронов, в другой раз часть интереснейшего журнала «Искатель» с увлекательными фантастическими рассказами.

Выше полок из бревен торчали две железные скобы-ступени, по которым забирались на чердак...

Сухой воздух чердака пах пылью и полынью, развешанной кое-где по углам. Пройдя по земляному полу в дальний от чулана конец чердака, можно было выглянуть в запыленное оконце, выходящее на нашу грунтовую улицу, слегка присыпанную щебенкой. Все наиболее интересное таилось в затененной части чердака, расположенной над летней кухней.

Там на стене уже лет двадцать висели дедовы лапти с длинными, плетеными из лыка ремешками, которые должны были перехватывать крест-накрест холщовые онучи-портянки, надеваемые вместо носков. Дед всегда говорил, что он — исконный крестьянин и похоронить его надо в этих лаптях.

Пол чердака над летней кухней был не насыпной, а только из досок, и поэтому приходилось ходить осторожно, чтобы доски не скрипели и никто не заинтересовался моим частым там пребыванием.

Постепенно я стащил в старый фанерный чемодан в углу этой части чердака все сокровища, найденные в комнате дедовского дома, в сараях и даже в бане, расположенной посередине огорода.

Песенник

Толстую черную тетрадь я обнаружил на скучном, пустом чердаке нашей бани. Маленький домик, рубленый из бревен, был расположен почти в центре огорода. Баня топилась по-черному: то есть дрова горели прямо в печке под котлом, вмурованным в невысокий кирпичный постамент, справа от входной двери из дощатого предбанника.

Вокруг котла была насыпана крупная галька, на которую плескали воду из ковшика, и тогда пар заполнял все помещение. Дым от горящих дров выходил в отверстие, которое называлось мурейка, в дальней стене бани и по пути коптил до черноты потолок. После протопки отверстие затыкалось старой зимней шапкой-ушанкой, и все помещение заполнял сухой жар. Слева от входа в баню стоял жестяной бак с холодной водой. Еще для любителей попариться имелся высокий деревянный полог, расположенный вровень с гальками вокруг котла, и две низкие длинные скамейки — для обычных моющихся. Естественно, здесь же находились и оцинкованные круглые шайки и веники.

Так вот, наконец, про тетрадь, спрятанную и забытую на пыльном чердаке бани. Она вся была исписана фиолетовыми чернилами и принадлежала моему дяде Вове, который слыл хулиганом и пьяницей. В ней были песни, записанные, наверное, еще в его школьные годы. И вот на каникулах после шестого класса я с моими двумя двоюродными сестрами-погодками постигал жизнь, читая запретные хулиганские песни с жестокими строками: «Ты меня бросил — измял мою простынь!..»

Или еще более смущающими наше юное воображение: «Ты меня целуешь в губы, раздеваешь очень грубо...»

Тетрадь эта чаще лежала не в моем чемодане на чердаке, а была у сестер и их подружек, и однажды тетя Рая, обнаружив и прочитав ее, спалила «это непотребство» в печи.

Гербарий и облигации

Пачку облигаций я нашел, роясь в зале в большом трехстворчатом шифоньере. Облигации — это такие пестрые бумажки достоинством от десяти до двухсот рублей, выпущенные в сороковых-пятидесятых годах. Их заставляли брать вместо части зарплаты. Долгое время народ хранил «ценные бумаги» вместе со всякими документами, но через тридцать лет, в 1977 году, государство облигации постепенно начало выкупать, и дедушка каждый год сдавал их в сбербанк и получал деньги. Мамины облигации за 1955—56 годы я сам сдавал в банк в Тольятти и получил за них больше ста пятидесяти рублей.

Пару высушенных морских коньков, несколько раковин и три альбома с субтропическими листьями и цветами я обнаружил там же, в шифоньере, еще учась во втором классе. Тогда нас тоже заставляли в летние каникулы собирать гербарии местных растений и вести дневники наблюдений за погодой, и потому в пятом классе я знал названия гораздо большего числа трав и деревьев, чем сейчас.

Субтропические листики и ракушки сохранились от поездки дяди Паши, младшего маминого брата-отличника, в пионерлагерь Артек в 1964 году. Эти хрупкие гербарии быстро поломались и затерялись где-то при долгих переездах нашей семьи из удмуртского Сарапула в Караганду, а потом на Волгу — в Тольятти. А вот монеты, которые я собирал с детского сада, еще много лет находились у меня в коллекции и помогали вспоминать истории, связанные с их приобретением.

Футляр для спичек и ножичек

Я помню, что футляр для спичек обычно лежал в правом переднем углу чемодана, прямо под рукой. Дед много курил, вставал даже ночью, чтобы «высосать» очередную папиросу «Прибой», и наверное, эту вещицу я позаимствовал именно у него. Год назад я попросил знакомых антикваров достать мне такой футляр, но, увы, до сих пор этой вещицы нет.

Футляры бывают легкие, золотистые, из анодированного алюминия, и белые, блестящие, мельхиоровые. Их надевали на хрупкие спичечные коробки, чтобы не ломались в кармане. Справа и слева в футляре были предусмотрены прямоугольные, закругленные на концах прорези, оставляющие открытыми поверхности, по которым чиркали спичкой. На верхней лицевой поверхности футляров обычно штамповали какие-нибудь патриотические картинки, например, башню Московского кремля.

Ножичек для разрезания страниц (а раньше некоторые книги выпускали именно так — не разрезанными) подарил мне дед. Ножик длиной в ладонь походил на маленькую саблю, с обеих сторон лезвия были даже канавки для стекания крови. Ручка сабельки имела небольшую овальную гарду. В центре никелированной поверхности ручки был трехцветный эмалевый узор, тисненный в овале.

Позднее я сделал ножны из толстой рулонной фольги для крышек молочных бутылок: мама принесла ее с маслозавода, где она работала бухгалтером. Этот ножичек до сих пор хранится у меня, иногда я нахожу его, роясь в своем комоде, и вспоминаю дедушку Андрея.

Французская медаль

Бронзовую толстую медаль 1817 года, с выпуклым барельефом Вольтера, подарил мне в Орловке дядя Саша. Это было на каникулах после восьмого класса, дяде — старшему брату моей мамы, было уже пятьдесят, но он еще лихо подтягивался раз семь на турнике. Он вообще был, как сейчас бы сказали, «брутальный тип». В 1942 году в пятнадцать лет его забрали в военное училище морских летчиков, но на фронт их отправили только восемнадцатилетними, и они успели лишь к войне с Японией. Потом он служил дальше: до сорок седьмого года, пока какие-то бандиты ночью не всадили ему нож в спину во Владивостоке. В Орловке — русской деревне в тридцати километрах от янаульского чердака — он прожил весь остаток своей жизни, работая в школе учителем истории и физкультуры.

Запомнились его фантастические байки о том, что кто-то из моих прапрадедов прожил сто шесть лет и он тоже хочет прожить лет до ста, но на фоне его периодических запоев и вырезанных двух третей желудка чудо, что он дожил до семидесяти семи, — видимо, помог чистый деревенский воздух.

А медаль до сих пор хранится у меня, правда, я как-то сдуру по молодости счистил красивую столетнюю коричневую патину, и пришлось полгода держать медаль в горшке с цветком и регулярно поливать растение и медаль. Новая патина вышла тонкой и красноватой, а на ребре медали появилось пятнышко некрасивой медной окиси, но все равно так вышло лучше, чем прежний, отчищенный, неестественно желтый для старой вещи цвет.

Откуда же в Орловке старинная французская медаль, ведь никаких остатков дореволюционных дворцовых имений нигде рядом не было? Я думаю, что ее после войны подарил дяде Саше кто-то из фронтовиков, которые, воюя в Европе, прихватывали всякие памятные трофеи.

Значки и погоны

Парадные сержантские погоны танкиста, значки «Гвардия» и «Отличник Советской Армии», как и гербарии, быстро перекочевали из бабушкиного трехстворчатого шифоньера в мой чемодан на чердаке.

Погоны блестели тремя позолоченными лычками на черном бархатном фоне, бронзовый желтый «Отличник СА» был не по уставу, а по дембельской лихости покрыт блестящим никелем.

В серванте, в шкатулке с пуговицами и другой мелочью, лежали еще медаль и орден «Материнская слава», которые бабушке вручили после войны. Дядя Паша, родившийся в сорок восьмом, считался седьмым ребенком, так как не засчитали, видимо, Ольгу, умершую в десятилетнем возрасте перед самой войной, и вторую девочку, погибшую еще во младенчестве, поэтому орден был только третьей степени.

Орден и медаль так и не попали в мой чемодан — пропали, скорее всего, их увез в Орловку дядя Саша — он был тоже тот еще барахольщик.

Монеты

Здесь я расскажу только о монетах, привезенных из Янаула, с каникул.

Постоянно, после дождя, я, низко нагнувшись, внимательно разглядывал грядки на огороде и несколько раз находил никелевые монетки начала тридцатых годов, а один раз рядом с баней нашел даже медную денежку 1861 года. Видимо, и раньше здесь, на огороде, была какая-нибудь баня, а в старое время при строительстве существовал обычай класть под опорные столбы строения

монетки. Рубли клали под дома, а для бани посчитали достаточной и мелкую монетку.

Однажды, когда мне было уже лет четырнадцать, бабушка нашла в кармане старого пальто в сарае холщовый мешочек с десятком серебряных рублей, отчеканенных с начала и до конца девятнадцатого века, и к ним еще вдвое больше советских полтинников 1922 года, с большой звездочкой на одной стороне монеты.

Два рубля времен Александра II у меня выпросил для изготовления блесен заядлый рыбак дядя Илья, часть полтинников исчезла неизвестно куда, а остальные монеты много лет находились у меня в коллекции.

Бабушка и до этого случая пополняла мою коллекцию: я учился еще в первом классе, когда она вытащила из своего заветного сундука рубль 1924 года «с рабочим и колхозником» и подарила мне.

Несколько монет отдала мне красавица Аленка — дочь наших вечных соседей с первого этажа. Я переписывался с ней, учась в десятом классе. В то время она уже поступила в техникум в областном центре, так как окончила школу на год раньше меня. Через полгода переписка заглохла по моей вине: класс был выпускной, я стал налегать на учебу, да и слишком сильно был тогда влюблен в Жанну из параллельного класса.

Как-то, будучи в Янауле на каникулах после первого курса института (а Алена тогда отучилась в техникуме два года), она позвала меня к себе домой, чтобы передать монету в двадцать копеек, выпущенную в первые годы советской власти. Скорее всего, это был просто повод в последний раз попытаться добиться от меня каких-то активных действий (поцелуев или объятий) вместо пустой болтовни.

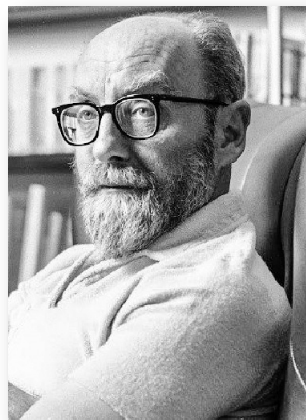
Мы были одни, в доме было прохладно и тенисто от заслонявших окна кустов в палисаднике. Постель была тут же, за раскрытой дверью, что вела в маленькую комнату справа от зала, но я ничего не понял, мы вяло беседовали, попивая чай за столом у окна, и Алена быстро свернула неинтересный ей разговор.

Последний раз я побывал у деда и бабушки в марте восемьдесят восьмого, будучи в отпуске, так как работал тогда инженером на Ульяновском автозаводе. К тому времени наши вечные соседи с первого этажа уже несколько лет зарабатывали «длинный» рубль на далеком севере, а квартиру сдавали случайным людям.

Через год, неожиданно для нашей семьи (а был серьезный разговор, что мы могли бы выкупить первый этаж и мои родители переехали бы ухаживать за стариками, благо моя мама ушла на пенсию), дом был продан весь за двенадцать тысяч холостому богатому хозяину, поднакопившему денег на северной работе.

Дом, обшитый белой вагонкой, и сейчас стоит по тому же адресу: Октябрьская, 33. Об этом написали мне знакомые, побывавшие года два назад в Янауле у своих родственников.

Не удивлюсь, если где-то на чердаке так и пылится чемодан с комсомольскими и пионерскими значками (еще старыми, бронзовыми, без портрета Ленина), с россыпью маленьких бронзовых гирек со штампами проверок сороковых годов и прочей мелочью, что я не забрал в свой последний приезд.

Десмонд БЭГЛИ

Бегущие наобум

Роман

От переводчика

Десмонд Бэгли родился в 1923 году на севере Англии. В возрасте четырнадцати лет оставил школу и начал работать. Сначала в типографии, затем на фабрике по производству игральных автоматов и на авиационном заводе. Затем из-за обострившихся отношений между родителями Десмонд покинул Англию и отправился путешествовать по Африке. Он пересек Сахару и Кению, переболел малярией в Уганде, работал на асбестовых разработках и золотодобывающих приисках.

В 50-е годы Бэгли добрался до Южной Африки, где и заинтересовался журналистикой. В 1951—52 годах работал радиосценаристом Южно-Африканской радиовещательной корпорации в Дурбане. Перебравшись в Йоханнесбург, Десмонд трудился свободным журналистом для газет «Санди Таймс», «Стар», «Рэнд Дэйли Мэйл». Он писал обзоры на новые книги, концерты и спектакли. С середины 50-х годов начал писать статьи по различным техническим вопросам.

В 1957 году журнал «Дебаты» опубликовал первый рассказ Десмонда. Тогда же он встретил Джоан Мэгги Браун, хозяйку местного книжного магазина, и в 1960 году они поженились.

Спустя два года вышел первый роман Д. Бэгли — «Золотой киль». Он был основан на подлинной истории о перевозке войсками СС ценностей Муссолини в Германию. Захватывающие подробности этой акции Бэгли впервые услышал в одном из баров Йоханнесбурга.

В 1965 году Десмонд вернулся в Англию. В 60—70 годы он часто путешествовал и много времени уделял своим увлечениям: математике и компьютерному программированию. Эти увлечения и наблюдения, сделанные во время путешествий, нашли отражение в его произведениях.

В романах Д. Бэгли нет сквозного центрального персонажа, подобно Эркюлю Пуаро у Агаты Кристи или комиссару Мегрэ у Жоржа Сименона. Все герои разные. Но все они схожи: умны, предприимчивы, обаятельны, справедливы. И главное, воители, сражающиеся до конца.

Д. Бэгли опубликовал шестнадцать триллеров, и все они стали бестселлерами. Четыре из них экранизированы. Последний роман писателя «Сокрушительная сила» был закончен его женой и опубликован посмертно.

13 апреля 1983 года Десмонд Бэгли скончался от последствий перенесенного инсульта в госпитале Саутгемптона.

Творчество Д. Бэгли оказало значительное влияние на многих английских авторов триллера.

I

Неожиданно оказаться наедине с трупом — ситуация довольно тоскливая, особенно если у покойника отсутствует, к несчастью, свидетельство о смерти. Разумеется, каждый врач, и даже свежеиспеченный выпускник медицинского института, мог бы легко установить причину смерти. Мужчина умер от сердечной недостаточности — так типы в белых халатах называют по-ученому остановку сердца.

Непосредственной же причиной смерти явился стальной клинок, который кто-то всадил ему между ребер настолько глубоко, что пробил сердечную мышцу и вызвал опасное кровотечение, а за ним смерть. Или, как я уже заметил, остановку сердца.

Я не особенно горел желанием вызывать врача, потому как нож принадлежал мне, а его рукоять находилась в моей руке, когда клинок рассек тонкую нить жизни. Я стоял на пустынной дороге с покойником у ног и боялся, настолько боялся, что мне стало дурно. Я не знаю, что хуже: убить человека, который тебе знаком, или убить кого-то неизвестного. Мертвый мужчина был, а по сути дела и остается, совершенно мне незнакомым: раньше я его никогда не встречал.

Вот что случилось.

Почти два часа назад пассажирский лайнер пробил облачность, и я увидел под крылом самолета хорошо знакомый суровый пейзаж южной Исландии. Над полуостровом Рейкъянес машина пошла на снижение и совершила посадку точно по расписанию в международном аэропорту Кеблавика. Нас встретил мелкий дождик, моросивший с пасмурного, свинцово-серого неба.

Я не был вооружен, если не считать даггера. Таможенники не любят оружие, поэтому я не взял пистолет. Слэйд также считал, что он мне не понадобится. Даггер — черный нож шотландских горцев, многие недооценивают, и напрасно. Его можно увидеть за гетрами солидных шотландцев, во всей красе щеголяющих в национальных нарядах. Даггер представляет для них одну из истинных драгоценностей, украшающих мужскую одежду.

Мой нож более функционален. Я получил его от деда, тот, в свою очередь, унаследовал его от своего деда, следовательно, возраст клинка превышал сто пятьдесят лет. Как всякое настоящее орудие убийства оно было лишено ненужных украшений. Даже чисто декоративные элементы играли какую-нибудь роль. Рукоятка из черного дерева с одной стороны имела ребристый узор, напоминающий плетеные корзины древних кельтов, что помогало плотно ухватить нож, извлекая его из ножен, а с другой стороны — совершенно гладкая, чтобы нож ни за что не цеплялся. Клинок достигал почти десяти сантиметров длины, чего, однако, хватало, чтобы добраться до жизненно важных органов тела. Даже ярко сверкающий кварц с гор Каингорм, вставленный в набалдашник рукоятки, нашел себе применение — он уравновешивал нож, делая его совершенным оружием при бросках.

Клинок покоился в плоских ножнах, скрытых в носке на моей левой ноге. Есть ли лучшее место для даггера? Самые видные места чаще всего самые лучшие, большинство людей не замечают того, что более всего бросается в глаза. Таможенник не заинтересовался ни моим багажом, ни более интимными уголками моей одежды. Я бывал здесь так часто, что меня уже довольно хорошо знали. Нелишним также оказалось владение исландским языком. На нем говорят не более двухсот тысяч человек. У исландцев от удивления вытягиваются лица, когда они встречают чужеземца, взвалившего на себя бремя изучения их языка.

— Снова на рыбалку, мистер Стюарт? — спросил таможенник.

— Да, и надеюсь, что мне удастся поймать несколько местных лососей. Пожалуйста, вот свидетельство о стерилизации рыболовных снастей.

Исландцы пытаются не допустить заражения лососей болезнями, которые стали настоящим бичом для рыбы, обитающей в реках Великобритании.

Он взял свидетельство и, выпуская меня за барьер, сказал:

— Желаю удачи!

Я усмехнулся и направился в зал прибытия пассажиров. Согласно инструкциям Слэйда, я подошел к стойке бара и едва успел заказать кофе, как ко мне подошел кто-то. Человек достал из кармана «Нью-Йорк Таймс» и начал:

— Бр-р! Здесь холодней, чем в Штатах.

— В Бирмингеме еще холодней, — серьезно заметил я.

Закончив тем самым глупую процедуру обмена паролями, мы приступили к делу.

— Она завернута в газету, — заявил он.

Мой собеседник был низкий лысеющий мужчина с испуганным выражением лица мелкого чиновника, страдающего болезнью желудка.

Я слегка похлопал по газете.

— Что там?

— Не имею понятия. Ты знаешь, куда это отвезти?

— В Акюрейри. Только почему я? Ты что, не можешь?

— Нет! — решительно отказался он. — Я вылетаю следующим рейсом в Штаты.

Мне показалось, что лишь одно упоминание о вылете принесло ему облегчение.

— Веди себя нормально. Я закажу кофе.

— Спасибо, — сказал он и положил на стол ключи от машины, — на стоянке стоит автомобиль. Номер записан на колонке с редакционной статьей «Нью-Йорк Таймс».

— Очень любезно с твоей стороны. Я намеревался взять такси.

— Я ничего не делаю из вежливости, — оборвал он меня. — Как и ты, я делаю лишь то, что мне прикажут. Поэтому сейчас говорю то, что ты должен делать. Твое дело все выполнить в точности. Ты поедешь в Рейкьявик не главной дорогой, а через Крисувик и Клейдофаваты.

Услышав неожиданную новость, я поперхнулся кофе. Придя в себя и восстановив дыхание, спросил:

— Почему, черт возьми, я должен так ехать? Ведь это в два раза дальше, да и дорога там ни к черту.

— Я ничего не знаю, только передаю приказ. Во всяком случае, инструкция пришла в последний момент, может, кто-то заподозрил засаду на главной дороге. Я, в самом деле, не знаю…

— Ты действительно многого не знаешь, — бросил я язвительно. — Ты не знаешь, что в пакете. Не знаешь, почему я должен потратить половину дня на объезд полуострова Рейкьянес. Сомневаюсь, смог ли бы ты ответить, который сейчас час, спроси я у тебя.

Он хитро усмехнулся уголками рта.

— Одно я знаю наверняка и могу поспорить: мне известно больше, чем ты думаешь.

— Тоже мне заслуга, — буркнул я.

В этом заключался весь Слэйд. Он руководствовался правилом: «Знать лишь то, что необходимо». И факт, что кто-то чего-то не знал, вообще его не беспокоил.

Связной допил кофе.

— Все, старик. Ага, еще одно. Когда доберешься до Рейкьявика, оставь автомобиль перед отелем «Сага» и уходи. О нем позаботятся.

Он встал и, не сказав больше ни слова, вышел. У меня создалось впечатление, что ему не терпелось попрощаться со мной. Во время разговора он казался на удивление нервным. Это меня обеспокоило, ибо не соотносилось с описанием задания, сделанного Слэйдом. «Ничего необычного, — сказал он, — будешь простым посыльным». При этом иронически улыбнулся, как бы давая понять, что это все, на что я еще гожусь.

Я встал и сунул газету под мышку. Укрытый в ней пакет, хоть и достаточно тяжелый, не бросался в глаза. Я взял удочку и пошел искать автомобиль. Это оказался «форд-кортина». Через минуту я уже выезжал, направляясь на юг все дальше от Рейкьявика: хотел бы я видеть придурка, который считает, что туда можно добраться быстрее, выбирая самый дальний окружной путь.

Я выбрал спокойный участок трассы, съехал на обочину и взял пакет с соседнего сиденья. Он выглядел так, как его описал Слэйд: небольшой и значительно тяжелее, чем можно предположить, упакованный в тщательно сшитый футляр из джутовой ткани. Внимательно обследовав его, пришел к выводу, что под джутом находится металлическая коробка. Потряс, но не услышал ни малейшего звука. Снова завернув пакет в газету, бросил его на заднее сиденье и поехал дальше.

Тем временем дождь прекратился, и обстановка на шоссе, применительно к Исландии, была не самой плохой. Сельская дорога в Англии кажется суперавтострадой по сравнению со здешними трассами — разумеется, там, где они вообще есть. В глубинке, называемой здесь Обыггдир, вообще нет никаких дорог, и зимой Обыггдир так же недоступен, как и Луна. Ну разве что вы — заядлый путешественник. К тому же, эта местность напоминает лунный пейзаж. Кстати, именно здесь Нейл Армстронг готовился к прогулке по Луне.

У Крисувик я свернул. Направляясь вглубь страны, миновал маячащие вдали туманные холмы, где перегретая вода кипит и с паром вырывается из-под земли. Здесь же, у озера Клейварватн я увидел на обочине шоссе автомобиль и его владельца, подававшего мне рукой знаки, характерные для водителя, потерпевшего аварию.

Мы оба оказались полными дураками. Я — потому что остановился, он — потому что действовал в одиночку. Он обратился ко мне на плохом датском, а затем перешел на безукоризненный шведский: я достаточно хорошо знаю оба этих языка. Как легко можно было догадаться, у него заглохла машина, и он никак не мог ее завести.

Я вышел из форда.

— Линдхольм.

Он представился формально, как того требуют шведские обычаи, и подал мне руку. Я пожал ее, соблюдая все требования этикета.

— Моя фамилия Стюарт.

Закончив знакомство, я подошел к фольксвагену Линдхольма и наклонился над мотором.

Не думаю, что он хотел сразу меня убить. Если бы хотел, то воспользовался бы пистолетом. Однако он замахнулся на меня специальной палкой с оловянным стержнем. В тот момент, когда он оказался сзади, до меня дошло, что я поступаю, как законченный идиот. Именно так теряют форму. Я обернулся, увидел его поднятую руку и отпрыгнул в сторону. Попади он мне палкой по голове, то размозжил бы ее, а так она угодила мне в плечо, и я перестал чувствовать правую руку.

Я изо всех сил ударил его ногой в голень, содрав кожу до кости. Он взвыл от боли и шарахнулся назад. Я воспользовался случаем, чтобы укрыться за машиной, и нащупал рукой даггер. К счастью, нож подходит и для левой руки, что в ситуации, когда не мог владеть правой, оказалось весьма кстати.

Он рванулся ко мне снова, но, увидев нож, заколебался, пренебрежительно скривив губы. Отпустил палку и сунул руку под пиджак. Сейчас я испытывал неуверенность. Однако палка, прикрепленная с помощью петли к запястью руки Линдхольма, затрудняла ему поиск пистолета. В тот момент, когда он достал, наконец, оружие, я оказался рядом.

Я не наносил удар. Он сам резко повернулся и напоролся на острие. Кровь брызнула мне на руку. Линдхольм повис на мне с выражением непередаваемого удивления на лице. Через мгновение он сполз к моим ногам, нож остался у меня в руке, а из раны в груди Линдхольма на землю, покрытую слоем вулканического пепла, полилась кровь.

И вот я стоял на безлюдной дороге где-то в южной Исландии со свежим трупом у ног и окровавленным ножом в руке, чувствуя пустоту в голове и горький привкус желчи, подступающей к горлу. С момента моего выхода из автомобиля до смерти Линдхольма не прошло и двух минут.

Пожалуй, я не совсем соображал, что делал позже. Думаю, победил многолетний тренинг. Я метнулся к форду и подъехал ближе, пытаясь заслонить тело. Безлюдье на дороге отнюдь не означало, что на ней не мог появиться какой-нибудь автомобиль.

Я взял «Нью-Йорк Таймс», у которой среди многих достоинств есть одно, наиболее устраивающее меня в данный момент, — эта газета насчитывает самое большое в мире количество страниц, — и выложил ими дно багажника. Вернувшись за телом, я погрузил его в багажник и захлопнул крышку. Линдхольм, если такой была его настоящая фамилия, исчез из моего поля зрения, но отнюдь не из памяти.

Прежде чем я спрятал его, швед лежал на обочине, истекая кровью, словно жертвенная корова у мусульман, и на том месте образовалась большая красная лужа. Мой пиджак и брюки тоже оказались в крови. Сейчас я ничего не мог поделать с одеждой, но лужу засыпал вулканическим пеплом. Я закрыл капот фольксвагена, сел за руль и нажал на стартер. Линдхольм не только хотел меня убить, он еще и оказался лжецом: мотор фольксвагена работал безукоризненно. Я подогнал автомобиль на место, где только что лежал труп, и заглушил, не питая иллюзий, что, когда его отгонят, кровавое пятно исчезнет. Но, по крайней мере, в сложившейся ситуации я сделал все что мог.

Бросив последний взгляд на место трагедии, сел за руль форда. Только сейчас я начал размышлять в полной мере здраво. Первым делом послал Слэйда ко всем чертям, но уже через минуту сосредоточился на планах, более легких для реализации: принялся размышлять, как избавиться от трупа Линдхольма. Казалось бы, в стране по территории, равной четырем пятым Англии, где проживает меньше людей, чем половина графства Плимут, можно найти сколько угодно укромных уголков и расщелин, чтобы избавиться от тела. Все это так, но именно юго-западная Исландия заселена как раз так густо, что моя задача оказалась довольно трудноразрешимой.

Однако я знаком с этой страной довольно хорошо и вскоре уже знал, что нужно сделать. Проверив по указателю топлива количество горючего, я приготовился к долгому путешествию, надеясь, что автомобиль в хорошем состоянии. Если бы застрял где-нибудь по дороге, испачканный пиджак вызвал бы много ненужных вопросов. В чемодане находилась чистая одежда, но неожиданно на дороге появилось много автомобилей, а я бы хотел переодеться незаметно.

Большинство территорий Исландии вулканического происхождения. Это особенно заметно на юго-западе страны, где застывшие потоки лавы, вулканические холмы и широкие кратеры создают тоскливый пейзаж. Некоторые из вулканов бездействуют, другие проявляют активность. В одной из своих поездок я наткнулся на расщелину вулканического происхождения, которая сейчас показалась мне надежным местом последнего приюта Линдхольма.

Поездка длилась два часа. В конце пути мне пришлось съехать с дороги в чистое поле. Езда по выбоинам, покрытым пеплом, не пошла на пользу форду. Когда я в последний раз путешествовал в подобных условиях, то сидел за рулем лендровера, более приспособленного к езде по такой местности.

Место оказалось точно таким, как я его запомнил. Кратер бездействующего вулкана с одной стороны раскололся, что позволяло мне въехать в жерло. Посредине находился окаменевший купол с отверстием, которое когда-то давало выход вулканическим газам. Единственным свидетельством того, что со дня сотворения мира здесь побывало человеческое существо, был след шин джипа, ведущий к самому краю кратера. У исландцев существует своеобразный вид автоспорта: они въезжают внутрь кратера и пытаются выбраться из него по крутому склону. Я не слышал, чтобы кто-нибудь свернул себе шею, занимаясь столь рискованной игрой, во всяком случае, не из-за отсутствия желающих.

Я подъехал ближе к расщелине, вышел из машины и пешком приблизился к обрыву, откуда мог заглянуть в непроницаемую тьму открывшейся мне бездны. Бросив камень, я нескоро услышал стук от его падения на дно. Герой романа Жюля Верна, собираясь вглубь Земли, значительно облегчил бы себе задачу, если бы выбрал для своей цели именно эту дыру.

Прежде чем отправить на покой Линдхольма, я его тщательно обыскал. Паршивое, должен заметить, занятие. Кровь еще не успела засохнуть: хорошо, что я еще не сменил одежду. У него оказался шведский паспорт, в котором он фигурировал как Аксель Линдхольм, что, впрочем, ни к чему не обязывало, потому как раздобыть паспорт — плевое дело. Больше ничего интересного не нашел. Я забрал только палку и «Смит Вессон» 38-го калибра.

Затем перенес тело к расщелине и сбросил вниз. Раздалось несколько глухих ударов, и наступила тишина, которая, надеюсь, продлится вечно. Я вернулся к автомобилю и переоделся в чистый костюм. Замызганную одежду вывернул наизнанку и спрятал в чемодан вместе с палкой, револьвером и проклятым пакетом Слэйда.

Спрятав концы в воду, я продолжил муторную поездку в Рейкьявик.

Я очень устал.

До гостиницы «Сага» добрался поздно вечером. Было еще довольно светло, что характерно для этих широт во время полярного лета. У меня болели глаза, потому что всю дорогу пришлось ехать прямо на заходящее солнце, и сейчас я задержался в машине, чтобы дать им отдохнуть. Останься я в машине еще на пару минут, следующая роковая встреча не состоялась бы. Но случилось иначе. Я вышел из форда и как раз доставал чемодан, когда из гостиницы вышел мужчина, который, увидев меня, воскликнул:

— Алан Стюарт!

Я поднял голову и выругался про себя. Мужчина в форме гражданской авиации относился к людям, которых я меньше всего хотел бы встретить сейчас. Передо мной стоял Бьерни Рагнарссон.

— Привет, Бьерни!

Мы обменялись рукопожатием.

— Элин мне ничего не говорила о твоем приезде.

— Она не знала. Я решился на поездку в последний момент. Не успел даже позвонить.

Он глянул на чемодан, стоящий на тротуаре.

— Ты что, решил остановиться в гостинице? — удивленно спросил он.

Бьерни ошеломил меня своим вопросом. Пришлось выкручиваться.

— С чего ты взял? — возразил я. — Поеду домой.

Я очень хотел не вмешивать во все Элин, но сейчас, когда ее брат знал, что я в Рейкьявике, он наверняка скажет ей об этом. Она могла обидеться, а я не хотел причинять ей боль. Элин много для меня значила.

Я заметил, что Бьерни посматривает на мой автомобиль.

— Оставлю его здесь, — безразлично заметил я. — Пригнал по просьбе приятеля. Домой поеду на такси.

Он принял мои слова к сведению и спросил:

— Ты надолго приехал?

— До конца лета, как всегда, — непринужденно сообщил я.

— Надо будет как-то выбраться на рыбалку, — предложил он.

Я согласился и в свою очередь спросил его:

— Ты уже стал отцом?

— Через месяц, — ответил он угрюмо, — боюсь, как оно там будет.

Я рассмеялся.

— Пусть беспокоится Кристин. Ты же редко бываешь дома. Стирать пеленки тебе не придется.

Мы еще поболтали несколько минут о том о сем, как давние приятели, которые встретились после долгой разлуки. Наконец Бьерни глянул на часы.

— У меня рейс в Гренландию, — сказал он. — Пора идти. Я перезвоню тебе через несколько дней.

— Не забудь.

Я проследил за ним взглядом и, едва он скрылся за дверью, сразу же поймал такси, из которого вышел пассажир. Когда таксист подвез меня к дому Элин, я расплатился с ним и в нерешительности остановился на тротуаре, размышляя, хорошо ли поступаю.

Элин Рагнарсдоттир много для меня значила.

Учительница, она, как и многие исландцы, имела две профессии. Размеры Исландии, небольшое количество жителей и географическое положение страны создали общественную систему, которую чужеземец мог считать удивительной. Однако, поскольку система возникла и существовала на благо исландцев, они не принимают во внимание, что говорят другие. Так и должно быть.

Согласно закону, летом все школы прерывают занятия на четыре месяца, и часть школьных зданий выполняют в этот период функции гостиниц. Учителя располагают массой свободного времени, и многие из них работают в других отраслях. Когда я три года назад познакомился с Элин, она работала экскурсоводом в «Фердаскрифстофаа Нордри», одном из туристических бюро в Рейкьявике, и разъезжала с туристами по всей стране. Два года назад мне удалось уговорить ее стать моим личным гидом на весь летний период. Я боялся, что ее брат Бьерни может посчитать эту работу не слишком постоянной и воспротивится, но он не возражал. А может, решил, что его сестра достаточно взрослая особа и способна постоять за себя. Элин не создавала хлопот, но, несомненно, так дальше продолжаться

не может. Я намеревался что-то изменить, но колебался, не зная, тот ли пришел момент. Нужен, видимо, человек с более крепкими нервами, чем у меня, чтобы предложить женщине выйти за него замуж сразу же после погребения мертвеца в бездне кратера вулкана.

Я поднялся наверх и, хотя у меня был ключ, постучал. Элин открыла дверь и глянула на меня с удивлением, которое быстро сменилось радостью, а у меня в душе что-то шевельнулось при виде ее стройной фигуры и золотистых волос.

— Алан, — начала она, — почему ты не сообщил, что приезжаешь?

— Да и сам не знал, что так получится, — объяснил я и поднял вверх удочку в чехле. — Видишь, купил новое удилище.

Она сжала губы, притворяясь строгой, и заметила:

— Это уже шестое.

Элин придержала дверь и пригласила:

— Пожалуйста, заходи, милый.

Я вошел, бросил чемодан и удочку и стиснул ее в объятиях. Она крепко прижалась ко мне и прошептала, положив мне голову на грудь:

— Ты ничего не писал, и я подумала…

— Подумала, что я не приеду.

Не писал я из-за того, что мне кое-что сообщил Слэйд, но я не мог сказать ей всю правду.

— Заработался в последнее время.

Она отклонилась и внимательно посмотрела на меня:

— У тебя действительно усталый вид.

Я улыбнулся.

— Я чертовски хочу есть.

Она поцеловала меня.

— Сейчас что-нибудь приготовлю, — Элин высвободилась из моих объятий. — Оставь чемодан, позже я распакую его.

Я вспомнил об окровавленном костюме.

— Не беспокойся, я сам этим займусь.

Подхватив чемодан и удочку, я отнес их в свою комнату. Называю ее своей, потому что держу там рыболовные снасти. В действительности вся квартира принадлежит мне: я оплачиваю аренду, хоть и делаю это от имени Элин. Проводя в Исландии треть года, я могу по достоинству оценить удобства, связанные с обладанием собственной квартирой.

Я поставил удочку в ряд с другими удилищами и задумался над судьбой чемодана. В комнате отсутствовала мебель, запирающаяся на ключ, поскольку до нынешнего дня у меня не было от Элин никаких секретов. Я открыл шкаф и посмотрел на шеренгу костюмов и пиджаков. Все они висели на отдельных вешалках, упакованные в пластиковые мешки, закрытые на молнию. Вешать грязную одежду рядом рискованно. Элин очень скрупулезно заботилась о моем гардеробе и обязательно обнаружила бы испачканный костюм. В конце концов, решил выложить вещи из чемодана. Оставив там грязный костюм и оружие, я закрыл чемодан на ключ и поднял наверх шкафа, где у него и было постоянное место. Маловероятно, что Элин захочет в него заглянуть.

Я снял рубашку и внимательно ее обследовал. На груди обнаружил пятнышко крови, поэтому занес ее в ванную комнату и постирал в холодной воде. Потом умылся, что здорово освежило. Когда Элин позвала ужинать, я уже взбодрился и стоял у окна, разглядывая улицу.

Только хотел отойти от окна, как мое внимание привлекло неожиданное движение: на другой стороне улицы, между двумя домами, открывалась небольшая улочка. Мне показалось, что в момент, когда я сделал шаг от

окна, кто-то пытался укрыться от моего взгляда. Я напряг зрение, стараясь что-то разглядеть, но тщетно. Элин позвала снова, и я направился к ней в столовую, пытаясь избавиться от неприятной мысли, что за мной следят.

Во время ужина я спросил:

— Что с лендровером?

— Я ведь не знала, что ты приедешь, и на прошлой неделе отогнала его на техобслуживание. Сейчас он готов для поездок.

При таких дорогах, как в Исландии, там только на лендроверах и ездить. Их там не меньше, чем муравьев в муравейнике. Любимая модель исландцев — машина с узкой базой шасси. Наш лендровер имел широкую базу и верно служил нам в качестве дачи. Во время путешествий мы становились полностью независимыми и могли проводить целые недели вдалеке от цивилизации, заезжая в города лишь для пополнения запаса продуктов. Мне известны худшие варианты проведения отпусков, чем пребывание с Элин с глазу на глаз в течение долгих недель.

Раньше мы отправлялись на летний отдых сразу после моего приезда в Рейкьявик. На этот раз из-за пакета Слэйда пришлось вносить изменения. Я задумался, каким образом, не возбуждая подозрений, сообщить Элин о моем самостоятельном, незапланированном выезде в Акюрейри. Слэйд утверждал, что задание простенькое, но смерть Линдхольма заставила меня посмотреть на это иначе. Я не хотел, чтобы Элин оказалась замешана во что-либо подобное. Но ведь, убеждал сам себя, все, что я должен сделать — это передать пакет. Остаток лета мы проведем вместе, как всегда. Все должно пройти без сучка и задоринки.

Я все еще сидел, задумавшись, когда Элин заметила:

— Ты действительно выглядишь очень усталым. У тебя, видимо, было много работы.

Я выдавил из себя улыбку.

— Зима оказалась тяжелой. В горах выпало столько снега, что я потерял много овец.

Внезапно вспомнил о фотографиях.

— Ты хотела посмотреть, как выглядит горная долина в Шотландии. Я привез несколько фотографий.

Принес их, и мы оба принялись рассматривать снимки. Я показал Элин вершины гор Бьены и Сгурр Дирг, но ее, однако, больше заинтересовали река и деревья.

— Боже, сколько деревьев! — воскликнула она с чувством. — Шотландия, должно быть, прекрасная страна!

Это вполне естественная реакция жителя Исландии, острова, напрочь лишенного леса.

— В реке есть лососи? — спросила она.

— Нет, только форель. Ловить лососей я приезжаю в Исландию.

Элин взяла следующий снимок, на котором был запечатлен обширный пейзаж.

— Что из этого принадлежит тебе?

— Все, что ты видишь.

— О-о-о! — Она помолчала, после чего робко сказала: — Ты знаешь, Алан, я никогда об этом не задумывалась, но… ты, должно быть, очень богат.

— Я не миллионер, но как-то перебиваюсь. Тысяча двести гектаров вереска — это не слишком плодородная земля, но мне хватает на хлеб, ведь у меня есть еще овцы и долина с лесом. А благодаря американцам, приезжающим отстреливать оленей, мне хватает и на масло. — Я погладил ее по плечу. — Ты должна приехать в Шотландию.

— Я очень хочу этого, — просто сказала она.

Я тотчас приступил к делу.

— Я должен завтра встретиться кое с кем в Акюрейри. Знаешь, обычная дружеская услуга. Мне придется слетать туда самолетом, а ты могла бы взять лендровер и приехать ко мне. Но, может, ты не высидишь за рулем такую длинную дорогу?..

Она засмеялась.

— Я вожу лендровер лучше, чем ты. — Она принялась подсчитывать. — До Акюрейри четыреста пятьдесят километров… Я не хочу целый день сидеть за рулем, поэтому отдохну где-нибудь около Хвамстаунги. В Акюрейри буду на следующий день около полудня.

— Можешь не гнать сломя голову, — бросил я небрежно.

Я уже успокоился. Полечу в Акюрейри, освобожусь от пакета прежде, чем приедет Элин, и на этом все закончится. Нет необходимости вмешивать ее в эту сомнительную аферу.

Она сказала:

— Пожалуй, остановлюсь в отеле «Вардборг». Можешь мне туда позвонить.

Я ошибался. Спокойствие отнюдь не вернулось. Когда мы легли в постель, я убедился, что нервы у меня напряжены до предела. Элин не получила со мной никакого удовлетворения. Обнимая ее в темноте, я видел перед собой кошмарное лицо Линдхольма, и снова к горлу подступала тошнота. Я закашлялся и шепнул:

— Прости меня…

— Не переживай, милый, — сказала она тихо, — ты попросту устал и должен хорошо выспаться.

Однако я не мог уснуть. Лежа на спине, думал о роковых событиях прошедшего дня, анализировал каждое слово моего скрытного собеседника в аэропорту Кеблавика, типа, который передал мне пакет. Это он сказал: «Ты поедешь не по главному шоссе, а через Крисувик».

Таким образом, я помчался через Крисувик и едва избежал смерти. Случайность или запланированная акция? Произошло бы то же самое, двинься я по главному шоссе, или кто-то преднамеренно выбрал для меня роль жертвы?

Мужчина в аэропорту был человеком Слэйда, во всяком случае, он знал его пароль. Однако допустим, что это не так, тогда каким же образом он получил пароль? Хотя, в конце концов, это не так уж сложно. Но зачем он подставил меня Линдхольму? Не затем ведь, чтобы получить пакет, он же находился у него в руках. Отбрасываем этот вариант и думаем.

Допустим, что он все-таки был человеком Слэйда и подставил меня Линдхольму. Нет, это еще меньше походило на правду. Все сходилось на том, что мужчина в аэропорту и Линдхольм не имели между собой ничего общего.

Но факт есть факт: Линдхольм ждал именно меня. Прежде чем атаковать, он убедился, что я — это я. Так откуда же, черт возьми, он знал, что я поеду по дороге на Крисувик? Ответа на этот вопрос не находил.

Когда убедился, что Элин спит глубоким сном, то тихонько встал с кровати. Вышел на кухню и, не зажигая свет, открыл холодильник, налил себе стакан молока, потом зашел в гостиную и сел у окна. Короткая полярная ночь приближалась к концу, однако еще было настолько темно, что я смог рассмотреть вспыхнувший огонек на соседней улице, где кто-то затянулся сигаретой.

Присутствие соглядатая начинало меня всерьез беспокоить. Я уже не был так уверен, что Элин ничего не грозит.

Мы оба поднялись с рассветом. Элин хотела как можно быстрее двинуться в Акюрейри, я же намеревался добраться до лендровера раньше, чем она. Мне надо было спрятать револьвер Линдхольма. Я старательно прикрепил его клейкой лентой к одной из рессор, и теперь его практически не было видно. Дубинку Линдхольма спрятал в карман. Мне пришло в голову, что в случае, если дела в Акюрейри пойдут худо, без оружия мне не обойтись.

Гараж находился позади дома, и чтобы добраться до автомобиля, мне не было необходимости выходить через парадную дверь. Я был уверен, что наблюдатель из боковой улочки не сможет меня заметить со своего поста. А я вскоре смог его как следует рассмотреть.

Покидая гараж, захватил с собой бинокль и поднялся на второй этаж, где окна выходили на улицу.

За углом притаился высокий худощавый мужчина. Выглядел он озябшим. Если он торчал там без смены целую ночь, то не только промерз до костей, но и проголодался как волк. Убедился, что при встрече легко опознаю его.

Я завтракал с большим аппетитом, тем более что у меня перед глазами стоял голодный приятель с улочки напротив.

— Я вижу, сегодня у тебя настроение куда лучше, — заметила Элин.

— Благодаря твоей великолепной кухне.

Она посмотрела на сельдь, сыр, хлеб и яйца на столе.

— Тоже мне еда! Каждый умеет сварить яйцо.

— Но не так, как ты, — заверил ее я.

Действительно, настроение у меня улучшилось. Сумрачные ночные мысли ушли, и несмотря на отсутствие ответов на беспокоящие меня вопросы, я уже перестал мучиться смертью Линдхольма. Ведь тот тип пытался меня убить, но ему это не удалось, и он заплатил за свое поражение. Факт, что я его убил, не отягощал мою совесть. А вот об Элин я беспокоился.

Я сказал ей:

— Самолет в Акюрейри вылетает из аэропорта в одиннадцать.

— Значит, пообедаешь уже на месте, — заметила она. — Хоть на минутку отвлекись и подумай обо мне, как я мыкаюсь где-то по бездорожью Калдидалур. — Она быстро допила кофе и добавила: — Хочу выехать как можно скорее.

Я небрежно показал на стол, заставленный тарелками.

— Сам все уберу.

Она уже готовилась выйти, как вдруг увидела бинокль.

— Я думала, он в лендровере, — удивилась Элин.

— Проверял оптику. Когда им пользовались в последний раз, мне показалось, что винт наводки на резкость сбит, но сейчас все уже в норме.

— Хорошо, заберу его с собой.

Я спустился с Элин в гараж и поцеловал ее на прощание. Она внимательно посмотрела на меня и спросила:

— Все в порядке, Алан?

— Разумеется. Почему ты спрашиваешь?

— Сама не знаю. Пожалуй, во мне говорит женская интуиция. До встречи в Акюрейри.

Я помахал ей на прощание и загляделся на отъезжающий автомобиль. Отъезд Элин не вызвал ничьего интереса. Никто не выскочил из-за угла и не пустился за ней в погоню. Вернувшись в квартиру, проверил, на месте ли мой наблюдатель, однако не смог его нигде обнаружить. Испугавшись, бросился к другому окну, откуда было лучше видно, и вздохнул с облег-

чением: он стоял на обычном месте, прислонившись к стене, и растирал замерзшие руки. Все говорило о том, что никто не знает об отъезде Элин, а если это так, то ею не интересуются. Большой камень свалился у меня с сердца.

Убрав остатки завтрака и посуду, прошел к себе в комнату. Достал фотоаппарат из футляра. Затем достал пакет и убедился, что он как раз помещается в кожаном чехле. С этой минуты он будет со мной вплоть до момента передачи его в Акюрейри.

В десять часов вызвал такси, чтобы ехать в аэропорт. Мой отъезд вызвал некоторое оживление. Когда я оглянулся, то увидел, что у боковой улицы останавливается автомобиль, в который вскочил мой опекун. Всю дорогу до аэропорта он следовал за такси, тактично держась на приличном расстоянии.

Приехав, сразу направился в бюро заказов.

— Я заказал билет на рейс в Акюрейри на фамилию Стеварт.

Кассир проверила список пассажиров.

— Да, вы есть в списке, — посмотрела на часы. — У вас еще много времени.

— Пойду пить кофе.

Заплатил за билет. Кассир заметила:

— Пойдите взвесить багаж.

Я коснулся футляра фотоаппарата.

— Это все, что у меня есть. Путешествую налегке.

Она засмеялась.

— Да уж вижу. Позвольте сделать вам комплимент: вы прекрасно говорите по-исландски.

— Спасибо.

Я обернулся и увидел притаившееся хорошо уже мне знакомое лицо — опекун продолжал следить за мной. Я сделал вид, что не обратил на него внимания, и пошел в кафе. Купил газету и сел, ожидая начала посадки на самолет.

Мой «ангел-хранитель» провел экспресс-интервью в бюро заказов, купил билет, а затем прошел рядом со мной: мы не обращали друг на друга никакого внимания. Он заказал поздний завтрак и принялся жадно уплетать за обе щеки, время от времени поглядывая в мою сторону. В этот момент мне улыбнулось счастье: динамик в аэропорту захрипел, и раздалось объявление на исландском языке: «Мистер Бухнер приглашается к телефону». Когда объявление повторили по-немецки, мой опекун встал и пошел к телефонному аппарату.

Сейчас я, по крайней мере, знал его фамилию, а настоящая она или нет, не имело значения.

С места, где шел разговор, он мог наблюдать за мной без труда, но смотрел в другую сторону, словно ожидал, что я использую представившуюся возможность и сбегу. Но я разочаровал его — спокойно заказал очередной кофе и углубился в изучение газеты, читая о том, сколько лососей поймал Бинг Кросби во время своего последнего приезда в Исландию.

Время в залах ожидания тянется бесконечно, и казалось, прошла вечность, пока объявили посадку на рейс в Акюрейри. Герр Бухнер стоял за мной в очереди пассажиров, так же близко держался, пока мы шли по аэродрому, а в самолете занял место за моей спиной.

Взлетели. И вскоре уже заходили на посадку в Акюрейри, столице северной Исландии, городке, насчитывающем не более десяти тысяч жителей. Я отстегнул ремни безопасности и услышал, как сидевший за мной Бухнер сделал то же самое.

Нападение оказалось быстрым и эффективным. Я вышел из здания аэровокзала, отправляясь на стоянку такси, когда внезапно меня окружили четверо мужчин. Стоящий передо мной схватил мою правую руку и, не выпуская, тряс, громко восклицая, что ему очень приятно снова встретить меня и как ему приятно будет показать мне все достопримечательности Акюрейри.

Мужчина слева прижался ко мне, захватив левую руку. Он наклонился и сказал по-шведски:

— Без фокусов, герр Стевартсен, или погибнете.

Я сразу поверил ему, поскольку тип, стоявший сзади, приставил к моей спине пистолет.

Я услышал звук разрезаемого материала и повернул голову в тот момент, когда мужчина справа перерезал ножом ремешок футляра фотоаппарата. Я почувствовал, что ремешок повис свободно, и тип тотчас исчез, а вместе с ним и мой футляр. Тут же стоявший за мной занял место убывшего и шарахнул меня пистолетом по ребрам.

Я заметил Бухнера. Он стоял у такси, на расстоянии примерно десяти метров от меня. Посмотрел на меня с непроницаемым выражением лица, повернулся и, наклонившись, уселся в такси. Машина тронулась, и я еще какое-то время видел белое пятно лица Бухнера, выглядывавшего через заднее стекло.

Они продержали меня так еще минуты две, давая возможность типу с футляром надежно скрыться. Тогда тот, слева, снова сказал мне по-шведски:

— Сейчас мы вас отпустим, герр Стевартсен, но на вашем месте я не делал бы глупостей.

Они отпустили меня и отошли на шаг, сохраняя грозные выражения лиц. Я не видел у них оружия, но это не имело значения. Я не собирался ничего предпринимать: футляр исчез и так, а на мой взгляд, силы были явно неравны. Поправил смятый пиджак и поехал на такси в отель «Вардборг». Здесь мне больше нечего было делать.

Элин не ошиблась — в отеле «Вардборг» я появился в обеденную пору. Ковыряясь вилкой в порции баранины, заметил вошедшего в ресторан герра Бухнера. Оглядевшись, он также увидел меня и подошел к столику.

— Мистер Стюарт?

Я сел поудобней.

— Вы смотрите, да ведь это сам герр Бухнер. Чем могу быть полезным?

— Моя фамилия Грэхем, — ответил он холодно. — Мы должны поговорить.

— Утром вас называли Бухнер. Но, если бы у меня была такая фамилия, я тоже быстро сменил бы ее.

Указал ему на стул.

— Будьте моим гостем. Советую попробовать великолепный суп.

Он уселся, неестественно выпрямившись.

— У меня нет настроения участвовать в твоих глупых представлениях, — он достал бумажник. — Вот мои верительные грамоты.

Он подвинул ко мне по столу кусочек бумажки. Я развернул ее: это была левая половинка банкноты достоинством в сто крон. В свою очередь я достал другую половинку и приложил к той — подошли друг к другу идеально. Я посмотрел на него.

— Ну что ж, мистер Грэхем, кажется, все сходится. Чем могу служить?

— Я пришел за пакетом. Больше ничего.

Я с сожалением покачал головой.

— Ты же ведь лучше знаешь…

Он скривился.

— Что ты хочешь сказать?

— Я не могу дать тебе пакет, потому как его у меня нет.

Он нервно пошевелил усами и пронзил меня ледяным взором.

— Не валяй дурака, Стюарт. Пакет!

Он протянул руку.

— Черт подери! Ведь ты был там и видел, что случилось.

— О чем ты говоришь? Якобы где я был?

— В аэропорту Акюрейри. Садился в такси.

Он часто-часто заморгал.

— Да? — выдавил из себя бесцветным голосом. — И что дальше?

— Прежде чем я сообразил, что происходит, они уже меня взяли, а потом быстро улетучились вместе с пакетом. Я спрятал его в футляре фотоаппарата.

Голос у него дрогнул.

— Ты хочешь сказать, что у тебя его нет?

Я ехидно заметил:

— Если ты обеспечивал мою охрану, то чертовски красиво сработал. Слэйд не будет в восторге.

— Мой боже, конечно, не будет! — воскликнул он внезапно. Правое веко задергалось в нервном тике. — Значит, пакет находился в футляре.

— А где же еще? Весь мой багаж. Ты же должен знать: в аэропорту Рейкьявика ты везде следовал за мной, выставив свои длинные уши.

Он бросил на меня взгляд, полный неприязни.

— Думаешь, что ты такой ловкий? — Он наклонился вперед. — Вокруг тебя сейчас заварится такая каша, и будет лучше, если ты останешься на месте, Стюарт. Будет очень плохо, если исчезнешь, когда я вернусь.

Я пожал плечами.

— Зачем мне исчезать? Уже заплатил за номер, а меня характеризует типичная для шотландца скупость.

— Ты воспринимаешь все чертовски спокойно.

— А чего ты ожидал? Что зальюсь слезами? — Я рассмеялся ему прямо в лицо. — Пора повзрослеть, Грэхем.

Лицо у него вытянулось, но он промолчал. Встал и вышел. Следующие пятнадцать минут я интенсивно думал, одновременно опустошая тарелку с порцией баранины. Не прошло и четверти часа, как я принял решение: неплохо бы выпить рюмочку чего-нибудь покрепче. Поэтому двинулся на поиски спиртного.

Пересекая фойе отеля, заметил, что Бухнер-Грэхем трудится у телефона. Хоть и не было особенно жарко, он потел немилосердно.

Из спокойного сна меня вырвали чья-то рука и шипящий голос:

— Стюарт, проснись!

Я открыл глаза. Надо мной стоял Грэхем. Я смотрел на него, часто мигая.

— Удивительно. У меня сложилось впечатление, что закрыл дверь на ключ.

— Закрыл. А сейчас вставай, кто-то хочет с тобой поговорить. И напряги получше свои мозги.

— Который час?

— Пять часов утра.

Я усмехнулся.

— Совсем как в гестапо. Ну что ж, почувствую себя лучше, если побреюсь.

Грэхем производил впечатление расстроенного.

— Советую тебе поторопиться. Он будет здесь через пять минут.

— Кто?

— Увидишь.

Я набрал теплой воды и принялся намыливать лицо.

— Какую ты роль играешь, Грэхем? Не можешь же охранять меня, к этому ты совершенно непригоден.

— Перестань заниматься мной, а начни думать о себе. Придется усиленно оправдываться.

— Факт, — подтвердил я.

Отложил кисточку и взял в руки бритву. Скрести по лицу куском железа всегда казалось мне бессмысленным и слегка угнетающим занятием. Я чувствовал бы себя значительно лучше, живи в одной из более волосатых эпох — агент контрразведки Ее Королевского Величества Королевы Виктории — вот это был бы великолепный титул.

Видимо я все-таки нервничал больше, чем думал, потому что порезался до крови при первом движении лезвия. Через минуту раздался непринужденный стук в дверь, и в комнату вошел Слэйд. Ударом ноги он закрыл дверь, держа руки глубоко в карманах плаща. Бросил на меня грозный взгляд из складок своего обрюзгшего лица. Без всякого вступления начал:

— Я слушаю, Стюарт!

Нет лучшего способа сбить человека с толку, чем заставить его давать пространные объяснения с лицом, покрытым быстро сохнущим мылом. Я повернулся к зеркалу и, не говоря ни слова, продолжал бриться. Слэйд издал один из трудных для описания звуков, совпадающих с одновременным выпуском воздуха ртом и носом. Уселся на кровати: пружины застонали, протестуя против его чрезмерного веса.

— Будет лучше, если мне понравится твоя басенка. Я не люблю, когда среди ночи меня вытаскивают из постели и гонят куда-то на ледяной север.

Я продолжал бриться. Знал, что дело, которое привело Слэйда из Лондона в Акюрейри, было очень важным. Закончил бриться, виртуозно протянув лезвие вокруг кадыка, и отозвался:

— Пакет оказался значительно важнее, чем ты говорил.

Открыл кран с холодной водой и смыл мыло с лица.

— …проклятый пакет, — услышал сквозь шум воды.

— Извини, не расслышал. Набрал воды в уши.

Он с трудом сдержался.

— Где пакет? — спросил с наигранным спокойствием.

— Сейчас мне трудно что-либо об этом сказать, — я принялся энергично растирать лицо полотенцем. — Его забрали у меня вчера в полдень четверо неизвестных, но это ты уже знаешь от Грэхема.

Он повысил голос:

— И ты так просто позволил его отобрать?

— Я ничего не мог поделать, — ответил спокойно. — Они приставили к моей спине пистолет. — Я указал на Грэхема. — А какая его роль в этом деле?

Слэйд сплел руки на животе.

— У нас были основания считать, что грабители следуют за ним по пятам. Поэтому подключили тебя. Думали, что они кинутся на Грэхема, а ты спокойно приземлишь мяч за лицевой линией.

Слэйд нес явный вздор. Если бы они, кем бы ни были, действительно шли за Грэхемом по пятам, то, шатаясь под моими окнами и притягивая их внимание ко мне, Грэхем поступал вопреки всем правилам работы. Но я проглотил это. Слэйд всегда юлит, а кроме того, мне пришло в голову, что хорошо бы сохранить кое-какие козыри на будущее.

Вместо этого я сказал:

— Они бросились не на Грэхема, а на меня. Может, им не известны правила игры в регби? В Швеции на нее не ходят. — Я вытер лицо до конца и отбросил полотенце. — И в России тоже.

Слэйд поднял голову.

— Откуда тебе пришли в голову русские?

Я улыбнулся ему.

— Я всегда о них думаю. Как французы всегда думают о сексе.

Наклонился над ним и взял пачку сигарет.

— К тому же, они называли меня Стевартсеном.

— Следовательно?

— Следовательно, знали, кто я. Не кто я сейчас, а кем был когда-то. Это огромная разница.

Слэйд перенес взгляд на Грэхема и сухо сказал:

— Подожди снаружи.

Грэхем не выглядел счастливым, однако послушно двинулся к двери. Когда она за ним закрылась, я заметил:

— Прекрасно! Детки вышли из комнаты, и теперь мы можем разговаривать как взрослые. Откуда, бога ради, ты его вытащил? Я ведь говорил тебе, что не одобряю участия в операции практикантов.

— Почему ты считаешь, что он практикант?

— Успокойся! Ведь он совершенный новичок.

— Он неплохой парень, — ответил Слэйд и беспокойно заворочался на кровати. Помолчал и добавил. — Ну, а ты это дело полностью завалил. Простенькое задание: перевезти пакет из А в Б, а ты не справился. Я знал, что ты потерял форму, но не думал, что так глубоко опустишься, — погрозил пальцем. — И, говоришь, они называли тебя Стевартсеном. Ты знаешь, что за этим кроется?

— Кенникен, — ответил я, и эта фамилия отнюдь не наполнила меня радостью. — Он сейчас в Исландии?

Слэйд сгорбился.

— Ничего об этом не знаю, — глянул на меня искоса. — Что тебе сказал парень, с которым ты контактировал в Кеблавике?

— Немного: что меня ждет машина, я должен на ней поехать через Крисувик в Рейкьявик и оставить ее перед гостиницей «Сага», что я и сделал.

— Были осложнения? — буркнул он.

— А должны были? — с иронией спросил я.

Он со злостью потряс головой.

— Мы получили сигнал, что может что-то произойти. Нам показалось, что лучше сменить трассу.

Он встал, явно неудовлетворенный, и подошел к двери.

— Грэхем!

— Мне очень жаль, Слэйд. Честное слово, жаль, — сказал я.

— Одни сожаления, черт возьми, ничего не меняют. Мы должны сейчас подумать, что еще можно спасти в этой неразберихе. Черт возьми! Я подключил тебя, потому что в Конторе проблемы с кадрами, а сейчас из-за твоей глупости должны окружить всю страну.

Он повернулся к Грэхему.

— Соедини меня с Департаментом в Лондоне. Я буду разговаривать внизу. Позвони также на аэродром и передай капитану Ли, чтобы держали самолет в готовности. Может, нам придется поторопиться.

— Я тоже?

Он посмотрел на меня с раздражением.

— О, нет! Ты уже достаточно наломал дров.

— Что я должен делать?

— По мне, так можешь идти ко всем чертям. Возвращайся в Рейкьявик и остаток лета проводи со своей девушкой.

Он резко повернулся и натолкнулся на Грэхема.

— Какого черта ты ждешь? — прокричал, и Грэхем исчез.

Слэйд задержался у двери и, не оборачиваясь, бросил:

— Берегись Кенникена, я не пошевелю и пальцем, чтобы его остановить.

Хлопнула дверь. Я сел на кровать и погрузился в невеселые мысли. Знал, что если еще раз встречу где-нибудь Кенникена, то это будет встреча со смертью.

II

Элин позвонила, когда я закончил завтрак. Исчезновение сигнала и атмосферные помехи на линии говорили, что она звонит по радиотелефону в лендровере. Он установлен в большинстве машин, разъезжающих по обширным просторам Исландии. Тяжелые местные условия вынуждают использовать это средство безопасности. Но это лишь часть правды: исландцы любят разговаривать друг с другом и, по моему мнению, они — один из самых болтливых народов в мире. В количестве разговоров на душу населения Исландию опережают только Соединенные Штаты и Канада.

Отвечая на вопросы, я заверил ее, что спал хорошо, и спросил:

— Когда ты приедешь?

— Около половины двенадцатого.

— Буду ждать тебя в кемпинге.

Таким образом, до встречи с Элин оставалось еще два часа. Я провел их, прохаживаясь по Акюрейри, прикидываясь туристом. Входил и выходил из магазинов, неожиданно меняя направление, короче говоря, вел себя, как идиот. Но, приветствуя Элин в кемпинге, был уверен, что за мной никто не следит. Слэйд явно не лгал, утверждая, что я ему уже совсем не нужен.

Открывая дверцу лендровера предложил:

— Пересядь, я поведу.

Элин посмотрела на меня с удивлением.

— Разве мы не останемся?

— Выедем за город и там пообедаем. Я должен тебе кое-что рассказать.

Мы двинулись на север по шоссе, бегущему вдоль побережья. Я ехал быстро, наблюдая все время за дорогой сзади. Когда стало ясно, что за нами никто не едет, несколько расслабился, но не до такой степени, чтобы согнать беспокойство с глаз Элин. Она видела, что я чем-то озабочен, но тактично молчала. И, в конце концов, все-таки не выдержала.

— Что-то случилось, верно?

— К сожалению, ты права. Именно об этом я и хотел поговорить.

Еще в Шотландии Слэйд предупреждал меня о возможном вмешательстве Элин в операцию. Но если наша будущая совместная жизнь с Элин

имеет какой-нибудь смысл, то ко всем чертям Слэйда и все требования, я обязан сказать ей правду.

Я притормозил и съехал на обочину, подпрыгивая на кочковатом дерне. Остановил машину: внизу под нами раскинулось море. Груды земли время от времени отрывались от стены обрыва и с глухим шумом обрушивались прямо в серые волны. Вдали виднелся покрытый мглой остров Гримсей. За тем берегом между нами и Северным полюсом не было буквально ничего. Перед нами расстилалось Северное море.

— Что ты обо мне знаешь, Элин? — начал я.

— Странный вопрос. Я знаю, что тебя зовут Алан Стюарт, и очень тебя люблю.

— И это все?

— А мне, что, нужно больше?

Я усмехнулся.

— Тебя не мучает любопытство?

— О да, но я с ним справляюсь. Если ты хочешь, чтобы я о чем-то знала, то сам расскажешь, — спокойно заметила она, — нет… Знаю еще кое-что.

— А именно?

Она повернулась ко мне.

— Я знаю, что случилось что-то плохое, и произошло это незадолго перед нашей первой встречей. Я ни о чем не спрашиваю тебя, чтобы не вызывать призраков прошлого.

— Ты очень наблюдательная. Не думал, что мое состояние будет так заметно. Тебя удивило бы известие о том, что я когда-то был агентом британской разведки или попросту шпионом?

Она посмотрела на меня с интересом.

— Шпион, — медленно произнесла она, словно смакуя это слово. — Да, я очень удивлена. Шпионаж — не очень престижное занятие и совершенно тебе не подходит.

— Кое-кто мне недавно уже это тоже сказал, — ответил я с иронией. — Тем не менее, это правда.

Она помолчала, а затем добавила:

— Ты был шпионом, но сейчас все в прошлом. Алан, то, что ты делал раньше, сейчас не имеет никакого значения. Для меня важно лишь то, кто ты сейчас.

— Но иногда прошлое хватает нас. Так случилось со мной. Есть один человек по имени Слэйд… — я остановился, задумавшись, правильно ли поступаю.

— Да? — отозвалась она, как бы подгоняя меня.

— Он приехал ко мне в Шотландию. Я расскажу тебе о той встрече.

Охота в тот день не удалась. Что-то ночью напугало оленей, и они оставили долину, где я надеялся их найти, переместившись к обрывистым берегам Бенм Фада. Я видел животных в телескопическом прицеле: чистые, серо-бронзовые фигуры, разбросанные по пастбищу. Ветер мне не помогал: я мог бы приблизиться к ним, если бы у меня выросли крылья. Наступил последний день сезонной охоты, поэтому олени могут не бояться мистера Стюарта до конца лета.

В три часа собрал свои вещи и двинулся домой. Пробираясь вниз по стоку Сгурр Мор, я увидел возле дома автомобиль и маленькую фигурку, прохаживающуюся рядом. Дом расположен в труднодоступном месте, каменистая тропинка, ведущая к деревне, отбивает охоту у случайных туристов, поэтому те, кто сюда добираются, уж очень хотят меня видеть.

Обо мне этого не скажешь — привык жить один и никого не приглашаю в гости.

Я осторожно подошел поближе и задержался под укрытием скал и ручья. Снял карабин и, убедившись, что он разряжен, приложил его к плечу. Сейчас отчетливо различил моего гостя в телескопическом прицеле. Он стоял ко мне спиной, но, когда повернулся, я увидел лицо Слэйда. Навел центр прицела на его бледное большое лицо и нажал на курок: боек щелкнул вхолостую. Подумал, поступил бы я точно так же, будь карабин заряжен? Мир был бы значительно лучше без таких людей, как Слэйд. Однако заряжать оружие показалось мне действием слишком уж рассчитанным, поэтому закинул карабин за плечо и направился к дому.

Оказалось, что все-таки надо было его зарядить.

Когда подошел, Слэйд повернулся и помахал мне рукой.

— Добрый день! — приветствовал он меня так спокойно, словно был здесь частым и желанным гостем.

Я подошел ближе и спросил:

— Как ты меня нашел?

Он пожал плечами.

— Как обычно. У нас свои методы.

Я знал их и совсем не одобрял.

— Перестань играть роль Шерлока Холмса. Что тебе нужно?

— Ты не приглашаешь меня? — он показал на дверь дома.

— Зная тебя, готов поспорить, что ты заглянул там в каждый угол.

Он поднял руки, выражая изумление.

— Неправда, слово чести!

Я чуть не расхохотался прямо ему в лицо. Этот человек не знал, что такое честь. Толкнул дверь и вошел. Он последовал за мной, цокая с неудовольствием.

— Не закрываешь дверь на ключ? Ты слишком доверяешь людям.

— Здесь нет ничего, что стоило бы забрать, — сказал я безразлично.

— Кроме твоей жизни, — ответил он, бросив пронзительный взгляд.

Я промолчал и поставил карабин. Слэйд осмотрелся с интересом.

— Примитивно, но довольно уютно, — заметил он. — Но все-таки не понимаю, почему не живешь в большом доме.

— Не твое дело.

— Возможно, — парировал он и уселся. — Значит, укрылся в Шотландии и надеялся, что никто тебя здесь не найдет. Этакая защитная окраска, а? Мистер Стюарт, скрывающийся в толпе других Стюартов. Заставил нас немного потрудиться.

— Кто сказал, что я прячусь? Ты же знаешь, что я шотландец.

— В какой-то мере. В тебе есть немного шотландской крови от деда со стороны отца. Но еще недавно ты считался шведом, а чуть раньше выдавал себя за финна. Разумеется, тогда тебя звали Стевартсен.

— Ты проделал восемьсот километров, чтобы вспомнить старые дела? — спросил устало.

— Ты в прекрасной форме, — заметил он.

— О тебе так не скажешь: выглядишь паршиво и, к тому же, начал толстеть.

Он хихикнул.

— Избыток благосостояния, мой дорогой малыш: все эти обеды за счет правительства Ее Королевского Величества, — он махнул толстой рукой. — Но приступим к делу, Алан.

— Я для тебя — мистер Стюарт.

— О, вижу, ты меня не любишь, — заметил он с грустью в голосе. —

Но неважно, в конце концов, это не имеет значения. Я хочу… мы хотим, чтобы ты кое-что для нас сделал. Понимаешь, ничего особенного.

— Ты что, сошел с ума?

— Я знаю, что ты чувствуешь, но…

— Ничего ты не знаешь, черт возьми! — взорвался я. — Если считаешь, что после случившегося я буду на вас работать, то ты явно чокнутый.

Разумеется, я ошибался: Слэйд прекрасно понимал, что я чувствую. В этом и заключалась его работа: знать о людях все и использовать их как инструменты. Я рассчитывал, что он попытается сейчас меня прижать посильнее, и действительно, через мгновение он принялся за дело, типичным для себя окружным путем.

— Поговорим о старых делах. Ты ведь помнишь Кенникена.

Я мог бы его забыть, если бы мне полностью отшибло память. У меня перед глазами всплыло лицо Кенникена, каким его видел в последний раз: глаза, словно серые камешки, посаженные глубоко, что характерно для славян, и шрам, бегущий от виска до уголка рта, резко выделяющийся на фоне неожиданно белой кожи. Он тогда был так взбешен, что мог меня убить.

— Что с Кенникеном? — спросил я неторопливо.

— Ходят слухи, что он тоже тебя разыскивает. Ты сделал из него идиота, а он этого не любит. Кенникен хочет тебя… — он прервался, подыскивая нужное слово. — Сейчас, как это деликатно называют наши американские коллеги из ЦРУ? А, вспомнил: хочет тебя «вывести из игры окончательно». Хотя там, в КГБ, это называют, по-видимому, несколько иначе.

Чертовски удачное определение выстрела в затылок темной ночью.

— Итак? — спросил я.

— Кенникен по-прежнему тебя ищет.

— Зачем? Ведь я уже не работаю в Конторе.

— О, конечно, но ведь Кенникен об этом не знает, — он рассматривал свои ногти. — Мы скрывали это от него, думаю, с успехом. У нас свои планы.

Я видел, куда Слэйд клонит, но хотел, чтобы он сказал об этом прямо, называя вещи своими именами. А он этого не переносил.

— Но ведь он не знает, где меня искать?

— Святая правда, малыш, но что будет, если кто-нибудь ему подскажет?

Я наклонился и посмотрел ему прямо в глаза.

— А кто ему мог бы подсказать?

— Я, — ответил он совершенно спокойно. — Если посчитаю необходимым. Разумеется, придется провернуть это дело довольно ловко и кое-кем пожертвовать. Но, думаю, удастся.

Итак, угроза предательства. Ничего нового в истории со Слэйдом: вся его жизнь — это полоса подкупов и измен. Это не означает, что я первым брошу в него камень: когда-то и сам делал то же самое. Разница между нами заключалась в том, что Слэйд любил свою работу.

Я позволил ему погрузиться глубже и довести, кстати, абсолютно без необходимости, дело до самого конца.

— Кенникен сейчас возглавляет очень эффективную группу убийц, что мы ощутили на собственной шкуре. Несколько человек из Конторы оказались… хм… устранены группой Кенникена.

— Почему не скажешь прямо — убиты?

Он сморщил лоб, и его свиные глазки утонули в жирном лице.

— Ты всегда говоришь слишком прямо, Стюарт, но, может, тебе не знаком страх за собственную шкуру? Я не забыл, как ты пытался

подложить мне свинью у Тэггарта. Помню, что и тогда ты произнес то же самое слово.

— И повторю сейчас: это ты убил Джимми Биркби.

— Неужели? — спросил он бархатным голосом. — А кто подложил взрывчатку в его автомобиль? Кто аккуратно соединил детонатор с замком зажигания? Ты! — Он указал на меня пальцем. — Только так ты смог войти в доверие к Кенникену, именно это привело к тому, что он стал тебе доверять настолько, что мы смогли его уничтожить. Взвесив все, следует признать, что ты здорово сработал, Стюарт.

— Ты использовал меня.

— И снова так сделаю, — грубо сказал он. — А может, ты хочешь, чтобы я бросил тебя в пасть Кенникену? — Он неожиданно рассмеялся. — Ты знаешь, не думаю, чтобы Кенникена волновало, работаешь ты еще в Конторе или нет. Он ищет именно тебя.

Я внимательно посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Неужели не слышал, что Кенникен стал импотентом? — воскликнул он удивленно. — Я знаю, что во время последней встречи ты хотел его убить, но было довольно темно, и ты его только ранил. Действительно ранил — попросту кастрировал беднягу! — Его ладони, сплетенные на животе, затряслись от хохота. — Говоря без обиняков, или, если хочешь, называя вещи своими именами, — ты отстрелил ему яйца. Представь себе, что он с тобой сделает, если, или верней, когда тебя достанет.

Я почувствовал холодок в области желудка.

— Есть лишь один способ, чтобы исчезнуть из мира: смерть, — принялся он философствовать. — Ты попытался поступить по-своему, но, как видишь, безрезультатно.

Он оказался прав. Мне не приходилось рассчитывать ни на что иное.

— Короче говоря, речь идет о том, — начал я, — что должен что-то для вас сделать. Если не соглашусь, вы даете знать противнику, и тот меня прикончит, а ваши руки теоретически останутся чистыми.

— Ни прибавить ни убавить. Ты всегда составлял изящные и понятные рапорты, — он произнес эти слова тоном учителя, похвалившего ученика за хорошо написанное сочинение.

— В чем суть задания?

— Сейчас начинаешь говорить дело, — заметил он с удовольствием.

Достал листок бумаги и заглянул в него.

— Мы знаем, что ты ежегодно отдыхаешь в Исландии, — он поднял взгляд, — вижу, что все же привязан к своему северному происхождению. Швеция и Финляндия для тебя представляют угрозу: русская граница там очень близко, — он развел руками. — А кто ездит в Исландию?

— Значит, речь пойдет о задании в Исландии?

— В самую точку, — он постучал по бумаге ногтем. — Я вижу, ты позволяешь себе длительный отдых, три-четыре месяца в году. Вот что значат личные доходы… Но и у нас ты зарабатывал неплохо.

— Я не получил от Конторы ничего, чего бы не заслужил, — оборвал его.

Он не отреагировал.

— Вижу, что в Исландии тебе живется в целом неплохо. Твое любовное гнездышко создает все удобства семейного очага. Молодая дама, думаю…

— Ее в это не вмешивай!

— Я просто продолжаю тему, мой дорогой малыш. Очень неразумно вмешивать ее в наши дела. Это для нее могло бы оказаться опасным, как

ты считаешь? На твоем месте я бы не пискнул ей ни слова, — закончил он любезно.

Слэйд, несомненно, великолепно выполнил домашнее задание. Он знал об Элин, что означало давнее наблюдение за мной. Я думал о себе как о неуловимом, а он все время рассматривал меня в микроскоп.

— Вернемся к заданию.

— Получишь пакет в международном аэропорту в Кеблавике, — движениями рук он обозначил размеры. — Примерно двадцать на десять сантиметров, высота — пять сантиметров. Должен доставить его нашему человеку в Акюрейри. Знаешь, где это находится?

— Знаю, — ответил, ожидая, что он скажет дальше, но Слэйд молчал. — Это все?

— Все. Я уверен, что ты без труда справишься с заданием.

Я посмотрел на него с недоверием.

— Ты хочешь сказать, что плел здесь всякую чушь, опустился до шантажа, только для того, чтобы предложить мне работу, достойную мальчика на побегушках?

— Я хочу, чтобы ты подбирал слова, — заметил он, разозлившись — Эта работа как раз для того, кто потерял форму, как ты. Дело достаточно важное, ты оказался под рукой, вот и решили тебя привлечь.

— Что-то случилось в последний момент, — рискнул предположить. — У вас не было другого выхода, как прибегнуть к моим услугам.

— У нас ощущается недостаток кадров, вот и все. Не питай иллюзий о своем величии. Прежде чем обратиться к тебе, я до дна выскреб свои ресурсы.

Слэйд умеет говорить достаточно убедительно и ярко, когда это отвечает его намерениям. Я пожал плечами и спросил:

— С кем должен встретиться в Акюрейри?

— Ты его легко узнаешь.

Он вынул из бумажника денежную купюру, разорвал на две неравные части, отдав мне одну из них: половинку банкноты в сто крон.

— У него будет вторая. Старые методы самые лучшие, не так ли? Простые и эффективные.

Я посмотрел на порванную банкноту и спросил с иронией в голосе:

— Ты ведь не собираешься заплатить этим за мою работу?

— Разумеется, мы хорошо заплатим, мой дорогой малыш. Правительство никогда не скупится на деньги, если в игру входят ценные услуги. Что ты скажешь о двухстах фунтах?

— Внеси их в фонд умирающих от голода, ты, дерьмо!

— Что за выражения! — он недовольно покачал головой. — Но можешь быть уверен, я поступлю так, как ты хочешь.

Я внимательно посмотрел на него. Он ответил невинным детским взглядом. Не нравилась мне вся эта история. Я ощущал в ней что-то чертовски фальшивое. Мне пришло в голову, что Слэйд готовит какое-то тренировочное занятие, привлекая меня в качестве подопытного кролика. Контора часто проводила подобного рода операции с целью подготовки молодых ребят, но тогда все участники обычно знали, в чем дело. Если бы Слэйд пытался включить меня в программу подготовки без моего согласия, то придушил бы этого садистского ублюдка. Я решил его проверить.

— Слушай, Слэйд, если ты намерен использовать меня в качестве мяча в матче подготовишек, то можешь оказаться в опасности. В игре ты рискуешь потерять нескольких своих перспективных шпионов.

— Ну, знаешь, я бы не сделал тебе ничего такого.

— Хорошо. А если кто-нибудь попробует отобрать у меня пакет?

— Ты должен его остановить, — коротко ответил он.

— Любой ценой?

— Ты хочешь знать, можешь ли его убить? Делай все, что посчитаешь нужным. Ты просто-напросто обязан доставить пакет в Акюрейри.

Его толстое брюхо колыхалось от смеха.

— Стюарт — убийца! — смеялся он добродушно. — Ну, ну!

Я покачал головой.

— Именно это я и хотел знать. У меня нет желания еще больше увеличивать дефицит ваших кадров. А что я должен делать, передав пакет в Акюрейри?

— Что пожелаешь. Отдыхай, наслаждайся обществом своей подружки. Ты свободен, как птица.

— До момента, когда снова появишься?

— Это маловероятно, — ответил он решительно. — Мир изменился. В Конторе появилось много техники, всего нового, которое ты даже не в состоянии понять. Ты не годен для настоящей работы, Стюарт. Но это задание для ребенка: будешь просто посыльным. — Он снисходительно обвел взглядом комнату. — Да, можешь вернуться сюда и вести деревенский образ жизни.

— А Кенникен?

— Хм, ничего не могу сказать. Может, найдет тебя, может, нет: уверяю, если ему это удастся, то без моего участия.

— Маловато. Ты скажешь ему, что я уже четыре года не работаю в Конторе?

— Может быть, — ответил он беззаботно, — может быть, — поднялся и застегнул плащ. — Разумеется, если он в это поверит, во-первых; а во-вторых, какая ему разница? В поисках тебя Кенникен исходит из личных побуждений, выходящих за границы профессии. Лично я считаю, что он не хочет распить с тобой бутылку кальвадоса, а скорее угостить тебя острым ножом.

Он взял шляпу и пошел к двери.

— Перед отъездом получишь новые инструкции. Мне было приятно снова с вами встретиться, мистер Стюарт.

— Мне жаль, что не могу сказать то же самое, — отреагировал я.

Слэйд, услышав мои слова, радостно засмеялся.

Я провел его к автомобилю и показал скалу, из-за которой наблюдал за его силуэтом на фоне дома.

— Я видел тебя в прицеле и даже нажал на курок. К сожалению, карабин был не заряжен.

Он посмотрел на меня с выражением безграничной уверенности на лице.

— Если бы он оказался заряжен, ты никогда бы не нажал на курок. Ты слишком цивилизован, Стюарт, очень цивилизован. Временами задумываюсь, как тебе удалось так долго протянуть в Конторе. Ты всегда был слишком мягок для крупных операций. Если бы от меня зависело, ты бы расстался с Конторой гораздо раньше, чем решил… хм… уйти сам.

Я заглянул в его чистые холодные глаза и прочитал в них, что если бы он решал, мне бы никогда не удалось уйти самому.

— Надеюсь, ты не забыл о правилах неразглашения служебных тайн, — начал было он, но затем усмехнулся, — разумеется, помнишь.

— Как высоко ты забрался, Слэйд?

— По правде говоря, на самую вершину, ответил он с готовностью. — Я сейчас первый человек после Тэггарта. Сам принимаю решения, часто обедаю с премьером.

Он самодовольно рассмеялся и уселся в автомобиль. Опустив стекло, добавил:

— И еще одно, малыш. Не пытайся вскрыть пакет. Помни, как поступают с теми, кто хочет слишком много знать.

Он уехал. Машина подпрыгивала на каменистой тропе, а когда исчезла, долина показалась мне значительно чище. Я посмотрел на возвышающиеся над долиной вершины Сгурр Мор и Сгурр Дерг и почувствовал охватывающее меня угнетение. В течение всего лишь двадцати минут весь мой мир рухнул, и я размышлял, как удастся его восстановить.

Когда на следующее утро я проснулся невыспавшимся, то лишь знал, что могу сделать одно: послушать Слэйда, выполнить его поручение и доставить проклятый пакет в Акюрейри, надеясь на Бога, что мне удастся выйти сухим из воды без дальнейших осложнений.

От долгого рассказа и сигарет у меня пересохло в горле. Я выбросил окурок в окно: он упал на камень, посылая одинокий дымный сигнал в направлении Северного полюса.

— Как видишь, — закончил я, — пришлось взяться за дело под угрозой шантажа.

Элин повернулась ко мне.

— Я рада, что ты все рассказал. Меня постоянно мучила мысль: зачем тебе понадобилось срочно лететь в Акюрейри, — наклонилась вперед и потянулась. — Но сейчас, когда передал таинственный пакет, твои тревоги закончились.

— В том-то и дело, — заметил я, — что пакет не передал.

Когда я рассказал ей о четырех мужчинах в аэропорту Акюрейри, Элин побледнела.

— Слэйд прилетел сюда из Лондона, — добавил я, — был очень зол.

— Он был здесь? В Исландии?

Я согласно кивнул головой.

— Он заявил, что, так или иначе, моя роль закончилась. Но я уверен, что это не так. Поэтому хочу, чтобы ты держалась подальше от меня. У тебя могут возникнуть неприятности.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Думаю, ты рассказал мне не все.

— Нет. И не собираюсь. Просто хочу, чтобы ты находилась подальше от этой заварухи.

— Пожалуй, все-таки будет лучше, если ты расскажешь мне все до конца.

Я прикусил губу.

— У тебя есть куда уехать, исчезнуть на несколько дней?

Она пожала плечами.

— Есть квартира в Рейкьявике.

— Засвечена, — прервал ее, — Слэйд знает о ней, они около нее были.

— Я могла бы поехать к отцу.

— Вот это мысль!

С отцом Элин я встречался только раз. Рагнар Торссон был старым крепким фермером, обживающим дикие просторы Страндасисла. Там Элин находилась бы в безопасности.

— Если расскажу всю историю, ты поедешь к нему и останешься до момента, пока я дам тебе знать?

— Я не могу этого гарантировать, — ответила она, насупившись.

— О Боже! — вздохнул я. — Если удастся выскочить из этой мясо-

рубки невредимым, меня ждет неплохая жена! Не знаю, смогу ли я долго выдержать.

Она встряхнула головой.

— Что ты сказал?

— В такой необычной форме я сделал тебе предложение.

В течение одной минуты все совершенно переменилось, и только через какое-то время мы слегка остыли. Элин, румяная, с взлохмаченными волосами, кокетливо мне улыбнулась.

— А сейчас говори!

Я вздохнул и открыл дверцу.

— Не только расскажу, но и покажу.

Я подошел сзади к лендроверу и достал плоскую металлическую коробочку из-под кузова, где еще вчера ее прикрепил. Положил на ладонь и показал Элин.

— Вот причина всей суматохи.

— Значит, те типы не забрали ее?

— Они взяли металлическую коробочку из-под настоящей шотландской карамели, набитую ватой и зашитую в оригинальную упаковку из джута.

— Выпьешь пива? — предложила Элин.

Я поморщился. Исландское пиво — это безвкусная жидкость, имеющая столько же общего с алкоголем, что и сахарин с сахаром.

Она рассмеялась.

— Не бойся. Бьерни привез ящик датского пива из своего последнего полета в Гренландию.

Это другое дело — датчане знают толк в пиве. Я смотрел, как Элин открывает бутылки и разливает пиво.

— Хочу, чтобы ты пожила у своего отца, — напомнил ей.

— Я подумаю над этим, — подала мне стакан. — Скажи, зачем тебе эта коробочка?

— Вся операция показалась мне очень подозрительной. Смердело на расстоянии. Слэйд утверждал, что противник сидит на пятках у Грэхема, и поэтому он в последний момент решился ввести меня в операцию. Но напали-то на меня, а не на Грэхема, — я ничего не сказал ей об Линдхольме из опасения, что Элин может этого не вынести. — Не кажется ли тебе все это довольно странным?

— Да, очень странно, — согласилась она после некоторого раздумья.

— Более того, Грэхем следил за нашей квартирой, а это совершенно нетипичное поведение кого-то, кто знает, что сам может находиться под наблюдением противника. К тому же совершенно не верю, что за ним следили: считаю, что Слэйд угостил меня эскалопом из лжи.

Элин, казалось, целиком углубилась в изучение пузырьков на стенке стакана.

— А возвращаясь к противнику, — отозвалась она, — кто он?

— Мои старые знакомые из КГБ, русская разведка. Я могу ошибаться, но не думаю.

Вытянувшееся лицо свидетельствовало о том, что она далеко не восхищена моим ответом. Поэтому я снова вернулся к теме Слэйда и Грэхема.

— Кроме того, Грэхем видел, как на меня напали в аэропорту, но даже не пошевелил пальцем, чтобы помочь. Хотя бы бросился вслед за типом, который смылся с футляром, но нет, он буквально ничего не сделал. И что ты на это скажешь?

— Сама не знаю.

— Совсем как я, — признался. — Именно поэтому от истории такая вонь. Возьмем Слэйда. Грэхем сообщает ему, что я провалил операцию, тот прилетает из Лондона — и что делает? Бьет меня линейкой по пальцам, утверждая, что я невоспитанный мальчик, а это на Слэйда совершенно не похоже.

— Ты не доверяешь ему, — заметила Элин. Прозвучало это как утверждение.

— Я доверяю ему так же, как смог бы добросить камень отсюда до острова, — показал в направлении острова Гримсей, выступающего из моря. — Слэйд соткал замысловатую интригу, а я хочу знать в ней свое место, чтобы в момент падения ножа не оказалось, что он направлен на мою шею.

— А что с пакетом?

— Это туз во всей игре, — я приподнял металлическую коробочку. — Слэйд думает, что пакет у противника, но пока это не так, ничего плохого не происходит. Противник тоже считает, что пакет у него, естественно, если пакет еще не открыли.

— Такое предположение реально?

— Думаю, да. Агенты разведки неохотно суют нос не в свое дело. Я допускаю, что четверка, забравшая у меня пакет, имела приказ доставить его шефу, не открывая.

Элин внимательно посмотрела на коробочку.

— Интересно, что в ней.

Посмотрел и я, но металлическая коробочка молчала.

— Может, взять консервный нож? — предложил вслух. — Нет, еще не время. Кстати, может, лучше будет вообще ничего не знать.

Элин гневно фыркнула.

— Почему вы, мужчины, всегда все так усложняете? Что ты, в конце концов, собираешься делать?

— Спрятаться и переждать, — соврал.— У меня будет много времени, чтобы надо всем поразмыслить. Может, пошлю этот проклятый пакет в Акюрейри до востребования и телеграфирую Слэйду, где он может его получить.

Я надеялся, что Элин в это поверит, на самом же деле я собирался предпринять совершенно другое, в тысячу раз более опасное. Вскоре кто-то убедится, что оказался обманутым, поднимется шум, а я должен затаиться поблизости, чтобы увидеть, кто там шумит. Очень бы не хотел, чтобы Элин находилась тогда рядом со мной.

— Укрыться и переждать, — повторила она задумчиво. Повернулась ко мне. — А что ты скажешь, если мы проведем ночь в Асбырги?

— В Асбырги? Почему бы и нет, — я рассмеялся и допил пиво.

Во времена, покрытые мраком, когда боги были еще молодыми, в арктических пустынях проживал бог Один. Однажды он выбрался на прогулку верхом, во время которой его скакун Слейпнир споткнулся и потерял подкову над северной Исландией. Место падения подковы на землю зовется ныне Асбырги. Так говорит легенда, а геологи рассказывают нечто иное.

Проехав дорогой, проторенной колесами автомобилей, мы протиснулись между скалами и оказались на территории, густо поросшей деревьями и окруженной скальными стенами. Здесь разбили лагерь. Если погода позволяла, мы обычно спали на земле: я соорудил брезентовую крышу, прикрепив ее к лендроверу, а затем достал матрацы и спальные мешки. Элин тем временем принялась готовить ужин.

Расположились мы, пожалуй, довольно удобно: наши обычаи несколько отличались от простоты лагерной жизни. Я разложил складные стулья и столик, а Элин достала бутылку шотландского виски и два стакана. Хлопнули по стаканчику еще перед тем, как Элин принялась жарить мясо. Говядина в Исландии считается деликатесом, от которого я не собираюсь отказываться. Порой меня начинает воротить от баранины.

Вокруг царили тишина и спокойствие. Мы сидели, наслаждаясь вечерней красотой, и вели разговор ни о чем, дегустируя виски с запахом торфа. Думаю, мы оба сейчас нуждались в передышке от не дающего нам покоя Слэйда и его проклятого пакета. Само действо заложения лагеря было для нас возвращением к давним счастливым дням, и мы радостно это использовали.

Элин стала готовить ужин, а я налил себе еще один стаканчик и принялся размышлять, каким образом избавиться от девушки. Если она не согласится уйти по собственной воле, лучше всего, пожалуй, будет, если сам смоюсь ранним утром, оставив ей консервы и бутылку воды. С такими запасами, да еще со спальным мешком, она продержится несколько дней, а тем временем здесь наверняка кто-нибудь объявится и поможет ей выбраться в цивилизованный мир. Я знал, что Элин придет в ярость, но зато останется в живых.

Спрятаться и переждать — этого мало. Я должен стоять на виду, словно жестяная утка в тире, и ждать, когда кто-то в меня прицелится. Не хотел, чтобы моя девушка находилась рядом, когда операция начнется.

Элин принесла ужин, и мы приступили к еде.

— Алан, — начала она неожиданно, почему ты ушел из… из Конторы?

Я замер с вилкой в руке.

— У нас оказались разные точки зрения, — коротко ответил.

— У тебя и Слэйда?

Я осторожно положил вилку.

— Да, это касалось Слэйда, и я не хочу об этом говорить.

Она помолчала и добавила:

— Пожалуй, лучше будет, если ты мне все расскажешь. Ведь ты не любишь иметь тайны.

Я тихо рассмеялся.

— Забавно говорить подобное агенту разведки. Знаешь ли ты о правилах сохранения служебных секретов?

— А это еще что такое?

— Если бы ребята из Конторы узнали, что я не умею держать язык за зубами, то посадили бы меня за решетку до конца жизни.

— А, вот оно что, — заметила она легкомысленно, — да плевать я на них хотела.

— Попробуй это сказать сэру Дэвиду Тэггарту. Ты и так уже много услышала.

— Почему бы тебе не избавиться от всего? Ведь знаешь, что я никому не скажу.

Я посмотрел на тарелку.

— Разве что кто-то тебя вынудит. Я не хочу тебе ничего плохого, Элин.

— Кто может мне угрожать?

— Хотя бы Слэйд. Возможно также, что вокруг меня вертится тип по фамилии Кенникен, но я надеюсь, что это не так.

Элин заметила задумчиво:

— Если я когда-нибудь выйду замуж, то только за того, у кого не будет никаких тайн. Ты не прав, Алан.

— Ты считаешь, что разделив свои заботы с кем-то, уменьшишь их наполовину? Не думаю, что в Конторе согласились бы с твоей точкой зрения. В игре участвуют силы, которые не считают исповедь добрым делом для души, а на психиатров и священников смотрят с подозрением. Но поскольку настаиваешь, расскажу тебе еще кое-что, чтобы не оказалась в опасности. — Я отрезал кусочек мяса. — Мы проводили операцию на территории Швеции. Я состоял в группе контрразведки с заданием проникнуть в аппарат КГБ в Скандинавии. Мозгом всей операции был Слэйд. Могу тебе сказать о нем одно: очень ловкий, хитрый и коварный, любит играть и побеждать. — У меня совершенно пропал аппетит. Отодвинул от себя тарелку. — Во главе организации противника стоял некто В. В. Кенникен. Мне удалось к нему приблизиться. Для Кенникена я был шведом, родившимся в Финляндии, с фамилией Стевартсен, симпатизирующим коммунистам, горящим желанием послужить идее. Ты знала, что я родился в Финляндии?

Она отрицательно покачала головой.

— Ты никогда мне не говорил.

Я пожал плечами.

— Пытался навсегда забыть об этом отрезке моей жизни. Во всяком случае, мне пришлось немало потрудиться, прежде чем я проник в организацию и оказался принятым Кенникеном. Это не значило, что я завоевал его полное доверие: он использовал меня во второстепенных операциях, однако мне удалось собрать много ценной информации, которая по тайным каналам доходила до Слэйда. Но этого оказалось недостаточно: я находился рядом с Кенникеном, но не совсем близко.

— Это же страшно, — сказала Элин. — Я не удивляюсь, что ты боялся.

— Жил в постоянном смертельном страхе. Такова судьба двойных агентов.

Я замолчал, стараясь мысленно найти нужные слова для объяснения сложнейшей ситуации. Наконец продолжил, старательно выбирая выражения.

— Пришло время, когда я должен был совершить убийство. Слэйд предостерег меня перед опасностью провала. Он добавил, что этот человек еще ничего не сообщил Кенникену и его необходимо убрать. Я сделал это с помощью бомбы. — Сглотнул слюну и закончил. — Я даже его не знал. Просто подложил бомбу в машину.

В глазах Элин затаился ужас.

— Это были не детские игры, — жестко заметил я.

— Но убить того, кого не знал и не видел ни разу в жизни!

— Так значительно легче. Спроси любого пилота бомбардировщика. Но дело не в этом. Хуже всего, что поверил Слэйду и убил человека, который, как выяснилось, был агентом британской разведки, то есть, таким, как мы.

Элин сейчас смотрела на меня так, словно я только что выполз из-под камня. Но я продолжал:

— Встретившись со Слэйдом, спросил: что, черт возьми, происходит? Он ответил, что парень был обычным наемным агентом и ему не доверяла ни одна из сторон — таких много в нашей профессии! И посоветовал мне сообщить Кенникену о моем поступке. Я так и сделал, и мои акции у Кенникена пошли вверх. Вероятно, он отдавал себе отчет, что в организации происходит утечка информации, и многое указывало на парня, которого я убил. Таким образом, я стал одним из голубоглазых парней Кенникена, мы даже подружились. Он совершил ошибку, и нам удалось полностью ликвидировать разведывательную сеть русских.

Элин глубоко вздохнула.

— Это все?

— О Боже, нет! — громко крикнул я. Взял бутылку виски и заметил, что рука у меня дрожит.

— После окончания работы вернулся в Англию. Меня поздравляли с отличным выполнением задания. Скандинавский отдел Конторы находился в состоянии эйфории. Господи! Меня считали чуть ли не героем. А затем узнал, что убитый мной парень был таким же агентом, как и я! Его звали Биркби, если это имеет какое-нибудь значение, и он также работал в Конторе.

Я наполнил стакан, пролив при этом немного виски.

— Слэйд использовал нас, как пешки на шахматной доске. Ни Биркби, ни я не внедрились в группу Кенникена настолько глубоко, чтобы его удовлетворить: поэтому он пожертвовал одной пешкой ради продвижения другой. Но, на мой взгляд, он, поступая так, нарушил все правила.

Элин спросила.

— А в вашем грязном мире существуют какие-либо правила?

— Ты права, — ответил я, — никаких. Но считал, что существуют: и пробовал поднять шум вокруг этого дела. — Сделал глоток чистого виски и почувствовал жжение в горле. — Никто, разумеется, не хотел ни о чем слышать: задание закончилось успехом и медленно уходило в прошлое, наступали более важные дела. Всю операцию сконструировал Слэйд, и никому не хотелось совать нос в то, как он ее провел. — Я мрачно засмеялся. — И вообще, Слэйд поднялся на ступеньку выше в Конторе, и попытки перетряхивать грязное белье выглядели бы нетактично, ведь пришлось бы критиковать начальство. Я сделался неудобным, а забот никто не любит, все стараются от них избавиться.

— Следовательно, избавились от тебя, — сказала она глухим голосом.

— Если бы это зависело от Слэйда, то он избавился бы от меня без церемоний, навсегда. Кстати, недавно он мне так и сказал. Но в то время он еще не поднялся настолько высоко в иерархии организации и не был настолько влиятельным. — Я посмотрел на дно стакана. — Официальной причиной моего ухода посчитали нервное расстройство. — Я поднял глаза и глянул на Элин. — Такой диагноз частично соответствует действительности, скажем, на пятьдесят процентов. Нервы у меня долгое время находились в постоянном напряжении, а то, что случилось, лишь перевесило чашу весов. Контора располагает госпиталем, где трудятся послушные психиатры для таких случаев, как мой. По-прежнему где-то существует картотека данных, от которой Фрейд покраснел бы до корней волос. Если я сделаю фальшивый шаг, они найдут психиатра, готового подтвердить, что у меня в наличии целый букет болезней: от недержания мочи до параноидальной мании величия. Разве кто-нибудь сможет усомниться в свидетельстве известного специалиста?

Элин вскипела от возмущения.

— Но ведь это неэтично?! Ты точно так вменяем, как и я.

— Это мир без правил, забыла?

Я налил себе еще виски, на этот раз более аккуратно.

— Они разрешили мне уйти. Так или иначе, для Конторы я оказался уже непригодным. Превратился в заблудшего пса, раскрытого агента тайной службы. Пополз в свою долину в Шотландии зализывать раны. Думал, что нахожусь в безопасности, до момента, пока не появился Слэйд.

— И начал тебя шантажировать Кенникеном. Он мог бы ему передать, где ты находишься.

— Очень даже на него похоже. А я, действительно, должник у Кенникена. Говорят, он стал импотентом, а вина за это целиком лежит на мне. Для меня гораздо лучше, если он не знает, где пребываю.

Я вспомнил нашу последнюю встречу в темном шведском лесу. Чувствовал, что его не убил, был уверен в этом, еще нажимая на курок. У стрелка появляется интересная способность предвидения, попадет он в цель или нет: я знал, что пуля пошла ниже и он только ранен. Характер раны совсем другое дело, если попаду в лапы Кенникена, мне нечего рассчитывать на жалость с его стороны.

Элин отвернулась и принялась осматривать поляну. Тишину и спокойствие уходящего дня нарушали лишь птицы, отходящие ко сну. Она задрожала и обхватила себя руками.

— Ты пришел из другого мира, мира, которого я не знаю.

— Именно от него и хочу тебя уберечь.

— Биркби был женат?

— Не имею представления, но знаю одно: если бы Слэйд пришел к выводу, что у Биркби больше шансов приблизиться к Кенникену, он приказал бы ему убить меня, использовав те же аргументы. Иногда мне кажется, что так было бы лучше.

— Нет, Алан! — Элин наклонилась и взяла меня за руку. — Никогда так не думай.

— Не волнуйся, у меня нет склонностей к самоубийству. Во всяком случае, сейчас ты знаешь, почему не переношу Слэйда, не доверяю ему и почему подозрительно отношусь ко всей операции.

Элин внимательно смотрела на меня, не выпуская руки.

— Алан, кроме Биркби ты еще кого-нибудь убил?

— Да, — ответил я, подумав.

Она нахмурилась. Отпустила мою руку и медленно покачала головой.

— Я должна подумать, Алан. Прогуляюсь немного, — встала. — Одна, если ты не возражаешь.

Я посмотрел, как она исчезла среди деревьев, и взял в руку бутылку. Подержал ее, решая, хочу ли еще выпить. Посмотрел на свет, оказалось, что четырьмя глотками я опустошил ее наполовину. Отставил бутылку в сторону: никогда не верил, что можно решить проблему, утопив ее в алкоголе, а мое нынешнее положение никак не способствовало таким попыткам.

Я знал, что мучает Элин. Женщина переживает шок, когда узнает, что мужчина, с которым она делит ложе, дипломированный убийца, даже во имя самого святого. У меня не возникло иллюзий, что дело, которому я служил, имеет какое-то особое признание в глазах Элин. Что мог знать мирный житель Исландии о сумрачных глубинах нескончаемой, необъявленной войны между народами?

Я собрал посуду и принялся мыть, раздумывая, что делает Элин. Все, что могло говорить в мою пользу, — это проведенные совместно летние месяцы и вера, что те счастливые дни и ночи перевесят на весах ее памяти. Я надеялся, что ее представление обо мне как о мужчине, любовнике и человеке окажется предпочтительнее моего прошлого.

Я закончил уборку и закурил. Дневной свет медленно уплывал, уступая место долгим летним сумеркам, покрывающим северную землю. Однако настоящая темнота все-таки не наступит: приближался день святого Яна, и солнце не исчезало надолго.

Заметил, что Элин возвращается: белое пятно блузки появилось среди деревьев. Она подошла к лендроверу и посмотрела на небо.

— Уже поздно, — заметила.

— Да.

Элин наклонилась, расстегнула замки спальных мешков и составила из них одну большую постель. Когда повернулась ко мне, на лице появилась слабая улыбка.

— Идем спать, Алан, — сказала она, и я уже знал, что еще не все потеряно и все еще образуется.

Ночью мне в голову пришла одна мысль. Раскрыл спальник со своей стороны и выполз из него, стараясь не разбудить Элин. Она сонно пробормотала:

— Что ты делаешь?

— Я не хочу, чтобы таинственный пакет Слэйда лежал на видном месте. Должен его спрятать.

— Где?

— Где-нибудь под машиной.

— Не хочешь подождать до утра?

Я натянул свитер.

— Могу спрятать его и сейчас. Все равно ведь не сплю, слишком много мыслей ворочается в голове.

Она зевнула.

— Может, тебе в чем-нибудь помочь, подержать фонарик или еще что?

— Спи.

Я взял металлическую коробочку, моток изоленты, фонарик и подошел к лендроверу. Закрепил коробочку внутри бампера, предположив необходимость его быстрого изъятия. Только закончил работу, как случайно наткнулся рукой на что-то, что заставило меня остановиться: я почувствовал под пальцами предмет, которого там не должно быть.

Едва не свернул себе шею, пробуя рассмотреть, что же это такое. Щуря глаза от света фонарика, я все же увидел другую металлическую коробочку, значительно меньшую, чем коробочка Слэйда и окрашенную в зеленый цвет, то есть под цвет лендровера, хотя, без сомнения, не принадлежащую к стандартному оборудованию, поставленному Ровер Компани.

Я осторожно ухватил ее и вытащил. Одна сторона небольшого кубика оказалась намагниченной, что давало возможность закрепить его на металлической поверхности. Держа в руках коробочку, я понял: кто-то здесь ловко поработал.

У меня в руках находился радиоприбор наведения, известный как «бамперный зуммер», который сейчас посылал сигнал, крича: «Я здесь, я здесь!» Человек, обладающий радиометром, настроенным на нужную частоту, мог без труда определить местоположение лендровера.

Все еще продолжая держать в руке радиомаяк, поднялся с земли и едва сдержал искушение разбить его на мелкие кусочки. Я не знал, как давно он находился в лендровере; может быть, с самого выезда из Рейкьявика. А установить его мог только Слэйд или его человек, Грэхем. Ему оказалось недостаточно, что предупредил против вмешательства Элин в операцию, хотел обеспечить еще и нехитрый контроль над ней. А может, речь шла обо мне?

Я хотел уже было бросить его на землю и раздавить каблуком, но остановился. Признал, что это слишком просто, мог найти ему лучшее применение. Слэйд знал, что я под контролем, сейчас об этом знал и я, но он не предполагал этого, так что я мог повернуть дело в свою пользу. Наклонился, сунул голову под автомобиль и прикрепил радиомаяк на прежнем месте. Он прилип к бамперу с легким треском.

И в этот момент что-то произошло. Я не смог бы четко определить — что-то неуловимое, какое-то минимальное изменение в однообразной

ночной тишине. Я мог бы вообще не обратить на него внимания, если бы не моя настороженность, усилившаяся после обнаружения радиомаяка. Задержал дыхание, внимательно вслушиваясь, и оно снова возникло; доносящийся издали лязг переключения скоростей. Потом ночную тишину не нарушил ни один звук, однако того, что услышал, мне вполне хватило.

III

Я наклонился над Элин и потряс ее.

— Проснись, — сказал шепотом.

— Что случилось? — спросила она спросонья.

— Веди себя тихо и быстро одевайся!

— Но…

— Не спорь, одевайся.

Я отвернулся и, напрягая зрение, попытался различить что-нибудь между деревьями, смутно маячившими в темноте. Ничего не двигалось, и ниоткуда не доносилось ни малейшего звука, вокруг царила полная тишина. Узкий въезд в Асбырги находился в километре отсюда, и я решил, что автомобиль остановится именно там, что-то вроде страховки, как пробка, закрывающая горлышко бутылки.

Следовало допустить, что следующий этап прочесывания Асбырги будет проходить пешком в направлении, указанном радиомаяком, на территории, определяемой силой сигнала. Установка радиомаяка на автомобиль не менее эффективна, чем освещение его прожекторами.

Элин тихо сказала:

— Я готова.

Повернулся к ней.

— У нас гости, — сообщил тихо. — Через пятнадцать минут пожалуют сюда. Я хочу, чтобы ты спряталась.

Показал ей место.

— Здесь будет лучше всего. Спрячься среди деревьев и не выходи, пока тебя не позову.

— Но…

— Не спорь, а делай что говорю, — прервал ее грубо.

Я никогда раньше не обращался с ней таким образом: она удивленно заморгала, но тотчас повернулась и послушно побежала к деревьям.

Я нырнул под автомобиль и на ощупь старался найти пистолет Линдхольма, который прикрепил там еще в Рейкьявике. Однако вместо него нащупал только кусок изоляционной ленты. Дороги в Исландии настолько ухабистые, что на них легко можно потерять то, что плохо закреплено. Мне здорово повезло, что я не потерял самое ценное — металлический ящичек.

У меня оставался лишь нож даггер. Он лежал рядом с палаткой. Я наклонился, чтобы его поднять, и вложил за пояс брюк. Потом вернулся под защиту деревьев неподалеку от поляны, начал ждать.

Прошло почти полчаса, пока начало что-то происходить. Он появился, как привидение, — темная фигура, беззвучно двигающаяся по тропинке. Было слишком темно, чтобы мог рассмотреть лицо, но достаточно видно, чтобы разглядеть, что он несет в руке. Форма и манера, как он его держал, исключала ошибку, ведь от предмета зависит, как мы его несем. Карабин держат совершенно иначе, чем трость, это наверняка была не трость.

Я замер неподвижно, когда нежданный гость остановился на краю поляны. Он держался тихо, и если бы я не знал, что он там, наверняка бы не обратил внимания на темное пятно между деревьями, не подозревая,

что там укрывается вооруженный мужчина. Меня беспокоило оружие, с которым он пришел: либо карабин, либо ружье, а это говорило о профессионале. Пистолет слишком ненадежен, если речь всерьез идет об убийстве, о чем знает каждый солдат. Он имеет обыкновение давать осечку в самый неподходящий момент. Профессионалы предпочитают более надежные орудия умерщвления.

Если я хотел атаковать, то должен находиться за его спиной, а следовательно, позволить, чтобы он меня обошел. Однако если бы ночной гость оказался не один, то я подставился бы находящемуся где-то поблизости его товарищу. Поэтому ждал, чтобы определить, один он или появится еще кто-нибудь. Я подумал, знает ли этот тип, что произойдет, если в Асбырги он применит оружие: если нет, то будет очень удивлен, когда нажмет на спусковой крючок. Он мелькнул у меня перед глазами и пропал: я выругался про себя. Но через секунду услышал треск ветки и понял, что он перешел на другую сторону поляны. Это был очень осторожный тип: без сомнения, настоящий профессионал. Старое правило гласит: никогда не приходи с той стороны, откуда тебя можно ждать, даже когда знаешь, что никто тебя не ждет. Избегай излишнего риска. Мужчина пробирался между деревьями, описывая круг, с намерением выйти с другой стороны.

Я начал огибать поляну, но в противоположном направлении. Это было нелегко, ведь знал, что рано или поздно окажусь с ним лицом к лицу. Вытащил нож из-за пояса и держал его свободно в ладони: жалкое оружие против карабина, но у меня не было ничего другого. Перед каждым шагом я проверял, нет ли под ногами сухой ветки. Это отбирало много времени, и я изрядно вспотел.

Остановился за толстым стволом березы и напряг зрение, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть в темноте. Ничего не двигалось, однако я расслышал легкий треск, словно один камень ударился о другой. Я оставался неподвижным, задержав дыхание, и внезапно увидел его. Он шел в мою сторону, темная подвижная тень на расстоянии не менее девяти метров. Я стиснул ладонь на рукоятке даггера и ждал.

Тишину неожиданно нарушил шелест кустов, и у ног ночного гостя выросла какая-то белая фигура. Это значило только одно: он наткнулся на затаившуюся в укрытии Элин. Человек отпрянул от неожиданности и поднял карабин. Я крикнул Элин: «На землю!» И в эту же секунду он нажал на спуск. Яркая вспышка разорвала темноту.

Выстрел прогремел, как объявление войны, словно целое отделение солдат выпустило серию пулеметных очередей. Эхо выстрела пронеслось по скальным ущельям Асбырги, отражаясь от стены к стене все слабее и слабее, замерев где-то вдали. Неожиданный результат выстрела сбил с толку мужчину и привел к тому, что он замер совершенно дезориентированный.

Я метнул нож и услышал глухой удар — попал! Он вскрикнул, уронил карабин, хватаясь за грудь. Колени подогнулись, и стрелок рухнул на землю, корчась между кустами.

Я, не обращая на него внимания, побежал в сторону Элин, одновременно вытаскивая из кармана фонарик. Она в шоке сидела на земле, широко раскрыв глаза и держась рукой за плечо.

— С тобой все в порядке?

Она отняла руку от плеча, и я увидел ее окровавленные пальцы.

— Он ранил меня, — глухо сказала она.

Я опустился на колени рядом с Элин и осмотрел рану. Пуля разорвала верх мышцы на плече. Через какое-то время боль даст о себе знать, но рана была не опасной.

— Мы должны перевязать ее, — сказал я.

— Он ранил меня, — повторила Элин. Ее голос на этот раз был более громким, и в нем прозвучала нотка удивления.

— Не думаю, что он сможет еще в кого-нибудь стрелять, — ответил я и направил на него луч фонарика. Человек лежал неподвижно, повернув голову набок.

— Мертв? — спросила она, глядя на рукоятку ножа, торчавшую из груди.

— Не знаю. Подержи фонарик.

Взял его запястье и почувствовал слабое биение пульса.

— Жив. Может, и выкарабкается.

Я повернул ему голову и глянул в лицо. К своему удивлению, узнал Грэхема. Мысленно извинился перед ним за то, что когда-то обвинил его в отсутствии профессионализма: способ, который он применил, подкрадываясь к нам, свидетельствовал о нем как о настоящем профессионале.

— В лендровере есть аптечка, — отозвалась Элин.

— Сходи за ней. Я его перенесу.

Наклонился, взял Грэхема на руки и пошел за ней. Она разостлала спальный мешок, и я положил тело туда. Элин достала аптечку и наклонилась над Грэхемом.

— Нет! Сначала ты. Сними блузку.

Я очистил рану на плече, посыпал порошком с пенициллином и перевязал.

— Неделю не сможешь поднимать руку выше головы, кроме этого, нет никакой угрозы.

Элин казалась загипнотизированной янтарным блеском, исходившим от украшенной камнем рукоятки ножа, торчавшего из груди Грэхема.

— Этот нож… Ты всегда носишь его с собой?

— Всегда, — ответил я. — Нужно его вытащить.

Острие угодило Грэхему в самую середину грудной клетки под острым углом, полностью вошло в тело и, бог знает, сколько наделало вреда.

Расстегнул ему рубашку и попросил Элин приготовить бинты, а потом взял нож за рукоятку и потянул. Верхняя зазубренная часть острия позволяла воздуху проникать в рану, облегчая тем самым его выемку. Даггер, в самом деле, вышел очень легко. Я ждал, что сейчас ударит фонтан венозной крови, означавший конец Грэхема. Однако из раны кровь лишь медленно сочилась, собираясь в углублении вокруг пупка.

Элин прикрыла рану тампоном и заклеила пластырем, а я снова пощупал пульс, который в этот раз показался мне слабее, чем раньше.

— Ты знаешь его? — спросила Элин.

— Да, — равнодушно ответил я. — Представился как Грэхем, работник Конторы из группы Слэйда.

Я взял нож и принялся его чистить.

— Сейчас хотел бы знать, приехал Грэхем один или с компанией. Мы представляем здесь удобную мишень.

Я встал и пошел к деревьям, пытаясь отыскать карабин Грэхема. Нашел и отнес к лендроверу. Это был автоматический ремингтон — хорошее оружие для убийцы: не очень длинный практичный ствол, отличная скорострельность — пять прицельных выстрелов в пять секунд, а также вес и скорость полета пули, позволяющие сразить человека наповал. Достал патрон из магазина. Типичный заряд для охоты с мягким наконечником, который в момент удара сплющивается. Элин здорово повезло.

Она как раз наклонилась над Грэхемом, вытирая ему пот со лба.

— Приходит в себя, — заметила она.

Грэхем заморгал и открыл глаза. Увидев меня, стоявшего над ним с карабином в руке, попытался встать, но боль пронзила его, и на лбу выступили капли пота.

— Сейчас ты бессилен, — сказал я ему. — У тебя дыра.

Он облизал губы.

— Слэйд говорил…— он с трудом хватал ртом воздух. — Говорил, что ты не опасен.

— Да? Значит, ошибался. Верно?

Я потряс карабином.

— Если бы ты пришел без этого, то сейчас не лежал бы здесь. Зачем Слэйд тебя послал?

— Сказал, чтобы я забрал посылку, — прошептал он.

— Как это? Ведь посылка у противника. Если не ошибаюсь, это русские?

Грэхем с усилием кивнул головой.

— Только у них ее нет. Именно поэтому Слэйд меня послал. По его мнению, ты ведешь двойную игру.

Я сморщил лоб.

— Интересно.

Присел рядом с ним, держа карабин на коленях.

— Меня интересует, от кого Слэйд узнал, что посылка не у русских? Я ему этого точно не говорил. Допускаю, что сами русские услужливо сообщили ему, что их обвели вокруг пальца.

Грэхем выглядел ошеломленным.

— Даже не представляю, откуда он узнал. Попросту велел мне сходить за посылкой.

Я приподнял карабин.

— И дал его тебе на дорожку. Думаю, что ты должен был меня всего лишь ликвидировать.

Я повернулся в сторону Элин, а затем снова перевел взгляд на Грэхема.

— А Элин? Что вы собирались сделать с ней?

Он закрыл глаза.

— Я не знал, что она с тобой.

— Ты, может, и нет, а Слэйд знал. Черт возьми, а как, по-твоему, здесь оказался ее лендровер?

Он заморгал.

— Ты прекрасно знаешь, что должен будешь избавиться от всех свидетелей.

Из уголка рта у Грэхема потекла струйка крови.

— Ты, паршивая тварь! — продолжал я. — Если бы знал, что ты сознаешь, что делаешь, то уже был бы мертв. Слэйд сказал, что я не следовал условиям договора, и ты поверил ему на слово, взял у него оружие и выполнил его приказ. Ты слышал когда-нибудь о типе по фамилии Биркби?

Он открыл глаза.

— Нет.

— Это было до тебя. Так получается, что Слэйд уже раз использовал подобный трюк. Но сейчас не время об этом говорить. Ты приехал один?

Грэхем стиснул губы и принял упрямое выражение лица.

— Не строй из себя героя. Я могу без труда добиться от тебя ответа: как ты смотришь, если немного попрыгаю у тебя на животе?

Услышав учащенное дыхание Элин, я, однако, продолжал:

— У тебя ужасная рана, и ты можешь протянуть ноги, если не доставим тебя в госпиталь. А нам это не удастся, если при въезде в Асбырги нас

будет ждать засада. У меня нет желания рисковать жизнью Элин, чтобы спасать твою шкуру.

Он посмотрел на стоящую за мной девушку и кивнул.

— Слэйд… — начал он, — в километре отсюда.

— У въезда в Асбырги?

— Да, — подтвердил и снова закрыл глаза.

Я проверил у него пульс, он все слабел. Повернулся к Элин.

— Начинай укладывать все в автомобиль. Приготовь место для Грэхема, положим его сзади на спальных мешках.

Встал и проверил магазин в карабине.

— Что ты собираешься делать?

— Попробую подойти к Слэйду настолько близко, чтобы с ним поговорить. Скажу, что его посланец тяжело ранен. А если это мне не удастся, то поговорю с ним при помощи этой штуки.

Я поднял вверх карабин.

Элин побледнела.

— Убьешь его?

— Бога ради, не знаю! — раздраженно ответил я. — Только знаю, что он не возражал бы посмотреть на мой труп. И на твой тоже. Слэйд торчит у выезда из Асбырги, словно проклятая пробка в бутылке, а это единственный штопор, который у меня есть.

Грэхем тихо застонал и открыл глаза. Я наклонился над ним.

— Как ты себя чувствуешь?

— Плохо.

Струйка крови, сочащаяся из уголка рта, превратилась в ручеек, бегущий у него по шее.

— Удивительно, — прошептал он. — Каким образом Слэйд узнал?

— Что в посылке?

— Не… не знаю…

— Кто сейчас возглавляет Контору?

Он дышал тяжело и с трудом.

— Тэг… Тэггарт…

Если кто и мог избавить меня от Слэйда, то лишь Тэггарт.

— Ну, хорошо, — сказал я, — пойду поговорю со Слэйдом. Скоро мы тебя отсюда заберем.

— Слэйд говорил… — начал он, но смолк. Через какое-то время попытался снова что-то сказать, но закашлялся, и на губах у него появились ярко-красные пузырьки пены.

— Говорил, что…

Кашель усилился, и внезапно изо рта Грэхема хлынула ярко-красная кровь, а голова упала набок. Я взял его за запястье и понял, что уже не узнаю, что говорил Слэйд, по той простой причине, что Грэхем дал дуба. Я закрыл ему широко открытые глаза и встал.

— Поговорю со Слэйдом.

— Он умер, — потрясенно прошептала Элин.

Грэхем умер, исчез, будто пешка, сброшенная с шахматной доски. Погиб, потому что слепо выполнял приказы Слэйда, так же, как и я когда-то в Швеции. Погиб, потому что не знал, что за всем этим кроется. Пытался выполнить приказ Слэйда, но потерпел поражение и встретил свою смерть. Как и Грэхем, я не знал, что скрывается за кулисами, но не мог позволить себе проиграть.

Элин плакала. Из ее глаз лились слезы и текли по щекам. Не рыдала, а тихо плакала над телом покойника.

Я жестко сказал ей:

— Не жалей его. Ты же слышала, что он хотел убить тебя.

Девушкаа не перестала плакать, а когда отозвалась, то я не услышал в ее голосе ни малейшей дрожи.

— Я не его жалею, — сказала она жалобно, — а тебя. Кто-то ведь должен, правда?

Мы быстро собрали вещи и все, включая тело Грэхема, погрузили в лендровер.

— Мы не можем его здесь оставить, — сказал я. — Не пройдет и недели, как его кто-нибудь найдет. Как говорит поэт: «Перенесем внутренности в соседнюю комнату».

Она поняла намек и попыталась улыбнуться.

— Куда?

— Деттифосс. А может, Селфосс.

Пройдя дважды через водопады, считающиеся одними из самых больших в Европе, тело изменится до неузнаваемости, и при везении никто не сможет определить, что Грэхем погиб от удара ножом. Его примут за одинокого туриста, который погиб в результате несчастного случая.

Мы уложили тело на заднем сидении лендровера. Я взял карабин и сказал Элин:

— Подождешь полчаса, а потом гони ко мне как можно быстрее.

— Я не смогу ехать быстро, не поднимая шума, — возразила она.

— Не обращай внимания на шум, гони как можно быстрее в сторону выезда из Асбырги, и не забудь включить фары. Потом немного притормози, чтобы я мог запрыгнуть в автомобиль.

— И что дальше?

— Направимся к Деттифоссу, но не по главной дороге. Поедем по шоссе западной стороны реки.

— А Слэйд? Ты хочешь его убить, не так ли?

— Он может попытаться сделать это первым. Лучше избавиться от всяких иллюзий на его счет.

— Алан, достаточно убийств, прошу тебя.

— Это может зависеть не от меня. Если он выстрелит первым, я отвечу тем же.

— Ну, хорошо, — тихо сказала она.

Я направился в сторону узкой горловины, представляющей въезд в Асбырги. Осторожно ступая по тропинке, надеялся, что Слэйду не придет в голову направиться на поиски Грэхема. Это было маловероятно: он наверняка услышал грохот выстрела, он ведь на это и рассчитывал. Дорога обратно после поисков посылки могла занять у Грэхема полчаса, поэтому у меня были основания считать, что Слэйд будет ждать Грэхема примерно через час.

Я шел довольно быстро, но когда добрался до горловины, замедлил шаги. Слэйд даже не постарался укрыть машину. Поставил ее так, что она была отчетливо видна в предрассветных сумерках полярной ночи. Хорошо знал, что делает: никто не мог незамеченным подобраться к автомобилю. Я присел за скалой и ждал Элин.

Наконец услышал приближающийся лендровер. Элин с шумом переключала скорости, и в этот момент я заметил движение в стоявшем автомобиле. Я приложил приклад к плечу и прицелился. Грэхем был настоящим профессионалом: он покрыл мушку светящейся краской, хотя приближающийся рассвет и сделал эту предусмотрительность ненужной.

Я прицелился в место сидения водителя и в момент, когда шум приближающегося за моей спиной автомобиля достиг высшей точки, послал

три пули в течение трех секунд, пробив переднее стекло, выполненное из специального многослойного материала, потому что оно покрылось паутиной трещин по всей поверхности. Слэйд резко стартовал: было ясно, что он уцелел лишь благодаря расположению руля, который в его автомобиле находился, по английской традиции, с правой стороны, тогда как я продырявил стекло слева.

Слэйд не ждал, пока я исправлю свою ошибку, а рванул по шоссе как можно быстрее. Лендровер был уже рядом со мной, поэтому я вскочил в него и крикнул Элин:

— Гони! Как можно быстрее!

Автомобиль Слэйда занесло на повороте. И он поднял всеми четырьмя колесами тучу пыли. Он мчался сейчас в направлении главного шоссе. Мы поступили иначе. Следуя моим инструкциям, у разлома скалы Элин повернула в противоположную сторону. Погоня за Слэйдом не имела ни малейшего смысла. У него было явное преимущество: ведь лендровер не годится для подобных подвигов.

Мы свернули на юг, направляясь к шоссе, бегущему параллельно с большой рекой, несущей воды на север с ледника Ватнайекюдль. Ухабистое покрытие вынудило нас снизить скорость.

— Ты разговаривал со Слэйдом?

— Мне не удалось подойти достаточно близко.

— Я рада, что ты его не убил.

— Не потому, что не пытался. Если бы в его автомобиле руль находился слева, он был бы уже покойником.

— И у тебя улучшилось бы настроение? — едко спросила девушка.

Я глянул на нее.

— Элин, это опасный человек. Этот тип либо сошел с ума, что маловероятно, либо…

— Либо что?

— Я сам уже не знаю, — признался неохотно. — Все так чертовски запутано, а мне известно очень мало деталей. Лишь в одном я уверен: Слэйд охотно увидел бы меня мертвым. Есть что-то, о чем я знаю, так, по крайней мере, считает Слэйд, что делает меня опасным. Поэтому он хочет меня убить. Учитывая все сказанное, лучше будет, если ты оставишь меня. Можешь оказаться на линии огня, что, кстати, и произошло сегодня.

Элин притормозила перед широкой выбоиной.

— Если останешься один, то пропадешь. Тебе нужна помощь.

Мне нужно было больше, чем помощь. Чтобы распутать весь клубок этого дела, пригодилась бы новая голова. Но размышлять не оставалось времени, поскольку рана на плече Элин давала о себе знать.

— Остановись, — потребовал я. — Сейчас моя очередь.

Полтора часа мы двигались все дальше на юг. Наконец Элин сообщила:

— Подъезжаем к Деттифосс.

Я глянул поверх гористого пейзажа в сторону одинокой тучи, висящей над глубоким ущельем, пробитым в скалах водами реки.

— Поедем дальше, к Селфосс, — решил. — Два водопада — не один. Кроме того, у Деттифосс обычно много туристов.

Мы проехали мимо Деттифосс, и через три километра я съехал на обочину.

— Дальше уже не проедем.

Я вышел из машины.

— Схожу в сторону реки проверить, нет ли кого поблизости, — объяснил. — Необязательно, чтобы кто-нибудь видел, как мы таскаем труп с

места на место. Останься здесь и не вступай ни в какие разговоры с незнакомыми людьми.

Я убедился, что тело надежно закрыто одеялом, и направился в сторону реки. Было еще очень рано, и я не застал там никого. Поэтому вернулся к автомобилю, открыл заднюю дверцу и влез внутрь.

Снял одеяло, укрывавшее тело Грэхема, и обшарил его одежду. В бумажнике нашел немного исландской валюты, пачку западногерманских марок и карточку члена немецкого автомобильного клуба. Эта карточка, как и паспорт, утверждала, что он является Дитером Бухнером. Был еще снимок, где он обнимает за плечи красивую девушку на фоне магазина с немецкой вывеской. Контора всегда заботилась о деталях такого рода.

Я обратил внимание на открытую пачку патронов к карабину. Отложил ее в сторону, вытащил тело из автомобиля, а бумажник положил снова в карман Грэхема. Взял покойника под руки и потащил в сторону реки. Элин топталась сзади.

Добравшись до края ущелья, уложил тело на землю и принялся анализировать ситуацию. В этом месте ущелье изгибалось дугой, и речной поток бился в скалы, отвесно уходящие в воду. Я толкнул труп с края и смотрел, как он падает, беспомощно кувыркаясь, пока не исчез в мутной воде. Воздух, сохранившийся под одеждой, вытолкнул тело на поверхность, его несло по течению, пока поток не подхватил его, и оно исчезло за границей Селфосс, падая в кипящую внизу водную купель.

Элин смотрела на меня с подавленным видом.

— И что сейчас?

— Сейчас я еду на юг, — ответил и быстрым шагом направился к лендроверу. Когда она, наконец, догнала, я уже яростно лупил камнем по радиомаяку Слэйда.

— Почему на юг? — спросила она, тяжело дыша.

— Должен добраться до Кеблавика, а оттуда в Лондон. Есть кто-то, с кем я хочу поговорить. Это сэр Дэвид Тэггарт.

— Поедем через Мыватн?

Я отрицательно покачал головой. Нанес камнем последний удар и сейчас был уже уверен, что радиомаяк никогда больше не заработает.

— По соображениям безопасности буду держаться подальше от главных дорог. Поеду через пустыню Оудаудахрейн, мимо вулкана Аскья. Но без тебя.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответила она, подбрасывая ключи от автомобиля.

Бог еще не закончил сотворение Исландии.

Из всего количества лавы, выброшенной в течение последних пятисот лет из недр Земли на ее поверхность, одна треть покрыла территорию Исландии. Из двухсот известных вулканов тридцать все еще активны.

Доминирующий в пейзаже северо-восточной Исландии вулкан Аскья проснулся последний раз в тысяча девятьсот шестьдесят первом году. Большое количество вулканического пепла выпало на крыши Ленинграда. Русским это не принесло много хлопот, а ближе к эпицентру результат оказался более серьезным.

Именно в Оудаудахрейн, пустыню, такую же безлюдную и загадочную, как поверхность Луны, вели наши дороги. В свободном переводе название звучит как «страна убийц», в давние времена здесь находили последний приют люди, оказавшиеся вне закона и проклятые всеми.

Утром первого дня мы ехали более или менее сносно. Трасса проходила параллельно реке, темно-зеленые воды которой, подпитываемые тающими ледниками, впадали в Северный Ледовитый океан.

Я отказался от всяких попыток избавиться от Элин. Благодаря радиомаяку, установленному на лендровере, Слэйд знал, что она была со мной в Асбырги, а при такой ситуации появление в одном из городов побережья подвергало ее серьезной опасности. Она оказалась свидетельницей попытки убийства, в которой Слэйд является соучастником, и я отдавал себе отчет в том, что он не остановится ни перед чем, дабы заставить замолчать девушку. В определенном смысле я был приговорен к ее присутствию — хоть и сам жил в постоянной опасности. Вдали от меня Элин было бы далеко не безопасней.

В три часа мы остановились рядом с охотничьим домиком у подножья вулкана Хердюбрейд — Широкие Плечи. Оба были измучены и голодны. Элин предложила:

— Может, остановимся здесь до конца дня?

Я посмотрел в сторону домика.

— Нет. Может, кто-нибудь и рассчитывает, что мы именно так и поступим. Поэтому проедем немного дальше в сторону Аскья. Но нам никто не мешает перекусить здесь.

Элин приготовила обед, и мы поели на свежем воздухе. Я как раз жевал булочку с сельдью, когда мне в голову пришла одна мысль. Смотрел на радиомачту рядом с домиком и перенес взгляд на антенну, установленную на лендровере.

— Элин, можно отсюда соединиться с Рейкьявиком? То есть, возможен ли разговор с любым абонентом в Рейкьявике?

Она посмотрела вверх.

— Разумеется. Нужно установить контакт с Радио Гуфунес, а они подключат нас к телефонной сети.

Я мыслями находился где-то далеко, поэтому отозвался не сразу.

— Какое счастье, что трансатлантический кабель проходит через Исландию. Если нам удастся подключиться к телефонной сети, то ничто не помешает попробовать дозвониться в Лондон. — Я показал пальцем на лендровер, антенна которого изящно изгибалась под легкими порывами ветра, и добавил: — Причем отсюда.

— Я не слышала, чтобы это кому-то удавалось, — заметила она с сомнением.

Я доел булочку.

— Не вижу причин, по которым это было бы невозможным. Ведь президент Никсон разговаривал с Нейлом Армстронгом, когда тот находился на обратной стороне Луны. У нас есть все необходимые элементы, и нам нужно только правильно их сложить. Ты знаешь кого-нибудь в отделе телефонов?

— Там работает Свейн Харальдсон, — ответила она, подумав. Я мог бы заранее поспорить, что так и будет: у каждого жителя Исландии есть где-нибудь знакомый. Я быстро написал номер телефона и подал Элин.

— Это лондонский номер. Я хочу поговорить с сэром Дэвидом Тэггартом лично.

— А если он… Тэггарт не захочет с тобой разговаривать?

Я усмехнулся.

— У меня такое впечатление, что в настоящий момент сэр Дэвид ответит на каждый телефонный звонок из Исландии.

Она еще раз глянула вверх на радиомачту.

— В домике есть передатчик гораздо большей мощности.

Я отрицательно покачал головой.

— Мы не можем его использовать. Вполне возможно, что Слэйд подслушивает телефонные разговоры. Я не возражаю против того, что он

услышит мой разговор с Тэггартом, но он не должен знать, где мы находимся. Разговаривая по радиотелефону из лендровера, мы усложним ему задачу.

Элин подошла к автомобилю, включила передатчик и попыталась соединиться с Гуфунес. Однако ей ответил только треск атмосферных помех, через которые то пробивались, то пропадали отрывки слов, завывая, будто души в аду.

— В западных горах, похоже, разгулялась буря, — заметила Элин. — Может, попробуем соединиться с Акюрейри?

В Акюрейри находилась ближайшая из четырех радиотелефонных станций.

— Нет, — возразил я, — если Слэйд действительно следит за телефонными разговорами, то сконцентрируется именно на Акюрейри. Попробуй соединиться с Се́йдисфьордюр.

Установить связь с Сейдисфьордюр, расположенном на востоке Исландии, не составило труда, и уже через минуту Элин присоединили к телефонной линии в Рейкьявике. Разговор со Свейном, приятелем из телефонного узла, не был лишен изрядной доли скепсиса, но в итоге Элин настояла на своем.

— Соединение с Лондоном займет около часа, — проинформировала она меня.

— Очень даже неплохо. Попроси о связи Сейдисфьордюр, когда разговор станет возможным.

Посмотрел на часы. Через час в Англии будет пятнадцать сорок пять — удобное время, чтобы поймать Тэггарта.

Мы упаковали вещи и двинулись дальше на юг, в направлении сверкающего на солнце ледника Ватнайекюдль. Не выключая приемника, я уменьшил громкость, чтобы из динамика доносился только приглушенный шум.

— Чего ты ждешь от разговора с Тэггартом?

— Он — начальник Слэйда, — объяснил. — Может освободить меня от него.

— Только захочет ли? Ты должен был передать посылку, но не сделал этого. Не выполнил приказ. Понравится ли это Тэггарту?

— Не думаю, чтобы Тэггарт знал, что здесь происходит. Не знает, пожалуй, и то, что Слэйд пытался убить меня и тебя. По-моему, Слэйд действует по собственной инициативе и ступает по тонкому льду. Я, естественно, могу ошибаться, но именно это и хочу выяснить в разговоре с Тэггартом.

— А если действительно ошибаешься? Если Тэггарт прикажет тебе передать посылку Слэйду, отдашь ее?

— Не знаю, — ответил неуверенно.

— Грэхем, пожалуй, был прав. Может, Слэйд на самом деле посчитал, что ты — изменник. Ты должен признать, что он имел право так думать. И тогда…

— Послал бы типа с оружием? Конечно.

— В таком случае ты поступил очень глупо, Алан. Позволил своей ненависти к Слэйду завести тебя в глухой тупик.

Я тоже начинал разделять ее точку зрения.

— Поговорю с Тэггартом, и если он стоит за спиной Слэйда…

Если бы оказалось, что Тэггарт поддерживает Слэйда, я бы попал в классическое положение между молотом и наковальней: с одной стороны — Контора, с другой — противник. Парни из Конторы очень не любят, когда рушат их планы, а Тэггарт в гневе мог быть страшным.

Но было несколько деталей, которые не укладывались в схему. Прежде всего, бессмысленность всего задания; отсутствие враждебности у Слэйда, когда все указывало на мою ошибку; наконец, неоднозначность роли Грэхема. Было еще что-то, что я тщетно пытался восстановить в памяти, неуловимое воспоминание о чем-то, что Слэйд сделал или не сделал, воспоминание о чем-то, что сказал или о чем промолчал, и это смутное воспоминание зажигало предупреждающий сигнал в моем подсознании.

Я притормозил, а затем остановил автомобиль. Увидев удивление в глазах Элин, сказал:

— Прежде чем говорить с Тэггартом, хочу знать, какие карты у меня в руках. Достань консервный нож. Я посмотрю, что в этой посылке.

— Ты уверен, что поступаешь правильно? Ведь сам говорил, что лучше, пожалуй, не знать.

— Может, ты и права. Но когда играешь в покер, не заглядывая в карты, то наверняка проиграешь. Поэтому думаю, что лучше знать, за чем все гоняются.

Я вышел и пошел к заднему бамперу. Отклеил изоленту от металлической коробочки и достал ее. Когда вернулся обратно и сел за руль, Элин уже ждала меня с консервным ножом: ей, пожалуй, было интересно не менее, чем мне.

Коробочка была сделана из обыкновенной полированной жести, которую применяют при изготовлении консервов. Под влиянием внешних факторов металлическую поверхность покрыли пятнышки ржавчины. Полоска пайки располагалась в верхней части коробочки. Постучал по ней и подавил в разных местах, чтобы убедиться в том, что верхняя часть прогибается сильнее пяти остальных. Поэтому без опасений решил, что могу вбить в это место консервный нож.

Глубоко вздохнув, я ударил, целя в один из углов. Когда острие пробило металл, послышался свист входящего воздуха, это означало, что упаковка проходила в герметической камере. Я лишь надеялся, что внутри не окажется несколько фунтов трубочного табака. Внезапно меня осенила запоздалая мысль, что с таким же успехом она могла оказаться миной-ловушкой. Некоторые детонаторы действуют под влиянием давления воздуха, и резкое выравнивание давления могло привести к взрыву.

Однако этого не произошло. Поэтому еще раз глубоко вздохнул и принялся вскрывать коробочку. К счастью, консервный нож оказался старого типа, и его можно было применять и к коробочкам без металлического пояска. Вскрывал он, правда, неровно и оставлял острые края, но в течение двух минут коробочка была открыта.

Я снял крышку и заглянул вовнутрь. Перед глазами предстал кусочек блестящего пластика бронзового цвета, вид которого говорил о какой-то связи с электроникой — такие маленькие шедевры можно увидеть в любой радиомастерской. Я высыпал содержимое коробочки на ладонь и принялся внимательно, хотя и без всякой надежды на успех, исследовать все содержимое.

На пластиковой пластине бронзового цвета размещался очень сложный узор. Мне он был абсолютно непонятен, единственно, что разобрал, это транзисторы и конденсаторы. Я давно уже не занимался радиотехникой, и мои знания были убогими по сравнению с волнами новинок, захлестнувшими мир. В мое время деталь была деталью, а сейчас парни, занимающиеся микросхемами, могут поместить целую сеть с десятками деталей на одной желтенькой пластинке, настолько маленькой, что ее можно рассмотреть только под микроскопом.

— Что это такое? — спросила Элин, явно убежденная, что я смогу ответить.

— Черт бы меня забрал, если знаю, — искренне признался я.

Посмотрел внимательней, безуспешно пытаясь разобраться в сложных схемах. Модули, печатные схемы, десятки деталей, а посередине находился таинственный кусочек металла, который никак не поддавался объяснению, моему, по крайней мере.

Единственной вещью, имеющей для меня какой-то смысл, были две обыкновенные клеммы, размещенные с краю главной платы, на которой находилась медная табличка со знаками «+» и «-», а также ограничения тока: 110 вольт и 60 герц.

— Ток с таким напряжением и частотой применяют американцы, — заметил я. — В Англии мы используем 240 вольт и 50 герц. Здесь можем, пожалуй, допустить, что имеем дело с входными данными.

— Значит, это что-то сделано в Америке?

— Вероятней всего, в Америке, — поправил ее.

Источник тока отсутствовал, обе клеммы не были подсоединены, и поэтому прибор не работал. Можно поспорить, что он начнет действовать в соответствии со своим назначением, когда через клеммы пойдет ток напряжением 110 вольт и частотой 60 герц. Но в чем заключается его назначение, я понятия не имел.

Было в этом что-то очень уж замысловатое. Ученые-электронщики за короткое время добились в своей отрасли такого прогресса, что это маленькое чудо, легко умещающееся на ладони, могло оказаться компьютером неизвестного поколения, способным доказать, что е = мс^{2}, или наоборот, разрушить эту теорию.

Но это могла быть и машинка для охлаждения кофе, изготовленная для собственного употребления каким-нибудь мастером-золотые руки. Но все-таки то, что я держал в руках, не напоминало самоделку, а было примером высокой технологии, профессионализма, прошло длинный путь по тем производствам без окон, которые охраняют хмурые стражи с автоматами.

Подумав, я спросил:

— Ли Нордлингер по-прежнему работает на базе в Кеблавике?

— Да, я видела его две недели назад.

Я постучал пальцем по прибору.

— Он — единственный человек в Исландии, который может хоть что-нибудь сказать об этом приборе.

— Хочешь ему показать?

— Не знаю, — медленно ответил я. — Ли может определить, что это пропавшая собственность правительства США, и как офицер американского флота, по долгу службы может предпринять соответствующие шаги. А у меня нет желания отвечать на массу разных вопросов.

Я вернул прибор в коробочку, закрыл крышкой, залепил лентой.

— Сейчас, когда коробочка открыта, нет необходимости держать ее под бампером, — заметил я.

— Слушай! — вскрикнула Элин. — Это наш номер.

Я протянул руку и повернул регулятор громкости до отказа.

— Сейдисфьордюр вызывает семь, ноль, пять. Сейдисфьордюр к семь, ноль, пять.

Я взял телефон.

— Семь, ноль, пять на связи.

— Сейдисфьордюр к семь, ноль, пять. Лондон на линии.

Характерные шумы, доносящиеся из динамика, уступили место голосу, отозвавшемуся откуда-то издалека.

— Дэвид Тэггарт у аппарата. Это ты, Слэйд?

— Осторожно со словами, это общественная линия, причем очень общественная, — предостерег я.

Наступила короткая пауза, после чего Тэггарт отозвался снова:

— Понимаю. Кто говорит? Очень плохо слышно.

Действительно, слышимость была ужасной. Его голос то приближался, то удалялся, а временами полностью исчезал в атмосферных помехах.

— Говорит Стюарт.

Из динамика донесся трудно передаваемый шум. Его могли вызвать помехи, но, похоже, что Тэггарта хватил удар.

— Что ты, черт возьми, воображаешь? — прорычал он.

Я посмотрел на Элин и поморщился. Тон его голоса показывал, что Тэггарт не на моей стороне. Мне осталось лишь узнать, поддерживает ли он Слэйда. Тэггарт тем временем продолжал кричать:

— Я сегодня разговаривал со Слэйдом. Он говорит, что ты пытался… пытался разорвать его контракт. (Еще один удобный эвфемизм!) Что случилось с Филипсом?

— Кто это такой, черт возьми? — вставил я.

— Ага, так. Может, ты его знаешь лучше под фамилией Бухнер или Грэхем?

— В таком случае, его контракт разорван наверняка.

— О Боже! — крикнул он. — Ты что, окончательно сошел с ума?

— Я всего лишь опередил его, когда он пытался разорвать мой контракт. В Исландии очень сильная конкуренция. Его направил на меня Слэйд.

— Слэйд утверждает иначе.

— Меня это не удивляет. Этот тип либо сошел с ума, либо перешел к конкурентам. Я, кстати, встретил здесь несколько их представителей.

— Это невозможно! — возразил он решительно.

— Что я встретил представителей конкурирующей фирмы?

— Я имею в виду Слэйда. Нет, об этом невозможно даже подумать.

— Как это невозможно, если я думаю? — резонно спросил я.

— Он у нас очень давно. Ты же знаешь, как много хорошего он сделал.

— Маклин, — начал я перечислять, — Ким Филби, Блэйк, Крюгеры, Лонсдейл, все порядочные и верные люди. Почему бы нам не добавить к ним Слэйда?

Он повысил голос.

— Это общественная линия, соображай, что говоришь, Стюарт. Ты не знаешь, в чем тут дело. Слэйд говорит, что товар у тебя. Это правда?

— Да, — признался я.

— В таком случае, возвращайся в Акюрейри. Я сведу тебя со Слэйдом. Передашь ему товар.

— Единственное, что он может от меня получить, — это полную отставку, — возразил я. — Одну уже вручил Грэхему, или как он там называется.

— Значит, ты отказываешься выполнить приказ? — ответил он с угрозой в голосе.

— Если речь идет о Слэйде, да. Когда он напустил на меня Грэхема, со мной была моя невеста.

Наступила длительная пауза, после которой Тэггарт сказал уже мягче:

— А с ней… она не…?

— У нее дыра после его пули, — бросил я, не обращая внимания на общественную линию. — Держи Слэйда подальше от меня, Тэггарт.

К нему уже так давно обращались «сэр Дэвид», что, похоже, он вздрогнул от сухого звука своей фамилии и молча проглотил это. Наконец отозвался глухим голосом:

— Значит, ты не согласен на встречу со Слэйдом?

— Нет, даже если бы он прятал в карманах рисовые булочки. Я не верю ему.

— Кого ты мог бы принять?

Я задумался. Прошло уже много времени после моего ухода из Конторы, и я не имел представления о переменах, которые произошли в личном составе.

— Согласишься на Кейса? — спросил он.

Кейс был порядочным парнем. Я знал его и доверял настолько, насколько можно было доверять кому-нибудь в Конторе.

— Хорошо.

— Где ты можешь с ним встретиться? И когда?

Я произвел расчеты, приняв во внимание расстояние и время.

— В Гейсир, в семнадцать, послезавтра.

Он какое-то время молчал. Единственный звук, доходящий до меня и настойчиво ударяющий в перепонки, исходил из помех. Наконец он отозвался:

— Я должен еще буду его вызвать сюда. Передвинь срок на двадцать четыре часа. — И внезапно спросил: — Где ты сейчас?

Я усмехнулся Элин.

— В Исландии.

Даже помехи не могли скрыть злость в голосе Тэггарта. Он гремел сейчас, как бетономешалка.

— Стюарт, я надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что находишься на пути к провалу сверхважной операции. Когда ты встретишься с Кейсом, то сделаешь абсолютно точно все, что я тебе скажу. Ты понял?

— Лучше, чтобы при этом не было Слэйда, иначе наше соглашение недействительно. Ты уберешь своего пса в конуру, Тэггарт?

— Ну, хорошо, — согласился он, помедлив, — я отзову Слэйда в Лондон. Но ты ошибаешься насчет него, Стюарт. Вспомни, как он расправился с Кенникеном в Швеции.

Это прозвучало так неожиданно, что у меня перехватило дыхание. Мрак, прятавший от меня глубины моей памяти, внезапно испарился, и у меня внутри возникло чувство, как от разорвавшейся на тысячи осколков бомбы.

— Мне срочно нужна информация, — быстро сказал я в микрофон. — Я должен ее иметь, чтобы в точности выполнить задание.

— Хорошо. О чем речь? — нетерпеливо спросил он.

— Что у вас есть в картотеках об алкогольных склонностях Кенникена?

— Иди к черту! — прорычал он. — Шуточки шутишь?

— Я должен это знать, — повторил терпеливо.

Я держал Тэггарта в руках и знал об этом. Электронный прибор по-прежнему находился у меня, а Тэггарт не знал, где я нахожусь. Потому вел переговоры с позиции силы и считал, что он не станет сопротивляться, скрывая от меня явно несущественную информацию. Но я ошибался.

— На это нужно время, — начал он. — Позвони мне через час.

— Сейчас уж ты шутишь. Сам так заставлен компьютерами, что электроны выскакивают у тебя из ушей. Тебе достаточно нажать на кнопку, и в течение двух минут получишь ответ. Нажми на кнопку!

— Хорошо, — согласился он, явно сильно разозлившись. — Не клади трубку.

Он имел полное право злиться — не так часто можно услышать приказы от подчиненных.

Наконец я услышал глухой голос Тэггарта.

— Есть! — Помехи усилились, и его голос, казалось, доносился с преисподней. — Что тебя интересует?

— Говори громче, еле тебя слышу. Хочу знать все о его алкогольных склонностях.

Голос Тэггарта стал более отчетливым.

— Кажется, Кенникен ведет скорее пуританский образ жизни. Не пьет, а после вашей последней встречи не интересуется женщинами, — добавил с иронией в голосе. — Похоже, ты лишил его единственной утехи. Лучше берегись…

Последние слова утонули в шуме.

— Что ты сказал? — крикнул я.

Голос Тэггарта пробивался через треск помех и доносился будто с того света.

— … того, что… известно, Кенни… Исландии… он…

Я больше ничего не услышал, но уже и так знал достаточно много. Попробовал вернуть связь, но безуспешно. Элин показала на небо, западную часть которого покрывали клубы черных туч.

— Буря продвигается на восток. Больше ты ничего не добьешься, пока она не пройдет.

Я отложил телефон.

— Я не ошибся в отношении этой дряни, Слэйда.

— Что ты имеешь в виду?

Посмотрел на тучи, которые уже клубились над Дынгюфелл.

— Съедем с дороги, — предложил. — У нас в запасе еще двадцать четыре часа, но будет лучше, если мы отсюда уберемся. Мы должны добраться до Аскья, пока буря не разойдется вовсю.

IV

Большая кальдера вулкана Аскья — прекрасное место, но только не в бурю. Ветер хлестал по водной глади озера, расположенного ниже в кратере. Кто-то, может, сам старый Один, распахнул небо, с которого лились сейчас потоки дождя. Скользкий от дождя вулканический пепел не позволял спуститься к озеру. Мы съехали с дороги и остановились у кратера вулкана.

Мне знакомы люди, впадающие в панику от одной только мысли о возможности оказаться в кратере вулкана. Однако Аскья дал о себе знать последний раз в тысяча девятьсот шестьдесят первом году, и за редкими периодами незначительного оживления, пока помалкивает. Исходя из статистики, мы находились в безопасности. Из желания иметь больше чистого пространства над головой я поднял крышу лендровера. Вскоре уже на колосниках жарилась баранина, яйца шипели на сковороде, а мы удобно сидели в тепле, укрытые от дождя.

Пока Элин готовила яичницу, я проверил наши запасы бензина. Бак вмещал более семидесяти литров, кроме того, восемьдесят было в четырех двадцатилитровых канистрах, которого при хороших дорогах могло хватить на девятьсот километров. Но в Обыггдир нет хороших дорог. Нам еще здорово повезет, если хватит одного литра на три километра. Холмы

и ухабы означают необходимость часто переходить на низкие передачи, что молниеносно съедает горючее, а самая близкая к нам бензозаправка находится далеко на юге. И все-таки я надеялся, что нам хватит бензина доехать до Гейсир.

Элин, словно волшебница, извлекла из холодильника две бутылки пива, и я с удовольствием наполнил наши стаканы. Глядя, как Элин поливает растопленным жиром яйца, я заметил ее бледность и замкнутость.

— Как плечо?

— Одеревенело и очень болит.

Я предчувствовал это.

— После ужина сменю тебе повязку.

Глотнул из стакана и почувствовал острое покалывание холодного пива.

— Я действительно хотел держать тебя подальше от этого, Элин.

Она повернулась ко мне и легко улыбнулась.

— Но тебе не удалось.

Ловким движением переложила яичницу на тарелки.

— Хотя не могу сказать, что мне все это нравится, — добавила она.

— Я не ищу развлечений, — успокоил ее.

Она поставила передо мной тарелку.

— Зачем ты спросил об алкогольных привычках Кенникена? Не вижу никакого смысла.

— Это старая история. Еще очень молодым Кенникен воевал в Испании на стороне республиканцев, а после поражения какое-то время жил во Франции, выступая за Народный фронт. Однако я думаю, что уже тогда он был тайным агентом. Во всяком случае, именно там он приобрел тягу к кальвадосу, яблочному коньяку из Нормандии. У тебя есть соль?

Она подала мне солонку.

— Подозреваю, что у него возникли проблемы с употреблением алкоголя, и он решил перестать пить. Из информации, которой располагает Контора, вытекает, что он сейчас трезвенник. Ты слышала, Тэггарт говорил на эту тему.

Элин принялась нарезать хлеб.

— Я по-прежнему не понимаю, что за этим кроется.

— Сейчас объясню. Как и большинство людей, имеющих проблемы с алкоголем, Кенникен может месяцами не брать стакан в руки, но когда что-то не ладится, возникают трудности, начинает пить до потери сознания. А в нашей работе, слава богу, хватает стрессов. Дело в том, что Кенникен пьет втихаря. Я обнаружил это только тогда, когда мне удалось сблизиться с ним в Швеции. Однажды я заявился неожиданно и нашел его полностью отрубленным кальвадосом. Это единственный напиток, который он пьет. Он был настолько пьян, что сам мне об этом сказал. Я уложил его в постель и тактично вышел. Ни он, ни я больше не возвращались к этому инциденту.

Я взял кусочек хлеба и обмакнул его в желток.

— Выполнив задание и вернувшись в Контору, каждый агент подвергается тщательному допросу группой экспертов. Так произошло и после моего возвращения из Швеции. Но я тогда наделал много шума в связи со смертью Джимми Биркби, и видимо, сеть вопросов оказалась не очень густой, и факт, что Кенникен пьет, не попал в картотеку Конторы. А несколько минут назад убедился, что там по-прежнему нет упоминаний на эту тему.

— И все равно ничего не понимаю, — беспомощно отозвалась она.

— Когда Слэйд появился у меня в Шотландии, он рассказал о ране, нанесенной мной Кенникену. И еще шутил, что Кенникен скорее угостит

меня острым ножом, чем предложит рюмку кальвадоса. Откуда, черт возьми, Слэйд мог знать, что Кенникен пьет кальвадос? В картотеке этого нет, а он сам не приближался даже на сто километров к Кенникену. Мне это долгое время не давало покоя, но сегодня все стало ясно.

Элин вздохнула и заметила:

— Этого очень мало.

— Ты когда-нибудь присутствовала на процессе об убийстве? Иногда даже мелкой детали достаточно, чтобы отправить человека на виселицу. Добавь сюда еще и вот что: перехватив посылку, русские, очевидно, обнаружили, что у них в руках подделка. В этой ситуации логично надеяться, что они примутся искать оригинал, верно? Но посмотри, кто бросился на поиски посылки, да еще с жаждой крови в глазах? Не кто иной, как наш приятель Слэйд.

— Ты пытаешься доказать, что Слэйд — русский шпион, но тебе не удастся. Кто, по сути дела, отвечал за раскрытие сети Кенникена в Швеции?

— Слэйд был мозгом всей операции. Поставил меня в нужное место и потянул за спуск.

Элин пожала плечами.

— Вот именно. Действовал бы русский агент во вред своей стороне?

— Сейчас Слэйд крупная фигура. Стоит сразу за Тэггартом в очень ответственном подразделении британской разведки. Хвастал даже, что иногда обедает с премьер-министром. Как ты думаешь, какое значение могла иметь возможность внедрить своего человека на столь высокий пост? — Элин посмотрела на меня, как на сумасшедшего. Я спокойно продолжал: — Тот, кто все спланировал, рассуждал логично. Слэйд занимает место среди верхушки британской разведки: но как он туда попадает? Ответ прост: разгромив русскую сеть в Швеции. А что для русских важнее: сохранить шведскую сеть, которую, кстати, легко восстановить, или ввести Слэйда в высшее общество? — Я постучал рукояткой ножа по столу. — Во всем этом виден один и тот же извращенный метод: Слэйд вводит меня в группу Кенникена, пожертвовав для этого Биркби, а русские пристроили Слэйда у Тэггарта, отдав на растерзание Кенникена и его группу.

— Но это же нелогично! — воскликнула Элин. — Зачем Слэйду впутываться в историю с Биркби и с тобой, если русские во всем шли ему навстречу?

— Чтобы все выглядело правдоподобно, — возразил я. — Все понимали, что операция будет проанализирована людьми, которые ничего не пропустят, поэтому и речи не могло быть о каких-то притворных действиях. Нужна была настоящая кровь, а не кетчуп. Кровь пролил бедняга Биркби, да и Кенникен немного добавил.

Внезапно мне в голову пришла странная мысль.

— Интересно, знал ли Кенникен, что происходит? Готов биться об заклад, что группу Кенникена убрали без его ведома: бедный дурачок даже не подозревал, что хозяева продали его, чтобы подтолкнуть Слэйда на ступеньку выше. — Я потер подбородок. — Интересно, знает ли он сейчас всю правду?

— Это всего лишь теория, а в жизни все выглядит иначе.

— Да? Боже мой, ты должна хотя бы познакомиться с опубликованными отчетами о шпионаже, и тогда убедишься, что в жизни порой происходят чертовски удивительные вещи. Ты знаешь, почему Блэйку дали сорок два года тюрьмы?

Она отрицательно покачала головой.

— Не читала об этом.

— На бумаге о таких вещах не пишут. Слух, ходивший по Конторе, утверждал, что именно столько наших агентов провалилось по его вине… Я не знаю всей правды, потому что был в другой группе. А представь себе, что мог бы сделать Слэйд?!

— Ты не можешь никому доверять. Что за жизнь!

— Не все так уж и плохо. До определенных границ я доверяю Тэггарту. Доверяю Джеку Кейси, тому, с кем собираюсь встретиться в Гейсир. Но Слэйд — другое дело. Он оказался настолько неосторожным, что совершил две ошибки: во-первых, заговорил о кальвадосе, а во-вторых, сам пришел за посылкой.

Элин иронически рассмеялась.

— Поэтому ты и доверяешь Тэггарту и Кейси, что они не совершили пока, как ты называешь, ошибок?

— Скажем так, — начал я, — мной убит Грэхем, британский агент, и сейчас земля горит у меня под ногами. Единственная возможность выйти невредимым из этой истории — доказать, что Слэйд русский агент. Если мне удастся, я окажусь героем, и все будет забыто. Не скрываю, что искренне ненавижу Слэйда, и это облегчает мне задачу.

— А если ты ошибаешься?

Ответил как только мог решительно:

— Не ошибаюсь!

И надеялся, что это правда.

— Элин, позади долгий тяжелый день, но завтра мы сможем отдохнуть. Давай сменю тебе повязку.

Я старательно наложил последнюю полосу бинта, когда Элин спросила:

— Что ты понял из сказанного Тэггартом перед бурей?

Мне не хотелось даже думать об этом.

— Пожалуй, он хотел сказать, — начал я, осторожно подбирая слова, — что Кенникен находится в Исландии.

Хотя и ощущал усталость после сидения за рулем целый день, но спалось мне плохо. Однако когда рано утром я проснулся и посмотрел на мир, окружающий нас, почувствовал себя лучше. Светило солнце, а в темно-голубых водах озера отражалось безоблачное небо. Поставил воду для кофе и наклонился над Элин, осторожно тронув ее за плечо.

— М-м-м, — пробормотала она и глубже вжалась в спальный мешок. Я снова потормошил — один голубой глаз раскрылся и посмотрел на меня со злостью.

— Прекрати!

— Кофе, — объявил, пододвигая чашку ей под нос.

Она явно ожила и обеими руками схватила чашку. Я взял свой кофе, кофейник с горячей водой и вышел из автомобиля. Поставил на капоте бритвенный прибор и принялся взбивать пену. Уже представил себе, как приятно будет после бритья спуститься к озеру и смыть с себя всю грязь. После поездки через покрытую пылью пустыню Одадахраун я начинал давать себе отчет, как жалко выгляжу, и сама мысль о чистой воде доставила мне несказанное наслаждение.

Смывая с лица остатки пены, я мысленно готовил список дел, которые необходимо выполнить. Самым главным являлось установление контакта с Тэггартом, как только подойдет нужное время, чтобы поймать его в Конторе. Намеревался представить ему детальные доказательства измены Слэйда.

Элин подошла с кофейником.

— Хочешь еще немного?

— Спасибо, — поблагодарил, протягивая чашку. — Кажется, предстоит день безделья.

Я кивнул головой в сторону озера, поблескивающего на дне кратера.

— Нет желания поплавать?

Она сморщилась, показав больное плечо.

— Плавание кролем отпадает, но, может, похлюпаюсь немного с помощью здоровой руки. — Посмотрела на небо и воскликнула с восторгом: — Какой чудесный день!

Внезапно выражение ее лица изменилось.

— Что случилось?

— Нет радиоантенны.

Я быстро обернулся.

— Черт возьми!

Хуже быть не могло. Я взобрался на автомобиль и принялся рассматривать повреждение. Мне стало ясно, как это случилось. На выбоинах пустыни в Исландии можно потерять все, что приварено к автомобилю. Гайки, которые невозможно отвернуть при помощи ключа, сами отворачиваются, шурупы выскакивают, и даже лопаются заклепки. Антенна, раскачивающаяся во все стороны, особенно подвержена риску разрушения. Я знаю геолога, который за месяц потерял три штуки. Нас интересовало только, когда мы могли ее потерять.

Вероятно, это произошло после разговора с Тэггартом, когда мы как угорелые неслись к Аскья, убегая от надвигающейся бури. Ее мог снести сильный порыв ветра.

— Может, она где-нибудь неподалеку. Идем поищем, — предложил я Элин.

Мы еще не сделали ни одного шага, как до меня донесся знакомый звук: шум маленького самолета.

— На землю! — быстро крикнул. — Не двигайся и не поднимай голову.

Мы припали к земле рядом с автомобилем, и в эту минуту над краем кратера вулкана появился легкий низко летящий самолет. Перевалив через стену, он нырнул вглубь кратера слева от нас.

— Что бы ни случилось, не поднимай головы, — предостерег Элин. — Ничто так не бросается в глаза, как белизна лица.

Самолет пролетел над озером и вернулся, совершая полет по спирали, он производил осмотр кратера. Я мог хорошо присмотреться к нему всего лишь с минуту: казалось, это была четырехместная «Сессна». Лендровер стоял среди хаоса скальных валунов, разбросанных под действием льда и воды. Поэтому я надеялся, что он не слишком бросится в глаза, если вокруг него не будет никакого движения.

Элин тихо спросила:

— Ты думаешь, они ищут нас?

— По-видимому, да. Разумеется, может, самолет и выполняет чартерный рейс с туристами на борту, которые как раз пожелали глянуть на Обыггдир с высоты птичьего полета. Однако сейчас еще рановато для такого рода развлечений: до девяти утра туристы не в форме.

Я злился на себя, что упустил из виду возможность такого развития событий. Черт возьми, Слэйд прав: я действительно утратил сноровку. В Обыггдир так мало дорог, что их легко можно контролировать с воздуха и с помощью радио направлять движение по земле. Сам факт, что мой лендровер был одним из немногочисленных автомобилей в Исландии с широким шасси, значительно облегчал им поиск.

Самолет закончил прочесывать кратер и поднялся вверх, взяв курс на северо-запад. Я следил за ним, не трогаясь с места.

— Думаешь, нас заметили? — спросила Элин.

— Не знаю. И перестань задавать вопросы, на которые у меня нет ответов. И не двигайся: они могут вернуться и еще раз осмотреть окрестность.

Я решил подождать еще пять минут. За это время мысленно составил план дальнейших действий. Мечту о купании в озере придется перечеркнуть. Аскья, как и многие закоулки Исландии, находился в стороне, но имел один существенный недостаток: дорога, ведущая к кратеру, являлась ответвлением главного шоссе и заканчивалась тупиком. Достаточно заблокировать выезд из кратера, и никто бы отсюда не выбрался, и уж наверняка с автомобилем. У меня отсутствовали иллюзии о путешествии пешком через Обыггдир — это верная смерть.

— Мы должны как можно быстрее убраться отсюда, — решил я. — На главном шоссе легче выбрать вариант ответа. Сматываемся!

— А что с завтраком?

— Подождет.

— А как же антенна?

Я колебался, нерешительный и злой. Антенна, конечно же, нам нужна, ведь необходимо контактировать с Тэггартом. Если же нас выследили с воздуха, то вполне вероятно, что в сторону Аскья уже мчится автомобиль, заполненный вооруженными до зубов типами. Возможно, антенна свалилась где-то неподалеку, однако с таким же успехом она могла упасть и в миле отсюда.

— Черт с ней! Поехали!

Собрали посуду после кофе и мои бритвенные принадлежности. Не прошло и двух минут, как мы оказались на узкой дороге, выезжая из Аскья. До главного шоссе оставалось десять километров. Я взмок от одной мысли о том, кого мы можем там встретить. Но добравшись до шоссе, вздохнул с облегчением. Везде царило полное спокойствие. Я свернул вправо, направляясь на юг.

Ехали около часа, потом остановились перед развилкой. Слева несла свои воды Йокулса а Феллум, начинающая свой бег недалеко отсюда и ничем не напоминающая сейчас бурлящую силу, какой была в Деттифосс.

— Позавтракаем здесь, — предложил я.

— Почему именно здесь?

Показал на развилку перед нами.

— В этом месте у нас есть возможность тройного выбора: можем вернуться или поехать по одной из двух дорог. Если самолет снова появится и нас увидят, лучше, если это случится именно здесь. Он ведь не сможет висеть в воздухе много времени: подождем, когда улетит, и тогда поедем дальше, а они пусть гадают, куда мы делись.

Элин готовила завтрак, а я занялся карабином Грэхема. Разрядил его и заглянул в ствол, помня о необходимости чистки после выстрела. К счастью, современный порох не дает много копоти, и день проволочки не несет необратимых изменений. Из-за отсутствия оружейного масла я удовлетворился машинным.

Вычистив оружие, занялся боеприпасами. Грэхем заряжал карабин из пачки, вмещающей двадцать пять патронов. Выстрелил один раз, я послал вслед Слэйду три пули, таким образом, остался двадцать один патрон. Поставил прицел на сто метров. Не думаю, что в случае перестрелки буду целиться на большее расстояние. Только киногерои в состоянии ухлопать злодея с пятисот метров, стреляя из неизвестного им оружия.

Уложил карабин в место, откуда мог легко его взять, и перехватил осуждающий взгляд Элин.

— А что, по-твоему, я должен делать? — отозвался, защищаясь. — Бросаться камнями?

— Ведь я ничего не сказала.

— Действительно, не сказала, — согласился. — Спущусь к реке и умоюсь. Позовешь меня, когда будет готов завтрак.

Но сначала я взобрался на небольшой пригорок, откуда открывался хороший вид на окрестности. Ничто нигде не двигалось, куда ни кинь взгляд, а в Исландии можно посмотреть очень далеко. Довольный, спустился к реке, мутные воды которой имели серо-зеленый оттенок, характерный для рек, вытекающих из ледников. Вода оказалась обжигающе холодной, но после первого неприятного ощущения дальше пошло не так уж и плохо. Освежившись, вернулся к машине и с аппетитом принялся за еду.

Элин изучала карту и, увидев меня, спросила:

— Куда поедешь?

— Хочу оказаться между ледниками Хофсйекюдль и Ватнайекюдль, поэтому выбираем левое шоссе.

— Но там одностороннее движение, — сказала она, подавая мне карту.

Действительно. Вдоль прерывистой линии, означавшей дорогу, виднелся нанесенный красной краской суровый приказ: езда только в восточном направлении. Мы же хотели направиться на запад.

Я поморщился. Большинство людей считает, что поскольку Гренландия, которая в действительности покрыта льдом, носит обманчивое название «зеленая земля», то Исландия — «страна льдов», вопреки своему названию имеет мало общего со снегом. Они ошибаются. Тридцать шесть ледовых полей покрывают одну восьмую поверхности этой страны, и только одно из них, Ватнайекюдль, занимает поверхность, равную ледникам Скандинавии и Альп вместе взятых.

Ледяные пустыни Ватнайекюдль лежали точно на юг от нас. Дорога, ведущая в западном направлении, входила в ее ледяное пространство рядом с горным массивом широкого вулкана с названием Тролладывал — Усадьба Троллей. Я никогда не был в той стороне, однако догадывался, почему дорога помечена, как шоссе с односторонним движением: вьется вдоль скал серпантином, что само по себе сжигает нервы, сумасшествием будет умирать со страху перед каждым поворотом, зная, что оттуда может выскочить встречный автомобиль.

Я вздохнул и принялся анализировать другие варианты. Дорога вправо вывела бы нас на север, то есть в направлении, противоположном планируемому. Возвратиться было бы еще худшим решением, так как утроит количество километров, которое мы проехали. География Исландии руководствуется собственной логикой, определяя, что можно, а чего нельзя, и выбор пути, в сущности, ограничен.

— Рискнем, — ознакомил Элин со своим решением. — Выберем кратчайший путь. Можем только надеяться на Бога, что не встретим автомобиль, едущий нам навстречу. Сейчас лишь начало сезона, и у нас есть шансы, что нам повезет, — улыбнулся Элин. — Я уверен, что не появится ни один полицейский, чтобы нас оштрафовать.

— Но и «скорая помощь» не приедет, чтобы забрать нас со дна пропасти.

— Я никогда такого не допущу, ведь езжу очень осторожно.

Элин спустилась к реке, а я еще раз поднялся на пригорок. Везде царило спокойствие. На дороге, ведущей к Аскья, не поднималось ни облачка пыли, сигнализирующее появление преследующей нас машины, в небе

не рыскал ни один таинственный самолет. Внезапно подумал: не дал ли я случайно волю фантазии — может, скрываюсь от чего-то, что вообще не существует?

«Виновные бегут туда, где их никто не преследует». А я был виновен, как сто чертей! Оставил у себя посылку Слэйда, движимый лишь интуицией, предчувствием, которому Тэггарт не хотел верить. К тому же, убил Грэхема! Контора уже осудила меня, признала виновным и вынесла приговор. Интересно, как поведет себя Джек Кейс, когда мы встретимся в Гейсир?

Элин вернулась к лендроверу, поэтому я бросил последний взгляд на местность и спустился к ней. Волосы у нее были еще влажные, а из-за полотенца, которым она энергично растирала лицо, высвечивали розовые щечки. Я подождал, когда она закончит, и заметил:

— Сейчас ты замешана во все, как и я, поэтому у тебя полное право голоса. Что, по-твоему, я должен делать?

Она опустила полотенце и задумчиво глянула на меня.

— Я сделаю то же, что и ты. Ты составил план. Встречайся с тем парнем в Гейсир и отдай ему то… то, что-то.

Я кивнул.

— Хорошо, а если кто-нибудь захочет нам помешать?

Она помедлила.

— Если это будет Слэйд — отдай ему посылку. А если Кенникен… — она запнулась и опустила голову.

Я знал, что ее мучит. Если бы на моем пути встал Слэйд, я бы отдал ему посылку и мог надеяться, что останусь жив. Кенникен, в свою очередь, посылкой бы не удовлетворился: он желал моей головы.

— Итак, если окажется Кенникен, что, по-твоему, я должен сделать?

Она выглядела сейчас так, словно все силы оставили ее.

— Думаю, что вынужден будешь вступить в борьбу с оружием в руках. Будешь вынужден убить его.

В ее голосе звучала настоящая тревога. Я взял ее за плечо.

— Элин, я не убиваю людей направо и налево. Я не психопат. Обещаю тебе, что не пролью ни капли крови, лишь в самообороне, если появится угроза моей или твоей жизни.

— Прости меня, Алан, но все это для меня абсолютно чуждо. Передо мной никогда не стояли такие проблемы.

Показал ей на ближайший пригорок.

— Знаешь, сидя там, я немного обо всем подумал, и мне пришло в голову, что, может, заблуждаюсь, может, грубо ошибся в оценке людей и обстоятельств?

— Нет! — решительно возразила она. — Твои обвинения в адрес Слэйда имеют очень серьезные основания.

— И несмотря на это, ты хочешь, чтобы я отдал им посылку?

— А что она для меня значит? — крикнула девушка. — Или для тебя? Отдай ему ее, как только наступит подходящий момент, и начнем снова жить нашей собственной жизнью.

— Я очень этого хочу. Но кто-то может нам помешать, — посмотрел на солнце, поднявшееся уже довольно высоко. — Пора двигаться.

Приближаясь к развилке, заметил хмурую мину Элин и вздохнул.

Я прекрасно понимал ее точку зрения, которую разделил бы любой исландец. К далекому прошлому относятся времена, когда викинги представляли угрозу Европе. И для сегодняшних исландцев, живущих в изоляции, дела остального мира представляются чужими и далекими.

Единственная борьба, которую они вели, касалась политической независимости от Дании, которая была достигнута путем мирных переговоров.

Разумеется, они не настолько изолированы, чтобы их хозяйство оказалось оторванным от мировой торговли, по правде говоря, скорее наоборот. Торговля, однако, это все же торговля, война же, безразлично, тайная или явная, занятие для сумасшедших, а не для серьезных, трезво мыслящих исландцев. Они так глубоко убеждены, что никто не покусится на их страну, что вообще не имеют вооруженных сил. Кстати, если уж сами исландцы, обогащенные тысячелетним опытом, могут с большим трудом зарабатывать себе на жизнь, то кому придет в голову покушаться на их страну?

Жители Исландии — миролюбивые люди, никогда не переживали войну. Поэтому я не удивился, что афера, в которую я вляпался, в глазах Элин выглядела грязной и отвратительной. К тому же я сам был не без греха.

Дорога оказалась ужасной. Плохая уже от самой стоянки у реки, она ухудшалась с каждой минутой езды. Я перешел на первую скорость и включил передний мост. Дорога извивалась между обрывами и поворачивала назад так часто, что создавалось впечатление, будто я утыкаюсь в кузов собственной машины. Поскольку на дороге мог поместиться лишь один автомобиль, я осторожно высовывался из-за очередного поворота, молясь в душе, чтобы другой не выехал навстречу. Затем начали осыпаться каменные россыпи, и я почувствовал, что задние колеса скользят в сторону отвесной стены. Увеличил обороты двигателя и не терял надежды; передние ведущие колеса зацепили твердый грунт, и вынесли нас на безопасное место. Когда остановился на относительно ровном отрезке дороги и снял руки с руля, то увидел, что они все мокрые от пота. Вытер их насухо.

— Чертовски рискованно, — выдавил из себя.

— Может, я немного поведу? — предложила Элин.

Я отрицательно покачал головой.

— Не с твоей рукой. К тому же речь идет не только об управлении машиной, а скорее о непрерывном страхе и напряжении, ожидании за очередным поворотом встречного автомобиля, — я посмотрел вниз, на дно скального ущелья. — Тогда одному из нас пришлось бы сдать назад, что здесь невыполнимо.

Так представлялась наиболее благоприятная картинка; о той, худшей, предпочитал не думать. Ничего удивительного: ведь дорога обозначена как шоссе с односторонним движением.

— Я могла бы пойти впереди, — предложила Элин.— Проверяла бы каждый поворот и была бы твоим штурманом.

— Это заняло бы целый день, — не согласился я. — А перед нами еще порядочное расстояние.

Она показала большим пальцем вниз.

— Пожалуй, это лучше, чем оказаться там. Мы и так не продвигаемся быстрее, чем пешком. На прямых отрезках я бы устраивалась на бампере, а перед поворотом выходила вперед.

Мысль мне пришлась не особо по душе, хотя не мог не признать ее положительные стороны.

— Твое плечо снова заболит, — предупредил ее.

— Но ведь я могу действовать здоровой рукой, — нетерпеливо ответила она и открыла дверцу, чтобы выйти.

Когда-то в Англии существовал закон, по которому перед каждой механической повозкой на общественной дороге должен был находиться пешеход с красным флажком, предупреждая неосторожных граждан об опасности, исходящей от несущейся прямо на них адской машины. Я даже

не предполагал, что когда-нибудь окажусь в подобной ситуации, но таковы шаги прогресса.

Элин заняла место на бампере и соскакивала перед очередным поворотом. Уменьшить скорость не представляло трудности, даже тогда, когда мы находились на спуске, достаточно снять ногу с педали газа. Я передвигался на первой передаче, что для лендровера крайне необычно. Мощность двигателя возрастала многократно. Использовать мотор в девяносто пять лошадиных сил для передвижения со скоростью пятнадцать километров в час стоило большого количества горючего.

С величайшей осторожностью с помощью Элин я преодолевал очередной поворот, она вскакивала на бампер, и уже вместе доезжали до очередного поворота. Казалось, что так передвигаться будем очень медленно, однако, похоже, мы показывали лучшее время, чем раньше. И так, двигаясь перебежками, мы преодолели приличный отрезок трассы, когда я обратил внимание на непонятное поведение Элин: она остановилась как вкопанная и показывала на что-то поднятой рукой. Мой взгляд, однако, не отрывался от шоссе, а она указывала на небо. Девушка быстро подбежала к лендроверу, пока я безуспешно ворочал шеей, пытаясь увидеть то, что заметила она.

Над вулканом показался похожий на кузнечика вертолет. Его винты напоминали в лучах солнца вращающийся щит. Лучи отражались от стеклянной кабины, форму которой проектировщики выдумали по критериям, известным только им. Я летал на таких машинах много раз и почувствовал на собственной шкуре, что в солнечный день человек в кабине ощущает себя, словно помидор в теплице.

Но не это занимало сейчас: я увидел, что Элин появилась с внешней стороны автомобиля, ничем не защищенная.

— Перейди на другую сторону, — крикнул я, — и спрячься!

Сам нырнул из автомобиля со стороны скальной стены. Элин присоединилась ко мне.

— Могут быть неприятности?

— Возможно.

Я придержал дверь и взял карабин.

— Пока не появился ни один автомобиль, зато уже вторая летающая машина явно нами интересуется. Это довольно странно.

Я выглянул из-за лендровера, спрятав оружие. Вертолет по-прежнему летел в нашем направлении, одновременно снижаясь. Когда он оказался совсем близко, задрал нос и, балансируя в воздухе, завис без движения на расстоянии ста метров. Затем начал спускаться вниз подобно лифту, пока не оказался на одном уровне с нами.

Меня прошиб холодный пот. Я схватил карабин. Сидя на скальном выступе, мы были выставлены, будто утки на стрельбище, а нашей единственной защитой от пуль оказался лендровер. Это солидная машина, но в эту минуту я пожалел, что рядом не броневик. Вертолет покачивался в разные стороны, осматривая нас с интересом, но ни один человек не показался. Только солнечные лучи отражались от стеклянной кабины пилота.

Корпус машины начал медленно поворачиваться, пока не стал параллельно нам. Я глубоко вздохнул с облегчением: вдоль корпуса шло нанесенное крупными буквами одно слово: NAVY. Успокоившись, отложил карабин и вышел из укрытия. Если и существовало какое-нибудь место, где Кенникен не мог оказаться, то это борт вертолета «Сикорский LH-34», принадлежащий американскому военно-морскому флоту.

Дал знак Элин.

— Все в порядке, можешь выйти.

Она присоединилась ко мне, мы с интересом наблюдали, что же произойдет дальше. Открылась боковая дверь, и показался человек из экипажа с белой каской на голове. Высунулся, держась одной рукой, а другой описал в воздухе круг, прикладывая затем ладонь к уху. Он повторил этот жест два или три раза, пока я понял, что он хочет.

— Показывает, чтобы мы подошли к телефону, — объяснил Элин, — жаль, что это невозможно.

Я поднялся на крышу лендровера и выразительным жестом указал на пустое место от антенны. Он сразу понял, что произошло, помахал нам рукой и скрылся в кабине. Дверь закрылась. В течение нескольких секунд вертолет, отклонившись назад, начал набирать высоту, поворачивая корпус в юго-западном направлении, после чего удалился, сопровождаемый затихающим гулом.

Взглянул на Элин.

— Чего они хотели?

— Смахивало на то, что хотели с тобой поговорить. Может, совершат посадку где-нибудь дальше на дороге и там подождут.

— Да, конечно, здесь посадка невозможна. Может, ты и права. Во всяком случае, я бы не возражал полететь с удобствами в Кеблавик.

Посмотрел вслед исчезнувшему вертолету.

— Но мне никто не говорил, что американцы тоже принимают в этом участие.

Элин искоса глянула на меня.

— В чем?

— Не знаю, черт возьми! Самому дьявольски интересно.

Взял карабин.

— Поехали дальше.

И мы двинулись в путь по этой самой худшей из дорог. Она извивалась, поднималась и опускалась, хотя в основном вела вниз. Наконец, преодолев последний подъем, мы оказались на краю ледника Ватнайекюдль, в непосредственной близости от ледяного панциря. Нас ожидал еще один отвратительный отрезок, когда пришлось преодолевать полосу вулканической лавы, но потом дорога стала гораздо удобней, и Элин смогла, наконец, занять место в машине.

Я обернулся и бросил последний взгляд на трассу, оставшуюся позади. Хорошо, что день выдался ясным и солнечным, при дожде и тумане я не смог бы проделать столь головоломный путь. Сверился с картой, убедился, что опасный отрезок с односторонним движением мы уже преодолели, и выдохнул с облегчением.

Элин выглядела уставшей. На ее лице отразились все труды долгого марша по пересеченной местности, который к тому же прерывался необходимостью то запрыгивать на бампер автомобиля, то соскакивать с него. Посмотрел на часы. Пора подумать об отдыхе.

— Нам пойдет на пользу, если что-нибудь перекусим. Я с удовольствием выпью горячего кофе. Давай сделаем маленькую остановку.

В этот момент я совершил ошибку, в чем мне пришлось убедиться через два с половиной часа. Отдых с импровизированным обедом занял у нас час, после чего двинулись дальше. Через полтора часа езды добрались до берега взбухшей реки. Я остановился у самой воды, в месте, где дорога уходила в реку, и вышел осмотреть новую преграду.

Изучил примерно глубину реки по сухим камням на берегу.

— Вот уж божья кара. Все еще поднимается. Если бы не остановились час назад, могли бы уже быть на той стороне. Сейчас я не уверен, удастся ли нам.

Элин посмотрела на карту.

— Куда планируешь доехать? Разумеется, я имею в виду сегодня.

— Хотел бы добраться до главного шоссе на Сиренгисандур. Это, похоже, достаточно ухоженная дорога, и оказавшись на ней, мы должны без труда добраться до Гейсир.

Элин замерила расстояние.

— Шестьдесят километров, — объявила и замолчала.

Заметил, что шевелит губами.

— В чем дело?

Она подняла голову.

— Я считала. Прежде чем доберемся до шоссе на Сиренгисандур, на отрезке в шестьдесят километров нам придется преодолеть шестнадцать рек.

— О Боже! — воскликнул я.

Во время моих прежних путешествий по Исландии не было особой необходимости куда-то спешить. Никогда не считал рек на своем пути — если попадал на разлив, который нельзя преодолеть вброд, попросту разбивал бивак и спокойно ждал, пока уровень воды спадет. Но ситуация изменилась.

— Мы должны подождать здесь, — заметила Элин.

Глядя на реку, я отдавал себе отчет, что решение следует принимать незамедлительно.

— Пожалуй, все-таки попробуем переправиться, — решил.

Спутница смотрела на меня с удивлением.

— Но зачем? Ведь и так с переправой на других реках придется подождать до утра.

Я бросил камешек в реку. Не заметил кругов на поверхности: если они и появились, быстрое течение тут же стерло их.

— «По боли в пальцах чувствую, как готовится что-то плохое», — процитировал я. Обернулся и показал на дорогу позади нас. — И думаю, неприятности придут оттуда. Если уж мы должны остановиться, то лучше где-нибудь на той стороне реки.

Элин с сомнением посмотрела на бурный поток.

— Это опасно.

— Однако возможно. Оставаясь здесь, мы подвергаемся еще большей опасности.

Я не мог избавиться от тревоги, которая, возможно, вызывалась инстинктивным страхом оказаться в месте, откуда нет возможности убежать. Тот же страх явился причиной побега из Аскьи, и тот же подсознательный испуг подталкивал меня сейчас к попытке переправы через реку. А может, просто заострилось тактическое мышление, затупившееся после долгой спячки.

— Через пятнадцать минут будет хуже, — сказал. — Поехали.

Я хотел еще убедиться, что место, где дорога входит в реку, лучшее место для переправы. Учитывая глубину и обрывистый берег, более подходящего места не нашлось. Поэтому сконцентрировался на броде, надеясь, что дно окажется достаточно твердым.

Включил первую скорость и медленно въехал в воду. Быстрое течение забурлило вокруг колес автомобиля и начало бить волнами в кабину. Посредине река была гораздо глубже, и я боялся, что вода начнет проникать в кабину через щели под дверцами лендровера. Что еще хуже, напор воды оказался таким мощным, что лендровер приподняло и, к моему ужасу, начало смывать вбок, угрожая унести его по течению.

Я выжал педаль акселератора до отказа, выруливая на пологий берег. Передние колеса вошли в речной грунт, однако тыльная часть лендровера всплыла, поэтому к берегу мы добрались боком. Наконец выбрались на поросший мхом лавовый пригорок; вода стекала с нас, как с лохматого пса после купания.

Сейчас снова двинулись в сторону шоссе. Нас болтало на выбоинах лавовой поверхности, пока, наконец, не оказались на сравнительно ровном месте. Я выключил мотор и посмотрел на Элин.

— Мне кажется, что сегодня не сможем преодолеть еще одну такую реку. Эта уже показала свой норов. Счастье в несчастье: хорошо, что наш лендровер с передними ведущими колесами.

— Это был ничем не оправданный риск, — заявила побледневшая Элин. — Нас могло унести по течению.

— Но не унесло, — парировал я и завел мотор. — Как далеко до следующей реки? Там остановимся, а утром начнем переправляться.

Она заглянула в карту.

— Около двух километров.

Мы поехали дальше и добрались до реки номер два, которая тоже впитала в себя воды тающего на солнце ледника Ватнайекюдль. Я свернул в скальный лабиринт, где, руководствуясь здравым смыслом тактики, предусмотрительно припарковался. Таким образом, я оказался скрытым как со стороны дороги, так и со стороны реки.

Разозлился. Еще не вечер, и если бы не проклятые реки, могли бы еще несколько часов использовать на передвижение. Сейчас же, однако, не оставалось ничего иного, как ждать следующего дня, когда спадет вода.

— Ты выглядишь уставшей, — обратился я к Элин. — Позади тяжелый день.

Выбираясь из кабины, она неохотно кивнула. Заметно старалась поменьше действовать правой рукой.

— Как твое плечо?

Она сморщилась.

— Все затекло.

— Я должен его посмотреть.

Поднял складной верх лендровера и поставил кипятить воду. Элин присела, пытаясь снять свитер, что далось ей с трудом, так как не могла поднять правую руку. Помог ей, и хоть старался все делать очень деликатно, застонала от боли. Она хорошо сделала, не надев лифчик, бретелька впилась бы ей прямо в рану.

Снял перевязку и осмотрел плечо. Рана выглядела болезненной и покрасневшей, однако признаки заражения отсутствовали.

— Я тебя предупреждал, что со временем рана даст о себе знать. Такая царапина может быть чертовски болезненной. Можешь не скрывать боль передо мной: сам хорошо знаю, как оно на самом деле.

Девушка скрестила руки на груди.

— Тебя тоже царапнуло?

— Пуля задела ребра, — ответил я, наполняя стакан теплой водой.

— Ага, вот откуда у тебя шрам!

— У тебя похуже, ведь рана проходит через мышцу, а ты ее все время напрягаешь. Должна носить руку на перевязи. Пойду, может, что-нибудь найду.

Я промыл рану, наложил новую повязку, пропитанную лекарствами, и помог ей одеть свитер.

— Где твой шарфик? — спросил. — Тот, новый шерстяной?

— В ящичке, — показала она.

— Ну вот, есть и подвязка.

Достал шарф и приладил его, сделав руку максимально неподвижной.

— Сейчас посиди здесь и посмотри, как я готовлю ужин.

Решил, что пора открыть наши лакомства, небольшое количество которых держали на всякий случай. Настроение было дрянное, а ничто так не улучшает самочувствия, как первоклассная еда. Не знаю, представляют ли господа Фортнум и Месон, сколько они доставляют удовольствия в дальних странах, но после супа с устрицами, запеченных целиком перепелок и маринованных груш в коньяке я чувствовал себя обязанным выслать им письмо с благодарностью.

Во время еды на щеках Элин появился румянец. Я настаивал, чтобы она ничего не делала правой рукой. К счастью, такая необходимость не возникла. Темное нежное мясо легко отделялось от костей при одном прикосновении вилки, и Элин без труда с ним справилась. Я приготовил кофе, в который добавил бренди, хранимый для лечебных целей.

— Совсем как раньше, Алан! — вздохнула она, попивая кофе.

— Да, — лениво признался я, — но сейчас лучше ложись спать. Выезжаем ранним утром.

По моим подсчетам, в три уже должно быть светло, а вода опустится на самый низкий уровень. Я наклонился за биноклем.

— Куда ты идешь? — спросила.

— Немного осмотрюсь. А ты иди спать.

Она сонно заморгала.

— Я действительно устала, — призналась.

И ничего удивительного. В пути мы находились уже давно, а трясучка по выбоинам Обыггдир доставляла мало удовольствия; мы пересчитали, пожалуй, все проклятые кочки, которых на дороге хватало.

— Ложись, — повторил я. — Сейчас вернусь.

Повесил бинокль на шею, открыл заднюю дверь и соскочил на землю. Хотел уже уходить, но ведомый инстинктом, вернулся к автомобилю и взял карабин. Элин, похоже, ничего не заметила.

Сначала бросил взгляд на реку, через которую предстояло переправляться. Все еще неслась бурным потоком, хотя, судя по мокрым камням, выступающим на поверхности, уровень воды начал падать.

На рассвете переправа не должна быть трудной. Мы обязаны также успеть переправиться через оставшиеся реки, пока снова не помешают набухшие воды.

Перебросил карабин на плечо и двинулся к отдаленной на два километра реке, через которую мы недавно с таким трудом перебрались. Шел с максимальной осторожностью, хотя вокруг царило полное спокойствие. Река шумела монотонно, и я не заметил вокруг никаких причин для беспокойства. Просмотрел в бинокль ближайшие окрестности, после чего сел, опираясь спиной на заросший мхом камень. Закурил и задумался.

Меня беспокоило плечо Элин, что не означало, будто его состояние вызывало особую тревогу. Однако врач занялся бы им значительно лучше, чем я. Кроме того, тряска по ухабистой пустыне наверняка не способствовала улучшению. Пожалуй, трудно будет объяснить врачу, откуда у девушки появилась без сомнения огнестрельная рана, но что ж, случается всякое. Как-нибудь выберемся из этой ситуации, придумав правдоподобную историю.

Так я просидел несколько часов, покуривая, размышляя и разглядывая волны реки, но не придумал ничего, разве что начало шуметь в голове. Появление американского вертолета явилось совершенно новым эле-

ментом головоломки, который я никак не мог никуда поставить. Глянул на часы — больше девяти. Я присыпал окурки, взял карабин и собрался уходить.

Поднимаясь с земли, заметил что-то, за одну секунду заморозившее меня: вдали за рекой появился столб пыли. Я отложил карабин, схватил бинокль и увидел точку двигающейся машины, за которой тянулся шлейф пыли, как полоса за самолетом. Я огляделся. Поблизости не нашлось естественного укрытия, лишь на расстоянии двухсот метров от реки возвышался гребень застывшей лавы. Побежал, чтобы там укрыться.

Машина оказалась джипом — «Виллисом», который по-своему отвечает здешним условиям, как и мой лендровер. Подъезжая к реке, он притормозил, осторожно приблизился и остановился на берегу. Ночную тишину не нарушал ни один звук, поэтому отчетливо расслышал лязг ручки открываемой дверцы.

Из автомобиля вышел мужчина и подошел посмотреть на воду. Через минуту повернулся и что-то сказал водителю. Я не слышал слов, однако понял, что он говорил ни по-английски, ни по-исландски.

Он говорил по-русски.

Водитель тоже вышел, посмотрел на реку и покачал головой. Вскоре на берегу появились еще двое мужчин, и вся четверка, казалось, вела между собой спор. Подъехал еще один джип, и его экипаж тоже присоединился к оживленной дискуссии. Сейчас их было восемь человек, два полных джипа. Один из них, тот, который жестикулировал больше всех и выглядел руководителем, показался мне знакомым.

Я поднес к глазам бинокль и отчетливо увидел его лицо в угасающем свете дня. Элин ошиблась. Решение о переправе через реку не было неоправданным риском, это доказывало лицо у меня перед глазами. Знакомый шрам тянулся от правой брови до уголка рта, серые, как и раньше, глаза смотрели твердо, словно камень. Лишь коротко подстриженные волосы поседели и не были столь черны, как когда-то, да под заплывшим лицом начал формироваться второй подбородок.

Кенникен и я постарели на четыре года, однако, похоже, я сохранился лучше, чем он.

Предисловие и перевод с польского Владимира КУКУНИ.

Продолжение следует.

Творческая лаборатория

Ирина ХОРСУН

Кому писал Шекспир сонеты?

Новая концепция поиска героя и адресата сонетного цикла

2016 год был объявлен годом языка и литературы в Великобритании и России. Его центральная тема — 400-летие со дня смерти Уильяма Шекспира. Два разных юбилея масштабно отметил весь мир за последние два года — 450 лет со дня рождения и 400 лет со дня смерти великого и неподражаемого Шекспира. Это событие широко освещали на государственном уровне не только в Великобритании, но и в России, Польше, Германии, Франции, США, Японии и Китае. Театральные постановки шекспировских пьес, короткометражные фильмы, музыкальные трибьюты, дни литературы в школах, конкурсы, конференции посвящены творчеству до сих пор актуального и востребованного поэта и драматурга. Появляются новые книги и научные исследования, десятки литературоведов по-новому прочитывают неиссякаемое наследие великого поэта и драматурга. Мы также предлагаем ознакомиться с нашим видением поэтического творчества Шекспира и новой концепцией понимания адресата и героев сонетов великого англичанина. Попробуем по-новому раскрыть суть образов смуглой леди, светловолосого друга и самого автора.

С именем каждой великой личности связаны различные легенды, мифы. И У. Шекспир — не исключение. Даже считается, что Шекспир вовсе не был Шекспиром. «Настоящим» Шекспиром в разные времена называли самых разных исторических личностей и писателей. Одно из последних мнений высказал современный исследователь Джон Хадсон (*John Hudson*) в книге «Shakespeare's Dark Lady» («Смуглая леди Шекспира»). Он приводит доказательства тому, что под именем Шекспира выступала поэтесса Амелия Бассано (*Emilia Bassano*), которая получила прекрасное образование и могла иметь представление о разных науках и отраслях искусства, что отражено в пьесах Шекспира. Исследователь нашел много схожих моментов в творчестве Шекспира и Бассано не только с точки зрения идей, но и в поэтико-стилистической и лексической сферах. Согласимся, что даже такая экстравагантная теория имеет право на существование. Хотя на сегодня насчитывается около двух миллионов работ, посвященных У. Шекспиру, а творчество Амелии Бассано заинтересовало не более двухсот литературоведов.

Наследие Шекспира — это прежде всего прекрасные пьесы и сонеты, которые навечно остались в памяти человечества. Поэтому некоторые авторитетные исследователи считают, что биографические обстоятельства, реальное имя человека, который их создал, не имеют сейчас, по прошествии веков, абсолютно никакого значения. Уолт Уитмен, Генри Джеймс, Зигмунд Фрейд, Поль Валери высказывали мнение, что спор об авторстве Шекспира самый абсурдный эпизод в истории мировой литературы.

Шекспировские сонеты — один из самых известных образцов мировой любовной лирики. Именно этим и объясняется интерес к личности автора. Истинная поэзия всегда искренняя, поэтому в сонетах Шекспира великие поэты разных эпох и народов (Вордсворт, Гёте, Гейне, Гюго, Китс, Колридж, Пастернак, Франко, Купала) находили этому подтверждение. Шекспир любил, как любили гениальные поэты эпохи Возрождения. Как Данте, Петрарка... Любовь для Шекспира — всеобъемлющее чувство красоты, природы, времени, мироздания в целом. Однако более возвышенного представления о любви, чем у Шекспира, трудно найти у других поэтов. «Его любовь была бесконечной! Как его душа, как поэзия» (П. Киле).

Стремление «заглянуть» в душу гения влекло к шекспировскому сонетному циклу многих исследователей: до сих пор продолжаются споры: кому посвящено первое издание «Сонетов»? Кому адресованы их «мужская» и «женская» части? Кто был поэтом-соперником и кем на самом деле являлся Шекспир?

Существуют вариативные ответы на эти вопросы, но необходима систематизация и критическая оценка предложенных вариантов, на основании чего и происходит структурированное деление сонетов на группы, а также решается вопрос адресата. Эта проблема — самый острый аспект и направление, в котором критики и исследователи поэтического наследия Шекспира не останавливают свои поиски. Проблема перевода шекспировских сонетов важна в той степени, в которой ее реализация может помочь и в понимании особенностей поэтики Шекспира, и в получении ответов на выше отмеченные вопросы, — считал Вл. Козаровецкий.

В английском языке нет грамматической категории рода, поэтому во многих сонетах трудно однозначно определить, кому посвящено или адресовано произведение. Шекспироведы говорят, что в оригинале первые 126 сонетов обращены к другу, остальные — к любимой. Кроме неточности данного деления здесь как раз игнорируются такие особенности английского языка, как категория рода (ее отсутствие), чем пользовался поэт, обращаясь к любимой «*моя любовь*», «*милый друг*», что наблюдается у русских переводчиков, которые исходят из конкретного содержания сонетов (в русской литературе обращение к женщине «*милый друг*» встречается в стихотворениях и письмах А. С. Пушкина).

Усложняет определение адресата и тот факт, что есть сонеты, посвященные самому себе (уникальное явление в мировой практике!). Так, в сонете 25 Шекспир пишет:

Then happy I, that love and am beloved
Where I may not remove nor be removed.

Как раз на это и акцентирует внимание С. Маршак, самый прославленный переводчик Шекспира на русский язык:

Но нет угрозы титулам моим
Пожизненным: любил, люблю, любим.

Солидарен с ним В. Дубовка, переведший все сонеты великого поэта на белорусский язык.

Маіх заслуг ніхто ніяк не здыме:
Любіў, люблю і буду век любімы.

О том, что выше отмеченная классификация неверна, свидетельствуют и сонеты, которые исследователи не выделяют, чтобы не нарушить надуманную конструкцию; между тем, в сонетах можно увидеть, как Шекспир предвидит судьбу графа Саутгемптона, который восхищался графом Эссекса и в конце концов втянулся в его интриги при дворе. Стремясь к самоопределению в среде аристократов, Шекспир предсказывает и свою судьбу. Любовь для поэта — источник счастья и вдохновения, а его честь, т. е. то, что он называет своим жизненным титулом, переходит с ним в вечность.

Сонеты, посвященные графу Саутгемптону и юному другу, имеют существенное отличие: первому пора жениться, и он может повторить свою красоту в сыне, другой еще слишком молод, чтобы давать ему такие советы. Поэтому у поэта одна надежда — *захаваць сваю прыгажосць* в стихотворениях. Но через несколько лет юный друг вступит в возраст, когда ему нужно жениться, и снова появятся сонеты о браке, в которых проступает его характер, отличающийся от характера графа Саутгемптона.

В сонетах и поэмах Шекспир перешел не просто к новым жанрам, а и в новую сферу жизни, в мир аристократии, где на актеров смотрят, как на прислугу, а поэт — может стать другом своего опекуна графа Саутгемптона. Сонеты появились именно потому, что его друг и любимая были из другого мира, где Шекспир хотел быть именно поэтом, а не актером или драматургом. Поэт — это титул, который ставит Шекспира на одну ступень рядом с его высокородными друзьями.

Среди многочисленных способов классифицировать сонеты и разделить их на группы известен и метод, с помощью которого объединены вместе так называемые «*gross sonnets*», т. е. грубые, вульгарные. К ним почти всегда относят сонеты 3-й, 20-й, 151-й [2, с. 415]. Mr. Lee выделяет около 20 сонетов Шекспира (23, 26, 32, 37, 38, 69, 77—86, 100, 101, 103 и 106), посвященных его покровителю графу Саутгемптону.

Семнадцать сонетов реализуют в различных вариациях одну и ту же тему, однако они распадаются по тональности на две группы: в первую входят выдержанные в спокойном тоне произведения общего содержания: начальные сонеты (2, 3, 5, 6, 7, 9, 11, 12, 14, 16, 17), посвященные графу Саутгемптону и не могли звучать по-другому. Вторую составляют сонеты, которые контрастно и выразительно создают портрет Уильяма Герберта (юного друга) — им поэт буквально гордится, и смуглой леди с ее изменой (1, 4, 8, 10, 13). Неслучайно почти весь XVIII век, а значит и XVII век, большинство сонетов Шекспира воспринимались как посвящение любимой поэта.

Известный исследователь Шекспира А. Аникст в предисловии к изданию сонетов Шекспира в переводе С. Маршака писал, что первые 126 сонетов посвящены мужчине, остальные — женщине. Однако из этих 126 произведений С. Маршак больше 20 переводит как обращенные к смуглой леди. Это соответствует их содержанию, однако в английском языке определить, кто адресат — мужчина или женщина, нельзя, из-за упомянутого выше отсутствия категории рода.

Другой русский шекспировед Петр Киле различает двух адресатов сонетов: кроме смуглой леди это друг-покровитель поэта, которому пора жениться, и юный друг, с которым поэта предала любимая.

Владимир Козаровецкий утверждает, что определение адресата при переводе первой группы (1—126) необходимо сохранять. Каждый сонет у Шекспира — законченное самостоятельное стихотворение (даже в тех нескольких случаях, когда три сонета — 66, 67 и 68; 91, 92 и 93 — или два, следующие один за другим, связанные между собой интонацией продолже-

ния темы). Первые 126 стихотворений образуют в совокупности отдельный цикл со своим сюжетом. Иначе разрушается восприятие цикла как целого.

Выход из этого противоречия есть, и он подсказан многими из уже существующих переводов: при переводе первой группы сонетов нужно передавать двойной адресат везде, где это допускает английский текст.

Американский шекспировед Рольф (*W.J. Rolfe*), рассуждая над проблемой адресата сонетов всего цикла, выделяет отдельные произведения в обеих группах, которые не адресованы смуглой леди, например, сонет 129-й, или юноше (97-й, 98-й, 99-й). Рассматривая 99-й сонет, он утверждает, что даже в елизаветинские времена, когда экстравагантные восхваления мужской красоты были широко распространенными, не было поэтов, которые восхищались «*подыхам кахання*» или белизной «*лілей*» рук. От начала до конца сладость и красота, описанная в сонетах, безошибочно женская. Аргументируя свои наблюдения, Рольф проводит параллель образов лилейных рук (*Lily's leaves, her white hands*) и сладкого дыхания (*her sweet breath*) в сонетах других поэтов елизаветинских времен, посвященных женщинам, однако ни одного, посвященного мужчине. В качестве примера — сонет Генри Констебля *«My **Lady's** presence…»*.

Подобного вывода придерживаются и некоторые польские исследователи сонетов Шекспира, которые считают, что автор страдает вследствие разлуки с *tajemniczym miodzieccem.*

Белорусские переводчики не делили свои произведения в зависимости от адресата. Однако это деление на интуитивном уровне ими передается. Так, 36 сонетов из первой группы (1—126) В. Дубовка адресует мужчине, 22 — женщине, адресат остальных не имеет категоричного определения. 19 сонетов второй группы (127—152) посвящены женщине, но полностью отсутствуют сонеты, посвященные другу. Е. Семежон также придерживается вышеупомянутого тематического деления сонетного цикла и в своих переводах: 130-й сонет посвящает женщине, адресатом 23-го, 65-го и 91-го сонетов может быть как мужчина, так и женщина. Ю. Гаврук перевел сонеты только первой группы (23-й, 65-й, 87-й, 89-й, 90-й, 109-й), в которых 87-й (*надта дарагая, абяцала, дала, незадаволена*), 89-й (*ты не пакрыўдзіш, любая, мяне*) и 90-й (*надумала*) безусловно посвящены женщине. Сонеты, выделенные Р. Бородулиным, (66-й, 90-й, 130-й) не противоречат тематическому делению, как и переводы, выполненные современными переводчиками.

На протяжении 400 лет после смерти У. Шекспира появились сотни работ, в которых рассматриваются вопросы деления цикла согласно адресату. Однако ни одна из концепций не предпринимается без определенных замечаний и уточнений, споров. В связи с этим хочу набраться смелости и предложить новую концепцию определения адресата и героя сонетного цикла Шекспира. Считаю, что великий философ всех времен и народов У. Шекспир поднимается над примитивно-реальным восприятием жизни и в, казалось бы, реальных образах олицетворяет архетипы бытия человечества. Символика и аллегория Средневековья вместе с религиозной рефлексией заменяются необычным богатством метафор, что вместе с тем способствует воплощению всех чувств и мыслей человека, который открыл величие природы и мироздания. Отсюда всеобъемлющая масштабность мышления Шекспира.

Суть нашей гипотезы в том, что светлое в сонетном цикле Шекспира олицетворяет ум человека, темное — чувства людей, а любовь есть противостояние ума и чувств. Сонет 141-й подчеркивает это извечное сражение:

In faith, I ***do not love*** *thee with* ***mine eyes****,*
For they in thee a thousand errors note,
But ***'tis*** ***my heart*** *that* ***loves*** *what they despise,*
Who in despite of view is pleased to dote.

Вачыма *я ў цябе* ***не закаханы****,*
Ў табе яны знаходзяць шмат пахіб.
А ***сэрцу даспадобы ўсе заганы****,*
Ўтрапёнымі якімі ні былі б.

Аллегорически-символический образ глаз, способных видеть тысячи недостатков во внешности и характере любимой, воплощает рациональное, умственное начало; образ сердца, которое любит то, что принижают глаза, символизирует чувственные основы сущности человеческой.

Амбивалентно-диалектическое взаимодействие и борьба противоположностей и представляется нами как этико-эстетическая основа сочетания каждого отдельного сонета в единый цикл, так как человек есть неделимая целостность, наделенная Богом и природой умственными и чувственными началами — способностями сопереживать и мыслить. Не существует отдельных сфер ума или чувства, они взаимозависимы и взаимонеобходимы.

Поэтому первая группа сонетов, посвященная, по выводам большинства шекспироведов, другу поэта, которого автор призывает жениться и продолжить себя в потомках, по нашей гипотезе, своим адресатом имеет именно разум, ибо только благодаря уму являются произведения искусства, которые могут продолжить, а может, даже обессмертить жизнь их автора. Обычные чернила становятся магистралом, несущим дар вечности избранным, в том числе и самому великому драматургу и поэту.

Четким аргументом в пользу этой гипотезы является и тот факт, что в количественном отношении сонетов в первой группе намного больше, чем во второй. Это объясняется тем, что в поэзии Ренессанса, Средневековья, Просвещения ум еще доминирует над чувствами. К тому же обычно принято считать, что мужчина символизирует собой ум, а женщина — чувство. Вот почему символом «умственных» сонетов становится парень, а «чувственных» — девушка. Если же обратиться к истокам человеческих чувств вообще, то все они опосредованны (при генезисе) умом, а во время реализации в большей или меньшей степени коррелируются и контролируются разумом.

Метафорично-аллегорическое предательство любимой Шекспира с его же другом и представляется как временное доминирование чувства над разумом, что воспринимается как случай, а не константа. Именно поэтому поэт не разрывает отношения ни с первым, ни с другой, что в реальной жизни совсем неправдоподобно. Из-за такой мелочи автор не может отвергнуть верного друга (разум):

Tired with all these, from these would I be gone,
Save that to die, I leave my love alone (сонет 66-й).

В этом солидарен с ним и белорусский переводчик:

Стамлёны ўсім, сумуе па труне.
Ды як жа друг мой будзе без мяне?

И тем более он не отрекается от смуглой леди, с которой связаны все его надежды и чаяния (сонет 129-й):

All this the world well knows, yet none knows well
To shun the heaven that leads men to this hell

Не отрекается, любя, и Владимир Дубовка, полностью сохраняя посыл Шекспира:

Ніхто ж ***не адмаўляецца*** *ад раю,*
Цераз які ў пекла ён трапляе!

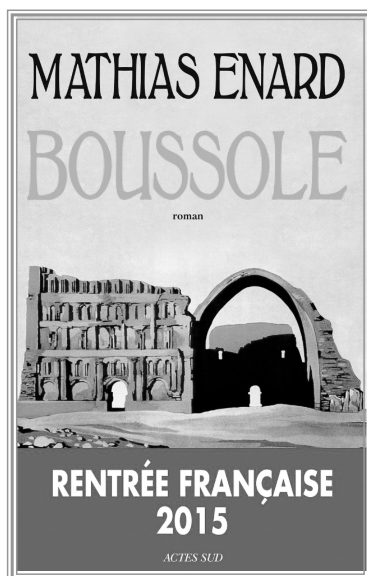
Только этим можно объяснить тот факт, что поэт во всех сонетах восхваляет людей, которые изменили ему, так как речь идет об условном друге, за которым видится разум, и воображаемой возлюбленной, что символизирует собой чувство.

Неточность деления сонетов на две группы (мужскую и женскую), принятого в шекспироведении, подчеркивает и тот факт, что в первой группе («мужской») встречаются сонеты, адресованные женщине. Все это говорит о неточности подобной классификации. Наша гипотеза восприятия адресата сонетов Шекспира как «ум — чувства» объясняет и наличие «женских» сонетов в первой группе: как поэт ни идеализирует ум, как ни поднимает его над чувственным началом, бывают случаи, когда последнее побеждает. Подобное деление интуитивно постигали и переводчики, благодаря чему достигли наибольших успехов в пересоздании сонетов Шекспира в национальных литературах.

Nota bene

Boussole, par Mathias Enard, Actes Sud, 2015, 382 p.

Роман «Компас» впечатляет читателя прежде всего своими габаритами — это том объемом около 400 страниц. Его главная тема, неизбеж-но привлекающая к книге внимание, — это Восток, устремившийся сегодня в Европу. Роману Энара, опровергающему многие расхожие на Западе представления о Востоке, критики предсказывают большой читательский успех.

Роман начинается ночью, опускающейся на Вену и на квартиру, в которой Франц Риттер, австрийский интеллектуал, фанатически увлеченный восточной музыкой, безуспешно пытается заснуть. Он мечется между меланхолией и лихорадкой, погрузившись в мечты и воспоминания о прожитых годах. Он много времени провел за границей — в Стамбуле, Дамаске, Тегеране, Пальмире, Алеппо. Сам он не исполнитель музыки, а только слушает ее и потом пытается рассказать о том, что услышал между двумя затяжками опиума.

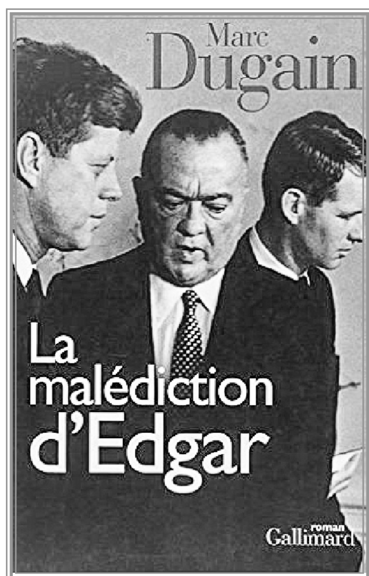
Он не представляет будущее своей любви к Саре, пытающейся понять, каким образом Восток смог очаровать многих писателей, художников, ученых, путешественников и авантюристов, к женщине, олицетворяющей для него этот самый Восток.

Постепенно перед читателем раскрывается жизнь среды современных ориенталистов, знатоков истории и современного состояния восточного искусства с открытиями и неизбежными трагедиями, с попытками навести мосты между Востоком и Западом, иногда успешными, иногда нет. Главным же героем романа постоянно ощущается Восток, независимо от того, говорится в данный момент на его страницах об Австрии или о Китае.

***Матиас Энар** родился в 1972 году в небольшом французском городе Ниорте. Изучал арабский и персидский языки, после защиты докторской диссертации около десяти лет провел на Ближнем Востоке, в Ираке, Сирии, Ливане, Египте и Иране. Автор романов «Зона» (2008), «Расскажи им о битвах, королях и слонах» (2010, Гонкуровская премия лицеистов), «Улица воров» (2012) и других произведений. Он лауреат нескольких национальных, зарубежных и международных премий. Его последний (шестой по счету) роман «Компас» был отмечен Гонкуровской премией в ноябре 2015 года. На сегодня книги Энара опубликованы в 22 странах. Французская пресса, посвятившая Энару в связи с его наградой множество статей, сравнивает его с Бальзаком — и не только по внешнему облику, но и по характеру его творчества.*

В настоящее время Матиас Энар живет в Испании, где преподает арабский язык в Барселонском университете.

На русском языке опубликован написанный в 2005 году роман Матиаса Энара «Вверх по Ориноко».

(Marc Dugain.
La Malédiction d'Edgar.
Editions Gallimard, 2005)

Роман основан на биографии Джона Эдгара Гувера, директора ФБР с 1924-го по 1972 год. Его «тень» постоянно сопровождала наиболее высокопоставленных лиц американского правительства, включая нескольких сменившихся за почти 50 лет президентов США. Роман представляет собой якобы воспоминания Клайда Тольсона, второго лица ФБР, весьма близко и на протяжении многих лет очень хорошо знавшего Эдгара Гувера.

Главной сюжетной линией романа является скрупулезное описание деятельности клана Кеннеди, направленной на достижение любой ценой (интриги, деньги, ложь и т. д.) высшей власти. Подробно рассказывается о тайных рычагах, использованных для прихода к власти Джона Фицджеральда Кеннеди. Глава семейства Кеннеди описывается как опытный манипулятор, стремящийся обеспечить членам своего семейства власть с помощью денег и поддержкой мафии.

Эдгар Гувер был уверен, что только он может объективно оценить, что полезно, а что вредно для власти и, соответственно, для страны; глубоко убежденный в тупости своих сограждан, он считал, что нельзя предоставлять этой серой массе право избирать власть. Он не допускал, чтобы выбранные этой массой лица могли угрожать его положению, которое в интересах страны должно было оставаться стабильным.

Гувер считал, что борьба против коммунизма важнее, чем борьба с мафией и коррупцией власти, что привело к созданию в стране крайне драматичной ситуации. Он постоянно следил за частной жизнью всех достаточно влиятельных политиков под предлогом, что он должен надежно оценивать их возможности и способности в случае прихода к власти. Фактически обеспечил себе пожизненную власть консула, способного как выдвигать нужную кандидатуру на должность президента, так и убирать его в случае непригодности.

Одновременно в романе вскрывается подоплека и обнажаются тайные нити многих приходящихся на эту эпоху событий (начиная с убийства Мерилин Монро и кончая кубинским кризисом и убийством Джона Кеннеди).

Эти события описываются в романе в диалогах действующих лиц, отчетах о прослушивании разговоров, выдержках из тайных досье. На всем протяжении романа на высоком уровне поддерживается интрига, не позволяющая читателю оторваться от книги, хотя не всегда даваемая Дюгеном интерпретация фактов может считаться безупречной.

***Марк Дюген** родился в мае 1957 года в Сенегале. Отец до получения Сенегалом независимости в 1960 году был сотрудником колониальной администрации.*

В возрасте семи лет Марк оказывается во Франции, живет в семье деда в Мусси-ле-Вье, где во время Первой мировой войны размещался госпиталь для солдат с ранениями лица.

Марк учился в Гренобле (финансы, политические науки), потом работал в системе сберегательных касс. Он создает объединение, финансирующее производство транспортных средств, с 2000 года руководит двумя авиационными компаниями.

Писать Дюген начинает в возрасте 37 лет. Первый роман «Палата офицеров» вышел в свет в 1998 году. Это история его деда, получившего в войну серьезное ранение лица. Успех романа позволяет Дюгену полностью посвятить себя литературной деятельности. Один за другим выходят его романы: «Английская деревня» (2000), «Счастлив как бог во Франции» (2002), «Обычная казнь» (2007) и другие. Последним на сегодня является роман «Пятилетка» (2015), посвященный секретам избирательной гонки при выборах президента. Это последняя книга трилогии «Отчуждение».

На русский язык пока переведен только один роман Дюгена — «Счастлив как бог во Франции» (Нёман, № 1, 2, 2010).

(Anne Wiazemsky. Un an après. Edition Gallimard, décembre 2014, 208 p.)

Знаменитая киноактриса, звезда середины 60-х — конца 80-х годов, снявшаяся в фильмах таких режиссеров, как Пазолини, Годдар, Брессон и других. После того, как Анна Вяземски перестала сниматься, она вплотную занялась литературой, превратившись из популярной актрисы в не менее широко известную во Франции писательницу, автора более десятка романов («Клыки», «Мой берлинский ребенок», «Меня зовут Элизабет» и др.). Сегодня на ее счету двенадцать романов, несколько новелл, книжки для детей, сценарии, пьесы для театра.

Последняя ее книга — роман «Через год», посвященный студенческим волнениям в Париже в мае 1968 года, произведение частично документальное, частично автобиографическое, но определенное автором как роман, потому что эта книга — своего рода путешествие во времени, в дни, пропитанные слезоточивым газом на улицах Парижа и ядовитым табачным дымом в захваченных студентами аудиториях.

Как признается Анна Вяземски, этот роман после его завершения неожиданно показался ей — вместе с двумя более ранними ее книгами, «Девушка» (2007) и «Год прилежной учебы» (2012), — автобиографической трилогией, своего рода триптихом, посвященным важному, хотя и достаточно короткому периоду жизни автора.

В романе «Девушка» Анна Вяземски рассказывает о встрече восемнадцатилетней красотки со знаменитым режиссером Робером Брессоном. Она сразу же показалась великому мастеру идеальной исполнительницей роли Марии в фильме «Случайно, Бальтазар», несмотря на полное отсутствие какого-либо знакомства с миром кинематографии. Роман посвящен психологии взаимоотношений режиссера и молодой робкой девушки, постепенно превращающейся в талантливую артистку с сильным характером.

Вторая часть триптиха — роман «Год прилежной учебы». Героиня встречается с Годаром, другим талантливым режиссером. Она не в состоянии устоять перед яркой личностью с богатым внутренним миром, он же покорен ее простодушием и искренностью. Результат совместной работы над фильмом «Китаянка», посвященным китайской культурной революции, — их брак в июле 1967 года.

Роман «Через год» продолжает внимательно следовать как за событиями внутренней жизни его героев — гения современного авангардистского кино и его юной музы, старающейся отстоять свою свободу, так и за ходом исторического процесса, т. е. за событиями мая 1968 года. И их оценка дается с точки зрения девушки, участницы этих событий.

Роман кажется более напряженным, более драматичным, чем два предыдущих; автор постарался дать логичное завершение истории Жана-Люка и Анны. Как заметила Анна Вяземски в одном из интервью, в этой книге она не сказала всей правды о событиях мая 1968 года, но то, что она все же говорила, всегда было правдой.

***Анна Вяземски** — потомок старинного русского княжеского рода Вяземских. Ее отец — Иван Владимирович Вяземский-Левашов, мать — Клер Мориак, дочь писателя Франсуа Мориака. В 1967—1971 гг. она училась на философском факультете университета «Париж-X» в Нантерре. В период с 1966-го по 1988 год снималась в четырех десятках завоевавших всемирную известность фильмов.*

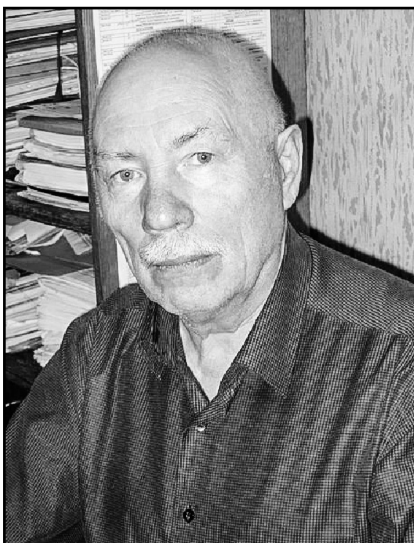
Ее предпоследний фильм «Чужой город» вышел на экраны в 1988 году; позже она снялась только в одном короткометражном фильме в 2005 году. В России Анна Вяземски по-прежнему считается прежде всего кинозвездой; литературная сторона ее творчества остается плохо известной русскому читателю. На сегодня на русском языке изданы только сборник новелл «Высокие девушки» (1988), и роман «Горстка людей» в переводе Нины Хотинской (издательство «Текст», 2001 г.) о революции 1917 года. Некоторые источники сообщают также о выходе в свет романа Вяземски «На все четыре стороны света» с теми же персонажами, что и в «Горстке людей», но который, по мнению автора, является практически самостоятельным произведением, хотя формально его и можно считать второй частью дилогии. В нем описываются события последних лет Гражданской войны в России, когда герои романа покидают свою страну на английском корабле, положив начало тому, что позднее стали называть «русской диаспорой».

Игорь НАЙДЕНКОВ

Юрий САПОЖКОВ

Семьдесят семь

Познав самого себя,
ты познаешь Вселенную и Бога.
Пифагор

Вместо предисловия

Красивая цифра 77, не правда ли? Даже если оставить в стороне все нумерологические теории великого Пифагора, того самого, чью теорему мы учили когда-то в классе пятом или шестом. А между тем Пифагор вполне искренне полагал, что именно через цифры мы можем постичь таинственные вибрации Вселенной, того самого космоса, который и сегодня остается во многом таким же таинственным и загадочным, как и в те далекие дни, когда жил и творил самый знаменитый математик древности. А уж цифра 7 вообще занимает одно из самых почетных мест в его нумерологии. Цифра удачи, успеха, таланта и Бог знает чего еще…

*Увы-увы! Цифры цифрами, а человеческая жизнь сама по себе. Не потому ли Диоген Лаэртский в своей книге «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» приводит вот такое любопытное наставление Пифагора своим ученикам: **«Уходя на чужбину, не оборачиваться, — расставаясь с жизнью, не жалеть о ней и не обольщаться ее усладами».** Не будем!*

Но как бы то ни было, а 16 марта 2017 года моему доброму старому другу, товарищу и коллеге по переводческой работе Юрию Михайловичу Сапожкову исполнилось бы семьдесят семь лет. Красивая цифра, повторюсь еще раз. До которой он, впрочем, не дожил всего лишь каких-то четыре года. Досадный миг, с точки зрения вечности.

Всю свою творческую жизнь Юрий Михайлович, добрейшей души человек, деликатнейший, отзывчивый, всегда готовый прийти на помощь и помочь чем только можно, так вот, всю свою творческо-поэтическую жизнь поэт, публицист, критик, эссеист и переводчик Сапожков упорно познавал самого себя, пытаясь через познание собственного «я» познать и Вселенную, и Бога. И кое-что познал! Бесспорно! О чем свидетельствуют фрагменты из его книг и поэтических сборников, приведенные ниже. Все же остальное познает сейчас, уже находясь в другом измерении, где-нибудь в райских кущах (ведь мы же точно знаем, что у Бога все живы!), сидя на каком-нибудь седьмом небе, вполне возможно, и в компании с Пифагором. А почему бы и нет? Им есть о чем поговорить, что обсудить, о чем поспорить…

Наверняка читатель поймет, что 77 цитат из творческого наследия Ю. М. Сапожкова — это не более чем занимательная нумерология. При желании я с легкостью выбрала бы еще как минимум столько же фрагментов из его книг и журнальных публикаций. Но решила закольцевать цифру 77 вот таким вот своеобразным образом, отобрав, в первую очередь то, что легло мне лично на душу и что созвучно моим собственным размышлениям о жизни. И тем самым побуждая всех нас, глубокоуважаемый читатель, вспомнить, что еще совсем недавно среди нас жил прекрасный человек, умный, заинтересованный собеседник и глубокий, по-настоящему талантливый поэт. Словом, человек, которому, согласно все тому же Пифагору, было дано многое.

Остается лишь перечислить те книги, из которых черпались материалы для данной публикации.

Поэтический сборник ***«Письмо другу»,*** *Минск, 2004*
Поэтический сборник ***«Точка невозврата»,*** *Минск, 2006*
Сборник критических статей и эссе ***«На просторе слова»,*** *Минск, 2008*
«Пророк» *Халиля Джебрана в переводе Ю. М. Сапожкова, Минск, 2010*
Сборник детских стихов ***«Паук-канатоходец»,*** *Минск, 2012*
Сборник критических статей и эссе ***«Между духом и словом»****, Минск, 2012*

Приятного и поучительного чтения!

1

«…Поэт рисует то, что видит, если это поэзия факта. Так условно можно назвать жанр стихотворения, к которому поэт прибегает в тех случаях, когда сам предмет изображения уже настолько красноречив, настолько самодостаточен, что любая метафорическая раскраска его искажает. Это радость словоохотлива и рядится в яркие цвета. Горе редко размыкает губы, оно одиноко и ходит в черном. И если прибегает к словам — они скупы, жестки, реалистичны».

«Философия счастья»

2

«Неповторимость, единственность человеку обеспечены с рождения, а вот дар сказать о себе неповторимо и единственно дается немногим. О себе — означает и выяснение для себя собственной, незаемной, точки зрения на вещи, явления, поступки. Так налаживается связь поэта с миром — через узнавание себя. И тогда на его стихах ясно виден отпечаток личности. В этом их своеобразие и новизна».

«Совершенство тишины»

3

«Человек, даже потерявший любовь, богаче того, кого Бог пока не благословил ею».

«Когда любишь…»

4

Возраст беззащитен от любви.
Любовь защищает от возраста.

«Точка невозврата»

5

«Будущее поэзии мне видится в малых формах, спрессовавших в немногие слова опыт жизни поэта. Тем более что скорость нашей жизни, ее вращение резко возросли. Когда твое тело и совесть в волдырях от проблем, крапивником наросших куда ни посмотри, ни к чему подниматься по высоченной стихотворной лестнице, чтобы добраться до мысли или настроить свои чувства на сопереживание. Подавай все сразу! Миниатюра — скоростной лифт к верхним этажам смысла…»

«Гольфстримом реализма»

6

Юность жаждет судить.
Старость не судит:
Вдруг прощения просить
Времени не будет?

«Точка невозврата»

7

«Анатолия Сыса я назвал бы белорусским Есениным. Думаю, Сысу не было бы это обидно. Уж очень они похожи. Оба к ногам своей Музы бросали собственные судьбы, у обоих жизнь измерялась расстоянием от стихотворения к стихотворению. Все остальное было вторичным. Ненавидели в поэзии коррупцию и чины. Оба прослыли скандалистами, буянами, стойкими поклонниками Бахуса, оппозиционерами к власти. Оба были актерами, великолепными исполнителями своих стихов. Гипнотизерами аудиторий. Оба ушли из жизни молодыми, слава того и другого не думает тускнеть, покрываться библиотечной пылью. Оба живые!»

«Кулуарный разговор»

8

«Блаженный для меня — синоним страдания одинокой души. Оно у него очистительное, как у Достоевского. Человек добр, потому что страдал. От страдания он получил все, даже свой гений».

«Минский Иов»

9

«Если мужчина смотрит на себя глазами женщины, он знает о себе все. Если он способен поднять себя в ее глазах, а он это должен делать ежечасно, все прочие трудности ему нипочем. Но велико и вознаграждение, когда на тебя смотрят с восхищением».

«На зрелом рубеже»

10

Тебя не будет целых двадцать дней
(К тому ж учесть, что стали дни длинней)…
Непостижимо сердцу и уму —
Как буду без тебя, когда умру?

«Точка невозврата»

11

«Мне давно не давал покоя один этический вопрос: хорошо ли поступает поэт, печатая свои любовные стихи? Писать — пожалуйста, пиши сколько угод-

Андрей Скоринкин, Микола Шабович, Юрий Сапожков, Михась Башлаков.

но, но для чего рассказывать всему миру о своих сугубо интимных чувствах? Ведь любовная лирика, как правило, узнаваема, что ни стихотворение, то конкретный адресат».

«Бабочка на ладони»

12

«Известный факт: лишь у одного большого поэта не было конфликтов с близкими женщинами из-за любовных стихов, посвященных другим. У Твардовского. Он просто не писал стихов о любви. Совсем».

«Бабочка на ладони»

13

Любовь исчезла, полыхнув, хотя
Любое сердце живо чудесами,
И я за ней спешу стихами,
Ее по следу боли находя.
Так сбитый самолет в пике крутом
Шлейф дымный оставляет за бортом.

«Точка невозврата»

14

«Муза поэта не должна быть услужлива — еще одна заповедь великого человека. Пишу эти строки, и грустно становится на сердце: комплиментарность нашей критики, взгляд на поэзию как на средство покомфортнее устроиться — обычное явление в литературе и общественной жизни».

«Уроки Есенина»

15

«Ясность стиха — для Есенина это требование, что виза для таможенника. Модерн? — иди по красному коридору. Пушкинская традиционность — зеле-

ный свет. «В поэзии, как на войне, надо кровь проливать». Поэзия не спектакль, хочется добавить от себя».

«Уроки Есенина»

16

«Не знаю ни одного поэта, который к тридцати годам не почувствовал бы: надо торопиться. Лирика в этом возрасте выглядит как засидевшийся гость. Пусть и дорогой».

«Уроки Есенина»

17

«О переводе, как о любимой женщине, хочется говорить бесконечно. Хотя бы с самим собой».

«Изменять не изменяя»

18

Из переводов Теда Хьюза:

Рассвет в октябре

Октябрь разлучных желтых ноготков.
Из сонных низких туч рассвета жало
Уколет в сердце: ты к зиме готов?
Храни огонь — ведь это лишь начало.

«Точка невозврата»

19

«Все хорошие книги, не говоря уже о великих, появляются вовремя».

«Последняя пастораль»

20

«Совокупность языковых средств языка делает его индивидуальным. Так в поэзии, так и в прозе. Веришь интонации — веришь всему остальному, может быть, даже больше, чем произнесенному, написанному. Иногда *как* важнее, чем *что*».

«Князь в доме напротив»

21

«Оказывается, вовсе не обязательно быть с человеком накоротке, чтобы одинаково с ним чувствовать».

«Близнецы звезд»

22

Есть у иных поэтов грех
По-своему отметить
Собрата своего успех —
Обидно не заметить.
Я извинить таких готов
И тем же не ответить:
Немалых все-таки трудов
Им стоит — не заметить.

«Точка невозврата»

23

«В искусстве нет ничего страшнее вторичности. Настоящая проза или поэзия всегда оригинальны».

«Любовь-судьба»

24

«Поэты действительно приходят в мир, чтобы научить его любить».

«Розы и полынь»

25

«Пусть исполнится мечта, пусть искорка Татьяны Шпартовой не погаснет в читательском небе!»

«Без румян и туши»

26

«Почему среди разнообразных дворцов, завлекающих к себе нас на досуг, профессию или хобби (культуры, например, спорта, шахмат…), никто в мире не догадался построить Дворец поэзии? А если такой проект уже существует, сомневаюсь, что в нем предусмотрен зал ожидания. По той причине, что дворцы, дескать, не вокзалы, и залов ожидания в них не должно быть. Но во Дворце поэзии пусть бы был. Для меня он условно всегда существует, и я в нем размещаю ныне здравствующих поэтов».

«Когда любишь…»

27

Фотография

Что любовь убывает,
Не такая уж редкость.
Время не убивает,
А наводит на резкость.
Время — мастер со стажем:
Ничего не случилось.
Мы посмотрим и скажем:
Хорошо получилось.

«Точка невозврата»

28

«Над поэтическим переводом великой поэмы я работал (с перерывами) пять лет. Ритмически строгий белый пятистопник (там, где гений Джебрана особенно захватывает воображение, потрясает точностью и масштабностью мысли) у меня идет на «поклон» к рифме, которая способна придать эпическому повествованию больше взволнованности, эмоциональности, а значит, и вовлечь его в стихию самой жизни».

От переводчика. Халиль Джебран. «Пророк».

29

Ей, жизни, радуйтесь и смейтесь чаще —
от удовольствий дружба только слаще.
Как зеленее утром росный луг,
так сердце в радости моложе, друг.

Халиль Джебран. «Пророк»,
перевод Сапожкова Ю. М.

30

«Дорогой маленький друг! С каждым днем ты становишься все взрослее. И со временем будешь смотреть на окружающий мир глазами серьезного молодого человека или прекрасной барышни. И ты увидишь его иначе, чем сейчас. А пока у тебя есть возможность удивлять папу и маму, дедушку и бабушку, воспитателя и учителя радостным и необычным восприятием всего, что совершается вокруг».

Из Предисловия к книге «Паук-канатоходец».

31

Летний вечер

Ночь дотянулась до окошка.
Как травы, смяла голоса,
И под столом включила кошка
Свои зеленые глаза.

«Паук-канатоходец»

32

Мудрость

В пещере, где всегда колодезная ночь,
Премудрая змея свою учила дочь.
«Вот вырастешь, тогда поймешь сама:
Ущелье — свет, а не-ущелье — тьма».

«Паук-канатоходец»

33

«О поэте судят по вершинам, даже если они — всего несколько строк».

«Сердца увеличенный портрет»

34

Ум видит все со стороны.
Со стороны сердца.

«Точка невозврата»

35

И другие

Не так уж и строги
К нам критики иные,
Когда в конце строки
Столкнут нас в «и другие».
Поэтам малым — им
Быть повиднее лестно,
А рослым «и другим» —
Тем и в толпе не тесно.

«Точка невозврата»

36

«Большой английский поэт Тед Хьюз заметил как-то, что каждое стихотворение включает в себя ДНК его автора. До чего точна метафора! Так и любовь человека к земле, на которой родился, есть выражение их сродности, общности — может быть, не только на духовном, но даже на биологическом уровне».

«Сердца увеличенный портрет»

37

«Любовь к отчизне еще не освобождает стихотворца от необходимости быть прежде всего поэтом, а не заявителем этой любви для всеобщего сведения».

«Сердца увеличенный портрет»

38

В церковь

Много горок на Руси,
Что ни горка — храмовая.
Бога я иду просить,
На душу прихрамывая.

«Точка невозврата»

39

«Публицистика в поэтическом оркестре жанров сходна с ролью ударных инструментов. И на барабане можно рассыпать такую дробь, что соловей позавидует».

«Сердца увеличенный портрет»

40

Оси

Пусть все кричит, что мы не вечны.
Но надо так стараться жить,
Чтобы никто не мог на плечи
Из сердца нас переложить…

«Письмо другу»

41

«Хорошо, что поэты пишут о любви (это значит, что с миром все в порядке), но еще лучше, когда пишут об этом хорошо».

«Сердца увеличенный портрет»

42

Любовь

В семнадцать — праздничная новь.
Когда тебе за тридцать — благо.
А после сорока любовь —
Души великая отвага.
Ты всем пожертвовать ей рад,
Хоть бездна жертв не возвращает.
А в шестьдесят?
А в шестьдесят
Любви, я думал, не бывает.

«Письмо другу»

43

«Имитация чувств — это измена поэзии. Удастся ли у Музы испросить прощения? Но ничуть не извиняет поэта поспешность, небрежность в стихосложении. Они как пятна на костюме. Может быть всего одно, а на люди не пойдешь. Хотя многие опровергают это правило: ходят».

«Сердца увеличенный портрет»

44

«Переводчик у нас в Беларуси напоминает хирурга, делающего показательную операцию: каждое его движение на виду. Все знают оба языка, любой может сравнить оригинал с тем, что получилось».

«Сердца увеличенный портрет»

45

«Добросовестно плестись за подлинником значит умертвить его в другом языке. Быть свободным в передаче не буквы, но духа, — и таким образом вдохнуть в стихотворение новую жизнь — для этого кроме мастерства должна быть особая смелость, уверенность в себе».

«Сердца увеличенный портрет»

46

Когда лед студит кровь во мне,
Мечтаю корчиться в огне.
Когда же я пекусь в аду,
Хочу концы отдать во льду.
А если дважды умирать,
Вот думаю — с чего начать?
То больше греет душу лед,
То пламя мстительно зовет.
А мир (гадаю, чет, не чет…),
Что он в итоге предпочтет?

Перевод стихотворения
Роберта Фроста
(первая публикация).

47

А вот и короткая история появления на свет этого прекрасного перевода. Совершенно простая в своей безыскусности. В начале 2012 года я отправила Юрию Михайловичу по электронной почте свою версию перевода стихотворения Фроста, которое мне понадобилось для семинарских занятий со студентами. Предполагалось использовать переводной вариант для обсуждения проблем антонимического перевода. И буквально в тот же день получила от своего адресата вот такой ответ. (Письмо датировано 02.02.12.) Привожу целиком текст этого послания.

«Дорогая Зинаида Яковлевна! Ваш перевод понравился своей стройностью и иронией. Но показался все же длинноватым. Ведь в два раза превосходит оригинал. Есть необязательные строчки. Вот я и не удержался, чтобы не показать свой вариант. Теперь Вы критикуйте. Ваш Ю».

48

«Отчего у наших стихотворцев, порой и у молодых, в стихах столько безысходности, беспросветности? Мне кажется, что чаще всего это напускное, начитанное, дань литературщине. Время сейчас не такое, чтобы реветь с утра до ночи. Живем, рассчитывая на свои силы, свое умение, ежедневным трудом зарабатывая на хлеб насущный. Не верю в эту вселенскую тоску, потому что ею просто некогда заниматься: останешься без работы и средств к существованию. Оглянитесь, коллеги, вокруг себя. Каким бы ни было время, оно наше. И нам его исправлять, двигать, как сказал классик, вперед. А слезами горю не поможешь».

«Сердца увеличенный портрет»

49

«Поэзии больше всего вредит, на мой взгляд, пафос и нравоучительство. Наверное, они от избытка сил, или от переоценки себя, или от навязанной себе роли учителя жизни. Вместо того, чтобы поговорить с читателем как с интимным другом, открыться ему, мы учим. Мы видим его не рядом с собой, а перед собой, в зале. Себя водружаем на кафедру. Кричим, боясь, что читатель глух и нас не услышит…»

«Притяжение правды»

50

«Ощущение того, что «жизнь ненужно изжитая» (Блок), с годами приходит, очевидно, к каждому из пишущих, независимо от времени, в котором они живут».

«Притяжение правды»

51

«Мне кажется, что самый большой враг красивости — живое чувство. Красивость там, где, говоря словами Толстого, машинообразно. Где подлинность заменена подобием. И как бы искусно ни была произведена эта замена, ее отличишь сразу».

«Притяжение правды»

52

Понравившееся лично мне заглавие раздела
«Изюминки о любви и том, что около нее».

«Притяжение правды»

53

Любовь жива, ее следы видны
В стихах, что жгут в камине.
Когда ж они тисненью преданы —
Любви уж нет в помине.

«Точка невозврата»

54

«Эпатаж — верное средство, если хочешь привлечь к себе внимание. Хотя бы на несколько минут. А дальше как получится».

«Узник слов, или Поэтический культуризм»

55

«Никакой словесный трюк не спасет, если в стихотворении нет мысли, нет страдающей души. Не спасет».

«Узник слов, или Поэтический культуризм»

56

«Вообще, говоря о постмодернизме, я бы назвал иронию, без которой тот также немыслим, младшей, и в отличие от старшей сестры — насмешки, — хорошо воспитанной дочерью цинизма. Тонкие манеры, умение вести себя в обще-

стве выгодно отличают ее от бесцеремонной особы, готовой изгаляться над всем и вся, не соблюдая приличий».

«Узник слов, или Поэтический культуризм»

57

Из рецензии на книгу Романа Ерохина «Интонация вздоха».

«Как громадный массив ледяного пространства дает по весне трещину и делится надвое, так незримо и, скорее всего, не по воле автора пролегла в книге трещина между мировосприятием сравнительно благополучных белорусских писателей, которым было удобно в том времени, как в костюме, сшитом по росту, и теми, кому было тесно в нем. И как раз по этой черте расходятся сегодня оценки неординарной книги. Но сам автор, обозначив шрам разъединения, не дает разойтись двум материкам».

«Какой ты след оставишь?»

58

«Пожалуй, жестокий закон естественного отбора в природе срабатывает и в искусстве. И все-таки, слава Богу, находятся люди, которые не дают этому закону торжествовать сплошь и рядом. Талант, как говорится, и сам пробьется. Но сколько сил уходит на это, сколько нервотрепки, понапрасну выброшенного времени! Сколько, может быть, великих стихов, повестей и романов не рождено, не написано из-за пустой, но изматывающей борьбы!»

«Какой ты след оставишь?»

59

«Графоманство стало приметой нашего времени. Оно было всегда, но сегодня, когда за деньги можно издать все что угодно, пишущего народа заметно прибавилось. Знаменитое «землю попашет, попишет стихи» уже не воспринимается как шутка».

«Гоп со смыком»

60

«Графоман, скорее всего, незлобивый человек. Как правило, пенсионер, не знающий, куда девать время».

«Гоп со смыком»

61

«Вульгарность, низкопробность, непристойность — разве только эти качества присущи пошлости (синоним ее — банальность)? …Есть еще один вид пошлости в стихах. Это когда поэт избегает говорить правду. Топит ее в правильных словах, разрешенных чувствах. Нужно предельно изнашиваться, то есть исчерпывать себя в каждом стихотворении. А изнашиваться понарошке нельзя. Понарошке — это писать серые, невнятные стихи. Серые — значит банальные. То есть пошлые. Ложь и пошлость непременно сомкнутся».

«Гоп со смыком»

62

«Человек, страдающий отсутствием вкуса, никогда не напишет хороших стихов. У поэта должно быть безукоризненное чувство меры».

«Гоп со смыком»

На фестивале «Пушкин в Британии» (Лондон). 2009 г.

63

Как глупо на добро скупиться.
Дар отдавать — разумный дар:
Все станет пылью, сохранится
Лишь только то, что ты отдал.

«Точка невозврата»

64

«Нет любви — нет прекрасного, и наоборот. Любовь — это вдохновение. Душа просыпается, оживает. Человек поднимает себя на незнаемую прежде высоту, становясь при этом красивее».

«На лету»

65

«У поэта все стихи — об отношении к жизни. И вообще — сколько живешь, столько и выясняешь с ней отношения… С поэзией отношения сложнее. Она выбирает тебя, как женщина на белый танец. Или не выбирает. Поэт умирает с каждым написанным стихотворением и рождается с каждым новым. Поэтому каждое стихотворение он пишет как последнее. А каждое новое — как самое первое».

«На лету»

66

«Душа поэтического произведения — это то, что ты пережил. Поэтическая мысль приходит в форме какого-то размера, мелодии. В этот момент важнее не сама мысль, а то, что ты «запел», что из тебя просится. Мысль ты придирчиво «осматриваешь» потом. О том ли ты догадался? Нужно ли тебе на этом остановиться, или продолжать думать, искать».

«На лету»

67

«Талант любви у поэта чаще всего бывает несчастливым. Поэт всегда недоволен собой, и у него слишком высоки требования к женщине».

«На лету»

68

«Ремесло — освобождение смысла от завалов слов. Выдох, крик, жест не требуют ремесла. Если бы из них можно было слагать стихи!»

«На лету»

69

«Мы все вышли из Пушкина, как бы кто себя ни называл: реалистом, романтиком, символистом, модернистом, постмодернистом или постконцептуалистом. Пушкин способен примирить самых непримиримых поэтов, самые различные литературные направления свести к одному, в основе которого лежат такие принципы искусства, как ясность изображения, красота, мысль. А в первую очередь — жизнь. Она и раздвигает границы всяческих измов».

«На лету»

70

«Раньше казалось, что дожить до 68-ми — катастрофа. Долго жить пошло. Поэт должен уходить раньше. Потом написалось: «И в старости есть прелесть новизны». Малодушие? Да нет, что-то внутри продолжает гореть, хитро подмигивать и даже делать рожицы… Раньше я не замечал стариков, а теперь внимательно вглядываюсь в них, боясь не узнать кого-либо из тех, кого хорошо знал в молодости, боясь не поздороваться».

«На лету»

71

Похороны

Товарища старшего я хоронил.
И слезы душили, он был мне как брат.
Одно утешало, что все же пожил.
Мне было семнадцать, ему — шестьдесят.
Недавно ровесника я хоронил,
И он шестьдесят, слава Богу, прожил.
Но так было трудно смириться с бедой:
Мог жить бы еще. Ведь еще молодой…

«Письмо другу»

72

«О признании-непризнании поэт думает, когда ему не пишется».

«На лету»

73

Неси свой крест, как горб таскают,
И наплевать на то стократ,
Что нынче нас еще не знают,
А завтра знать не захотят!

«Точка невозврата»

74

«Юмор лечит. Когда ничего не остается (даже лет), остается юмор. Но и от грустного юмора светло».

«На лету»

75

И вовсе я не стар,
Еще на женщин падкий,
И шпоры, как гусар,
Ношу не только в пятках.

«Точка невозврата»

76

«Нет, все-таки несчастливой любви не бывает. Правда, это открытие приходит не сразу, иногда много лет пройдет, пока острые коготки страдания притупятся и совсем перестанут царапать сердце. Ты поймешь, что пока тебя мучила та неразделенная любовь, ты жил, ты различал краски, запахи. Так у жаждущего в пустыне обостряются слух и зрение, ведь ему нужно найти воду. Ты не стал циником, ты сохранил себя».

«На лету»

77

«Мы уходим не для того, чтобы возвращаться. Возврата к тому, что перешагнули, не существует… Но уже после выхода книги «Точка невозврата» написались другие строки: «Все проходит», — вздохнув, сказал один философ. «И все возвращается», — с горькой улыбкой добавил другой».

«На лету»

Предисловие и подготовка к печати Зинаиды КРАСНЕВСКОЙ.

Владимир ПАВЛОВ

Вдали от родной земли

Участие белорусов в войне во Вьетнаме (1965—1973 гг.)

Эта война стала одним из важнейших событий периода «холодной войны», а ее ход и итоги во многом предопределили дальнейшее развитие обстановки во всей Юго-Восточной Азии. Позиция Советского Союза в то время была крайне важной, если не решающей. С одной стороны, СССР оказывал серьезную политическую, экономическую и военную поддержку как правительству Демократической Республики Вьетнам (ДРВ), так и отрядам Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ). С другой — Москве иногда приходилось выступать в качестве посредника между воюющими сторонами, когда те не могли найти компромиссных решений на переговорах в Париже. Заинтересованность советского руководства в быстрейшем окончании войны, основанная на опасениях, что локальная война может незаметно перерасти в глобальную ядерную катастрофу, делали политику СССР в данном вопросе достаточно взвешенной и осторожной. Этому способствовала и тактика непосредственных участников войны в отношении самого Советского Союза: Ханой, получая от Москвы разностороннюю помощь, но сохраняя при этом собственную монополию на оценки и методы решения конфликта, рассчитывал по возможности открыто втянуть в него и советскую сторону; Вашингтон же, считая, что Кремль имеет неограниченное влияние на северовьетнамских лидеров, пытался через него заставить ДРВ согласиться с приемлемым и достойным для Соединенных Штатов выходом из кризиса.

Вооруженная борьба в Индокитае длилась более 14 лет, с конца 1960-го по 30 апреля 1975 года. Прямое военное вмешательство США в дела Демократической Республики Вьетнам продолжалось более восьми лет. Военные действия проходили также в ряде районов Лаоса и Камбоджи.

В ответ на «неприкрытое американское вмешательство» СССР заявил, что не может оставаться безучастным к событиям, происходящим в «братской стране», и готов оказать ей необходимую помощь, в том числе и военную. Не осталась в стороне от войны КНР. При этом Пекин рассматривал Вьетнам как зону своих жизненно важных интересов и отводил ему весьма важную роль в национально-освободительном движении стран третьего мира, отдавая последнему приоритет в мировом революционном процессе в ущерб роли социалистической системы.

Такие цели поддерживали и северовьетнамские руководители, чья прокитайская направленность вызывала опасения у официальной Москвы, реакция которой в 1962—1964 гг. на просьбы о поставке во Вьетнам оружия была сдержанной.

Поняв нежелание Москвы ввязываться в конфликт, Ханой стал активно развивать отношения с Пекином. По данным Министерства обороны СССР, в 1964 году начались переговоры между КНР и ДРВ по вопросу заключения военного договора. Во Вьетнам была приглашена китайская делегация во главе с министром обороны, и в декабре обе стороны подписали договор, который преду-

сматривал ввод китайских войск на территорию ДРВ. Немногим раньше вьетнамцы информировали советского военного атташе, что надобность в советских военных специалистах во Вьетнаме отпала и по истечении срока пребывания в ДРВ они должны покинуть страну.

С конца 1964 года политика СССР по отношению к Вьетнаму стала развиваться более успешно. В феврале 1965 года Ханой посетила представительная советская делегация во главе с председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. Вьетнамской стороне была обещана помощь «по всем направлениям». На обратном пути делегация остановилась в Пекине. Обсуждались вопросы советско-китайского сотрудничества по Вьетнаму. Переговоры закончились в целом успешно. Однако китайские лидеры отвергли просьбу Москвы выделить воздушный коридор и предоставить аэродром в Куньмине для экстренной транспортировки советской военной помощи во Вьетнам. Лишь спустя некоторое время через территорию КНР по железной дороге в ДРВ из СССР стали поступать военные грузы.

Отправлялись советские грузы и морем в порт Хайфон. В то же время, по докладу тогдашнего министра морского флота СССР В. Г. Бакаева, вьетнамские морские власти искусственно задерживали выгрузку советских судов, считая, что чем больше они будут находиться в Хайфоне, тем дольше сохранится относительная безопасность в порту. Более того, транспорты ставились у зенитных береговых батарей, имея в виду, что американцы воздержатся от их бомбежки, так как возле них находились русские. Особое беспокойство министра вызывало то, что во время американских налетов к советским кораблям подходили вьетнамские катера и из-под их бортов открывали огонь по самолетам противника, вызывая тем самым «огонь с американских самолетов по советским судам». Были случаи, когда вьетнамская сторона сознательно направляла советские суда через опасный минный район, «желая этим проверить, действительно ли есть в акватории донные мины или нет».

Особенно усердно вьетнамцы оберегали советских друзей от информации. *«Мы фотографировали станции, разбитые американскими противорадиолокационными ракетами «шрайк»,* — вспоминает военный советник ***Ионас Волунгис.*** — *Оценивали поражающие характеристики последних. Однако вьетнамцы всячески ставили палки в колеса, отнимали либо засвечивали фотопленки. Под видом заботы увозили нас с позиций, не давали изучать тактику действий авиации противоборствующей стороны.*

Не все было благополучно и у группы трофейщиков. Несмотря на всю очевидность большого значения для обеих сторон данного вида сотрудничества, нашим военно-научным специалистам приходилось работать в ДРВ в трудной обстановке, которая нередко искусственно усложнялась вьетнамской стороной. Известно, что основным методом отбора образцов советскими специалистами, по установленному вьетнамской стороной порядку, являются их поездки к местам падения сбитых американских самолетов. Однако вьетнамцы, используя различные предлоги, скрывали от советской стороны места падения самолетов и оттягивали поездки к ним даже при положительном решении вопроса о поездке.

Вьетнамская сторона установила довольно сложную бюрократическую процедуру передачи с большим трудом найденных и отобранных нашими людьми образцов… Как правило, от момента изъятия образца из самолета до его отправки в Советский Союз проходит 2—3 месяца.

Нередки случаи, когда советским специалистам отказывали в осмотре сбитых самолетов и передаче уже отобранных образцов под различными необоснованными предлогами.

Наши специалисты часто сталкиваются с каким-то настороженным отношением вьетнамской стороны, которое фактически граничит с недоброжелательностью. Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые факты. Так, наш специалист-минер капитан Мохов в ноябре 1966 года разряжал по просьбе вьетнамцев плавучую мину. Его работу строго контролировали несколько человек, и даже потребовали вымыть руки в их присутствии, чтобы на них не осталось крошки взрывчатки. Все это делалось под предлогом, что взрывчатка ядовита, хотя наш товарищ и без того знал о свойствах различных видов взрывчатки.

Как ни парадоксально, но эффективным методом добывания образцов стало установление хороших отношений во время поездок к местам нахождения сбитых самолетов с местными властями и некоторыми сопровождающими наших специалистов вьетнамскими военными. Много отправленных в Советский Союз образцов добыто именно в результате такого непосредственного изъятия образцов на месте, а не официальной их передачи. Аналогично обстоит дело и с обменом военной информацией…»

Объяснять все это черной неблагодарностью вьетнамцев было бы несправедливо и неверно. Специалисты, прожившие во Вьетнаме более или менее долго, отмечают, что на бытовом уровне и за пределами служебных отношений вьетнамцы довольно тепло относились к русским. Ограничение активности советских специалистов объяснялось сложностью политической ситуации, в которой оказалось руководство ДРВ.

Китайские специалисты на севере ДРВ стали не только помощью, но и средством давления. Без китайской продовольственной помощи полуголодный Северный Вьетнам оказался бы перед перспективой массового голода, поскольку Китай поставлял половину продовольствия, приходившего в ДРВ по линии «братской помощи». В результате Ханой был вынужден лавировать между Москвой и Пекином. Официально предоставив приоритет в отборе трофеев китайцам, вьетнамское руководство сплошь и рядом закрывало глаза на соглашения провинциальных чиновников с советскими специалистами и так называемые внеслужебные контакты.

Следующая смена советских трофейщиков, судя по рассказам одного из них, владела правилами игры в совершенстве. Каждый член группы знал, что он должен снимать со сбитого самолета. К местам падения — чаще всего это были топкие рисовые поля — советские специалисты выезжали «втайне от друзей», не позднее четырех часов утра. Старший группы за консервы нанимал местных крестьян для откапывания машины. Затем следовала блиц-разборка, и снятое оборудование трофейщики прятали прямо на себе. «Запоздавшие» контролеры из вьетнамских спецслужб чаще всего только наблюдали, как дюжина странно пузатых советских друзей вприпрыжку несется к своему автобусу.

Решительный поворот Советского Союза к укреплению сотрудничества с Вьетнамом вызвал удовлетворение в официальном Ханое. В то же время отдельные вьетнамские руководители (Ле Зуан, Фам Ван Донг и Во Нгуен Зиап) проводили свою особую политику. Получив возможность добиваться для себя максимальных выгод от Москвы, они продолжали балансировать между могущественными союзниками — Китаем и СССР, используя в своих интересах их обоюдное стремление к укреплению авторитета и влияния в Юго-Восточной Азии. Эти вьетнамские лидеры стремились избавиться от чрезмерной опеки со стороны Китая, но в то же время избежать какой бы то ни было зависимости от Советского Союза. В результате на протяжении всего рассматриваемого периода в сообщениях советских представителей во Вьетнаме, а также в сводках Министерства обороны и КГБ СССР данные об уменьшении китайского влияния в

ДРВ сопровождались и докладами о «неискренности, эгоизме и неуправляемости вьетнамских друзей».

7 февраля 1965 года самолеты, базировавшиеся на авианосцах 7-го флота США, подвергли бомбардировке и обстрелу населенные пункты ДРВ. С этого времени начались систематические налеты американских бомбардировщиков на вьетнамские объекты. В этой обстановке, когда вьетнамское государство оказалось без противовоздушной обороны, правительство ДРВ обратилось за помощью к Советскому Союзу.

Правительство Советского Союза приняло решение создать в ДРВ Группу советских военных специалистов. Перед ней была поставлена задача в кратчайшие сроки обучить и подготовить к боевым действиям личный состав ЗРВ и ВВС ПВО Вьетнамской народной армии. В середине июня 1965 года оперативная группа генералов и офицеров ПВО была направлена в Ханой. Одновременно во Вьетнам была направлена советская военная техника: зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) С-75 «Двина», истребители МиГ-17, МиГ-21, радиолокационные станции обнаружения, техника связи, зенитная артиллерия среднего и малого калибра и другое вооружение. По состоянию на январь 1965 года, во Вьетнаме находилось 382 советских военных специалиста. К концу 1966 года в составе первых четырех центров насчитывалось уже 786 военнослужащих. В период с апреля 1965-го по май 1967 года в ДРВ прибыли и развернулись 10 учебных центров ЗРВ ПВО. Основу каждого центра составлял, как правило, один зенитно-ракетный полк.

Трудность выполнения боевых задач состояла в ограниченном времени, низкой военно-технической подготовке вьетнамских воинов и отсутствии у командования ПВО и ВВС ВНА какого-либо опыта применения зенитно-ракетных войск.

С первых дней пребывания на вьетнамской земле советские военнослужащие столкнулись с рядом специфических трудностей климатического и санитарно-эпидемиологического характера. Тропическая жара, большая влажность, доходившая обычно в ночное время до 100 %, изнуряющее действовали на личный состав. Эти трудности усугублялись наличием ядовитых змей, москитов и множества других насекомых, вызывающих ряд заболеваний (энцефалит, лихорадку, амебную дизентерию и др.). В связи с этим в апреле 1966 года учебные центры посетил главный хирург Советской Армии генерал-полковник А. А. Вишневский с группой военных врачей. Медики провели большую работу по проверке состояния медицинского обслуживания войск Группы и тщательному обследованию санитарно-эпидемической обстановки в зоне их дислокации.

На первом этапе боевую работу вели только советские военные специалисты — от солдата до командира дивизиона (стреляющего). Огневые дивизионы, сформированные из них, имели численность 35—40 человек. Этот состав вполне обеспечивал выполнение боевых задач.

Появление у вьетнамцев нового оружия оказалось для американцев полной неожиданностью. Чувствуя себя в полной безопасности на высотах 5—6 километров и выше, американские летчики не считали нужным применять противозенитные маневры. В дальнейшем в течение всей войны и американские летчики, и советские и вьетнамские зенитчики постоянно находились в поиске новых тактических приемов.

Советские специалисты всегда отмечали у вьетнамцев большое старание в учебе, которое позволяло им довольно быстро овладевать сложной техникой. По мере выработки умений и навыков все новые и новые системы на комплексе принимали вьетнамские солдаты и офицеры, а через восемь месяцев первый зенитно-ракетный полк уже мог вести боевые действия самостоятельно, без участия советских специалистов.

С июля 1965 года небо над Ханоем начали прикрывать зенитно-ракетные комплексы под командованием советских офицеров. В борьбе с авиацией США были задействованы два зенитно-ракетных полка. 24 июля 1965 года в 50 километрах северо-восточнее Ханоя двумя дивизионами, возглавляемыми офицерами Вьетнамской народной армии, из засады уничтожено три «фантома». Самолеты шли с бомбовой нагрузкой в плотном строю на высоте двух тысяч метров. Американцы признали сбитым только один F-4, а два других — поврежденными. Фактически главными действующими лицами являлись подполковники Б. Можаев и Ф. Ильиных. (Только расчет под командованием Федора Ильина, проведя 18 боев, сбил 24 самолета. Никто в мире до сих пор не смог добиться таких результатов. — *В. П.*) По сути, это был первый в истории противовоздушный бой зенитно-ракетных комплексов против сверхзвуковых истребителей.

Один из самых тяжелых боев, проведенных советскими ракетчиками на вьетнамской земле, произошел летом 1965 года под Хайфоном, где располагались огневые позиции четырех советских и вьетнамских зенитно-ракетных дивизионов. В налете американской авиации участвовало 72 самолета. При отражении атаки противника один зенитно-ракетный дивизион был уничтожен. Погибло несколько советских военнослужащих. В результате огня средств ПВО американцы потеряли 28 самолетов. В бою погиб и уроженец д. Забычанье Костюковичского района старший лейтенант *Михаил Константинович Бриндиков.* Похоронен в родной деревне.

2 сентября 1965 года во Вьетнам улетел лейтенант *Петр Семенович Долженков*, служивший тогда в ракетном полку под Иркутском. Все подразделения части укомплектовали высококвалифицированными, отлично подготовленными специалистами: офицерами, сержантами и солдатами. Утром приехавших советских специалистов представили личному составу 236-го зенитного ракетного полка Вьетнамской народной армии (его готовили представители Московского округа ПВО). П. Долженкова познакомили с расчетом кабины «У» (управления) 62-го зенитного ракетного дивизиона — воинами, которым он должен передавать свой опыт. На второй день прибыла новая, прямо с завода, техника. Развернули, привели в боевую готовность, начали «прогонять», проводить регламентные работы. На все это ушло около трех суток. Закончив подготовку, дивизион выдвинулся к месту своей первой дислокации — неподалеку от Хайфона — большого портового города на берегу Тонкинского залива.

Первыми к несению боевого дежурства приступили советские боевые расчеты, личный состав которых на практике показал, что и как нужно делать. Затем дежурили смешанные советско-вьетнамские расчеты. По завершении полного обучения и тренировок ракетные комплексы полностью должны были передать вьетнамским специалистам.

Петр Долженков: *«Вьетнамцы подходили к процессу подготовки с большим усердием. Их мастерство росло на глазах. Обучаемые оказались исполнительными, сообразительными и трудолюбивыми. А главное, четко осознавали, для чего они все это делают. Ведь на кону стояли свобода и независимость их Родины. И эти понятия были для вьетнамских военных не пустыми лозунгами. Их суть каждый вьетнамец пропускал через сердце».*

В небе Вьетнама старший лейтенант Петр Долженков тремя ракетами сбил шесть вражеских штурмовиков. В канун нового, 1966 года в Советском посольстве в Ханое его наградили орденом Красной Звезды. В апреле 1966 года офицер возвратился из зарубежной командировки на Родину.

В сентябре 1967 года на землю Вьетнама прибыл белорус лейтенант *А. Ю. Логозяк.* Он был назначен на должность старшего техника кабины «ПА».

«Провоевал» он во Вьетнаме до августа 1968 года. Через десять лет подполковник А. Ю. Логозяк командовал зенитно-ракетной бригадой.

В нашей стране живет немало бывших военных, служивших во Вьетнаме. Среди них *А. Бухоловский*, выпускник МВИЗРУ, специалист по приемо-передающей системе. Он один из первых в полку награжден орденом Красной Звезды. Другой минчанин, *А. Одинец,* в 1966—1967 гг. был советником главного инженера ПВО ВНА, главным инженером группы советских военных специалистов. Минчанин *В. Кочуланов* вместе с уже полностью вьетнамским дивизионом участвовал в засадах. В стремлении уничтожить американские самолеты командование ПВО и ВВС посылало некоторые подразделения ЗРВ за пределы постоянно обороняемых зон, туда, где американские летчики не ожидали зенитно-ракетного огня. Внесли свой вклад в создание зенитно-ракетных войск Вьетнама минчане *В. Чумак, Н. Сухно, В. Крупнов.* В Минске живет майор запаса *Александр Сергеев*, принимавший в 1968 году участие в войне в качестве специалиста зенитно-ракетных войск. *Федор Савельевич Дроянков* родился в 1915 году в деревне Морозовичи Буда-Кошелевского района, участник Великой Отечественной войны. В 1963—1965 гг. находился во Вьетнаме. В последнии годы работал преподавателем и начальником кафедры общевойсковой тактики Военно-политической академии им. В. И. Ленина, генерал-майор, доцент. С 1 января 1964-го по 1 октября 1966 года во Вьетнаме служил уроженец г. п. Богушевск Сенненского района *Аркадий Андреевич Машедо.* Участвовал в военных действиях во Вьетнаме и уроженец Витебска *Владимир Михайлович Буланов*.

Нефтехранилища американцы разбомбили в середине дня. Классические клещи — заход «фантомов» с трех сторон — обеспечили летчикам полный обзор цели. Громадные нефтеналивные баки полыхали гигантским заревом — ничто не уцелело. Та страшная бомбежка навсегда запечатлелась в памяти полковника в отставке, ныне минчанина *Диогена Николаевича Иванова* — военного специалиста ПВО, служившего во Вьетнаме с марта по декабрь 1966 года. Тридцатипятилетний майор войск ПВО был военным специалистом при командире зенитно-ракетного полка.

Диоген Иванов*: «Война во Вьетнаме поразила меня прежде всего своей жестокостью. Внезапными налетами, бомбежками мирных деревень, в которых жили люди, не представлявшие для американцев никакой военной опасности. До боли поразила та хладнокровность, с которой заокеанские летчики наносили удары по госпиталям, школам и даже, например, по небольшим кирпичным заводикам. Причем в налетах участвовали и такие мощные бомбардировщики, как В-52. И когда на деревеньку заходило около десятка самолетов, несущих тонны боеприпасов, а им отвечала со всей возможной ожесточенностью всего лишь ствольная артиллерия — тогда становилось предельно ясным положение вьетнамцев. А также их желание любой ценой защититься…*

С другой стороны, поражал и необыкновенный патриотизм местного населения. Мы могли его сравнить с тем, как вели себя наши братья и отцы в годы Великой Отечественной войны, и честно говоря, удивлялись: в действиях вьетнамцев проявлялась такая преданность общему делу, такая самоотдача!»

Зенитно-ракетный полк, в котором служил майор Диоген Иванов, занимался обучением личного состава вьетнамских подразделений ПВО. Процесс шел легко: многие из местных, особенно офицеры, оканчивали вузы, военные училища и академии Советского Союза, а потому владели русским языком.

Но иногда случались и казусы.

Как заметил ветеран, советские специалисты, конечно, частенько ремонтировали технику «по-русски»: «Вот сейчас эту штуковину сюда вставим, словечко скажем, и…», и сложные механизмы действительно начинали работать. А через

неделю, когда она вдруг ломалась, уже вьетнамцы жаловались на то, что, не зная волшебного слова, не могут нормально обслуживать технику…

Диоген Иванов: *«Дорог в горах немного. Либо — вдоль побережья, которое насквозь простреливалось с кораблей США, либо — по узкому серпантину. Передвигались мы, как правило, ночью, так как днем в воздухе постоянно «висели» американские разведчики. Цепляли прямо под колесо головной машины фонарик — и в путь.*

Иногда перемещались и на катерах по рекам. Но перед отплытием нас предупреждали: вот сейчас отчалите, и вас начнут бомбить — не бойтесь. Ни в коем случае не прыгайте в воду! Там вас быстрее настигнет осколок, чем на корабле…

И вот мы отошли от берега — и точно, налет!.. В небе висят осветительные бомбы, все вокруг рвется. И сейчас трудно даже описать те чувства, которые я испытывал. Сидел на катере и ждал возвращения на берег как манны небесной. А вокруг только черная вода кипела от разрывов…

Мне приходилось видеть деревни, которые американцы накрывали шариковыми бомбами. Деревня — цела, но без людей. Повсюду только следы крови… У нас это вызывало сильное чувство возмущения: погибало огромное количество мирных жителей, особенно детей. Малыши во время бомбежек инстинктивно забивались в самые дальние углы в своих бамбуковых избушках, но тщетно… Оставшиеся чудом в живых матери несли окровавленных детей. Они верили нам, как богам, даже думали, что мы сможем оживить их ребятишек: «Лиенцо, помогите, лиенцо…» (так на своем языке они называли всех военнослужащих из СССР. — В. П.).

Но у меня в душе осталось светлое чувство от того, что я познакомился на войне с этими людьми и внес посильную лепту в победу вьетнамцев. Я убедился в том, что они — очень порядочные люди, которые любят свою страну, готовые ради преодоления трудностей вынести любые испытания. И они их вынесли — с честью».

В 1966—1967 годах во Вьетнаме находился полковник ***И. К. Иванов***: *«Никогда не забуду дни своего пребывания во Вьетнаме в 1966—1967 годах в качестве военного советника. Моей непосредственной задачей была подготовка вьетнамских специалистов наведения комплекса С-75.*

С началом боевых действий авиация США практически безнаказанно наносила удары по объектам Северного Вьетнама. Действуя в основном со средних высот, она была вне досягаемости огня зенитной артиллерии и стрелкового оружия. Прибытие летом 1965 года ЗРК С-75 и наших специалистов резко изменило эту ситуацию. Были случаи, когда одной ракетой уничтожалось 2—3 самолета. Потери авиации США резко увеличились, что привело к изменению ее тактики. После обнаружения пуска зенитных ракет пилот резко снижался и на максимальной скорости выходил из зоны поражения комплекса. Однако после пусков ЗУР на малой дальности самолет уже не успевал выйти из зоны поражения и, как правило, уничтожался.

Особой признательности заслуживают вьетнамцы. Эти небольшого роста люди были выносливыми и бесстрашными, порой до фанатизма, бойцами. С особым рвением они обеспечивали нашу безопасность и старались создать все возможные в тех условиях удобства для нашего проживания. В ходе воздушных налетов они прикрывали дивизион, ведя плотный огонь из зенитных пушек и пулеметов. Однако выдержки для ведения боевой работы в ограниченном пространстве аппаратных кабин им не хватало. Зачастую, особенно когда цель в виде светящейся точки на мерцающем экране шла на дивизион, они бросали

боевые посты и, выбегая из них, открывали огонь по самолетам из стрелкового оружия».

Николай Арсеньевич Блинков в 1960 году был назначен командиром части, а в 1967-м ему выпала командировка во Вьетнам. Вместе с ним в азиатскую страну летели еще 43 офицера.

***Николай Блинков**: «Я был назначен старшим группы специалистов зенитно-ракетных войск. Группа занималась обучением вьетнамских кадров и подготовкой зенитных ракетных комплексов к боевым действиям. Наша группа прикрывала порт Хайфон. Практически сразу янки уничтожили все мосты, а в Юго-Восточной Азии, где полным-полно мелких речушек, этот факт очень сильно влиял на подвижность и выживаемость зенитных ракетных комплексов.*

Страшно — на войне иногда и убивают… К счастью, никто из нашей группы не пострадал. Были единичные несерьезные ранения «шариковыми» бомбами. Перед выходом на позицию мы проводили полный контроль готовности техники, а ночью выдвигались. Старались уехать под утро — обычно в шесть часов утра американцы делали налет. В этом они работали как по расписанию. Следующий налет случался, как правило, в районе 11.00. И иногда после обеда. На нашем счету 39 сбитых американских самолетов…»

В 1968 году семь месяцев находился во Вьетнаме полковник ***Игорь Владимирович Бартновский**: «Кроме советских специалистов там находилась дивизия ПВО Китайской народной армии, летчики из Северной Кореи, летавшие на семнадцатых МиГах, встречались и кубинцы. Трофеи же местное командование делило на всех, вне зависимости от коэффициента участия. В этом проявлялась так называемая братская солидарность в борьбе с американским империализмом. Статистика носила странный характер. Мы прекрасно знали, что большинство самолетов поражали ракеты нашего полка. Но у вьетнамцев существовал свой подсчет — всем сестрам по серьгам. Да Бог с ним, живыми-здоровыми вернулись — и то хорошо.*

…Грешили вьетнамские ракетчики нарушениями правил пуска ракет. Положено по цели бить двумя снарядами с интервалом 5 секунд. Они же из экономии делали только один пуск. От одной ракеты летчик может, если заметил, уйти очень легко, сделав «нырок» под нее. А вот от второй уйти почти невозможно».

В начале июня 1968 года после соответствующей подготовки и инструктажа во Вьетнам с группой товарищей был направлен подполковник *Станислав Григорьевич Батаев*. Подлетая к Ханою поздно ночью, они угодили под огонь зениток. Вокруг самолета вспыхивали разрывы снарядов. Но, к счастью, самолет резко пошел на посадку и вскоре приземлился на аэродроме, который утопал в темноте. С первых минут нахождения на вьетнамской земле прибывших поразили жара и сумасшедшая влажность.

Вьетнамцы очень гордились, когда сбивали советскими ракетами американские самолеты. Для них это было делом чести, а для вьетнамских крестьян — еще и дополнительный кусок металла, из которого они научились отливать различную домашнюю утварь и сувениры.

Советские ракеты перевернули все представления американцев о тактике ведения войны в воздухе. Безусловно, каждый стремился выполнить свою задачу: американские пилоты — сбросить смертоносный груз на мирных жителей и мирные объекты, а вьетнамцы — сбить с помощью советских специалистов эти смертоносные самолеты и тем самым не допустить потерь и урона на земле.

Управляемая ракета «шрайк» представляла собой трехметровую серую сигару, начиненную 23 килограммами взрывчатки и несколькими тысячами стальных

кубиков. Предназначалась она прежде всего для борьбы с зенитно-ракетными комплексами.

Станислав Батаев: *«Первоначально было сложно уйти от поражающего воздействия таких ракет, и конечно, мы несли потери. Но затем наши специалисты предложили поставить на антенну станции «будку», оснащенную мощными телескопическими приборами. Внутри «будки» находился оператор, который и мог наводить станцию на самолет противника, не поднимая «высокого» напряжения, то есть не облучая его.*

Позднее операторы СНР научились вообще «обманывать» противника. Вначале они, как и ранее, обнаруживали его с помощью «высокого» излучения, а затем, произведя пуск ракеты, отворачивали антенну от самолета противника и выключали «высокое» напряжение. «Шрайки», как правило, беспорядочно падали вдали от СНР, не причиняя большого вреда зенитным ракетным дивизионам. От поражения осколками «шрайков» мы защищали станции, навешивая на их стенки деревянные бруски толщиной до 10 сантиметров».

Эффективность применения наших ракет ЗРК резко снизилась, и в 1968 году на каждый сбитый самолет в среднем расходовалось уже 9—10 ракет. Зенитные ракетные дивизионы стали нести потери как в технике, так и в личном составе. Нужно было срочно принимать меры по увеличению живучести ЗРК.

Советские инженеры стали дорабатывать комплексы. В результате их зона поражения была расширена, улучшена защита от воздействия помех. Зенитные управляемые ракеты вновь представляли реальную угрозу для авиации противника.

При нанесении ударов по городским объектам и по дивизионам противник широко применял шариковые бомбы — новое поколение шрапнельных бомб времен Второй мировой войны. Они предназначались в основном для поражения людей. Шарики не пробивали даже толстую доску, но зато, попав в человека, входили в тело и двигались в нем по сложным троекториям. Такие шарики оставляли на теле маленькую ранку, снаружи крови было мало, зато происходили внутренние кровоизлияния. Вьетнамцы скрывали от советских специалистов человеческие жертвы — но те видели их разбитые огневые позиции… А на вопрос, к примеру, «Где товарищ Нам?», отвечали: «Он уехал в отпуск».

Станислав Батаев*: «В октябре наш полк перебазировался на юг Вьетнама — противник в этом районе начал более активно обстреливать мирное население и хозяйственные объекты. Стрельбу вели в основном эсминцы и крейсеры 7-го флота ВМФ США. Наша задача состояла в уничтожении этих морских целей.*

Дальность действия наших ракет по надводным кораблям составляла порядка 25—30 километров, и это заставило их отойти от берега подальше. Поставленная перед полком задача была выполнена.

…Следов военной озабоченности на лицах вьетнамцев мы практически не видели. Они весело смеялись, обсуждая свои повседневные дела. Хотя никто не забывал и об опасности.

Вьетнамское командование отбирало в зенитные ракетные войска лучших людей, самых образованных, самых толковых и расторопных. Но все равно у многих из них за плечами было не более четырех-семи классов образования. Поэтому нам приходилось проводить занятия не только на боевой технике, но и по общеобразовательным дисциплинам, особенно по математике и физике.

Самым запоминающимся днем для нас в плане ведения боевых действий за все время пребывания во Вьетнаме был сентябрь 1968-го. Тогда нам пришлось отразить немало налетов авиации. Продолжительный бой завязался 23 сен-

тября. Нами было выпущено десять ракет. Но противник применил помехи, противоракетный маневр, любыми способами пытаясь уйти от поражения. И все же 34-й дивизион последней ракетой сбил-таки самолет противника, который упал в море.

27 сентября тот же дивизион сбил еще один самолет. На машине мы подъехали к месту его падения, чтобы собрать все, что от него осталось. Но так как по авиации противника вели огонь одновременно и ствольная артиллерия, и ополченцы (а последние оказались ближе к месту падения), обломки самолета, естественно, нам не достались. Нас просто не допустили к ним.

Затем по радио и в прессе сообщили, что в такое-то время там-то зенитчиками Вьетнамской народной армии был сбит американский самолет. Хотя мы видели, что именно наша ракета его сбила... Вообще во всем Вьетнаме велась широкая пропаганда эффективности пехотного и артиллерийского вооружения, возможно, даже в ущерб популяризации современных видов ПВО — ракет и самолетов.

29 декабря 1968 года, перед Новым годом, мы получили поздравление и подарки от министра обороны СССР. В каждом из подарков была открытка с подписью министра обороны, бутылка водки «Столичная», плитка шоколада «Аленка», по одной банке черной икры и растворимого кофе, четыре килограмма сухой колбасы, плавленый сырок, колбасный фарш, две банки кофе со сгущенным молоком, три пачки печенья, две банки шпротов, десять пачек сигарет «Фитиль» и одна буханка черного хлеба.

...Лишь в конце мая 1969 года я вернулся домой. Закончилась моя боевая командировка в далекий Вьетнам».

Генерал-майор ***Александр Яковлев***: *«В Ханой прилетели утром. Инструктаж в посольстве, подготовка. И уже на пятый день за нами приехали из полка. Зенитный ракетный полк, в котором нам предстояло служить, был частью особой. Его так и называли — полк-герой.*

Местом наших боевых действий был определен район реки Голубой, 250 км южнее города Винь в провинции Куангбинь. Здесь находился один из важных узлов коммуникаций. С максимальной секретностью и маскировкой мы прибыли сюда. Развернулись и... уже на третий день услышали по американскому радио о том, что в районе провинции Куангбинь развернуты ракетные установки ПВО.

Начались бои. Основным и единственно возможным методом борьбы с американской авиацией в этих условиях стали засады. Дивизионы скрытно уходили в джунгли, там разворачивались на заранее подготовленных позициях и... замирали. В течение нескольких дней изучались воздушная обстановка, районы полетов авиации, готовились данные, и лишь после этого проводилась стрельба.

...Над небольшой долиной, зажатой между двух гор, скользил легкий «сто пятый». Без подвесок, максимально облегченный, он был и разведчиком, и приманкой. Где-то за ним шла ударная группа. Спустя несколько десятков секунд над долиной из облаков вывалилась пара «фантомов». И ожила засада. Первой ракетой был уничтожен ведущий. Его самолет ярким факелом рухнул в джунгли. Ведомый, круто развернувшись, атаковал позицию дивизиона.

Вот он все ближе. Еще немного — и бомбы уйдут вниз, но неожиданно прямо перед ним в небо ушла зенитная ракета. Решив, что это и есть место расположения дивизиона, «фантом» обрушился в пике на ложную позицию, подставив себя под удар артиллерии. Короткий залп зениток. Самолет просто развалился в воздухе и грудой обломков рухнул на землю. В опустевшем небе одуванчиком распустился купол парашюта. Через несколько минут был уничтожен и вертолет, посланный на помощь летчику...

А еще через некоторое время на расположение ракетчиков обрушился ракетно-бомбовый удар большой группы штурмовиков. Но бомбы рвались на пустом месте. Дивизион был уже в пути. Все здесь решали минуты. Если после пуска ракеты в течение сорока минут установки не покидали район, то шансов уцелеть практически не оставалось. Бомбили американцы снайперски.

Наш полк прикрывали батареи ствольной зенитной артиллерии. И делали это отлично. Артиллеристы были прекрасно подготовлены.

Вьетнамцы очень ценили наши помощь и знания. Но доверяли нам не сразу, а лишь убедившись в мастерстве каждого. Не случайно они устраивали новичкам проверки. Прибудет к нам новый специалист — его уже через день просят приехать проверить систему. А неисправность такая, что иначе, как нарочно, ее не вызвать… Так проверяли качество нашей подготовки. Всего за несколько месяцев наши ракетчики уничтожили восемь самолетов США. Это не считая приданной нам зенитной артиллерии прикрытия, которая изменила взгляды многих военных авторитетов на пушку как устаревшее средство борьбы с авиацией. Признанием наших заслуг был и тот факт, что после каждой удачной стрельбы к нам приезжал командир полка, а у партийного секретаря провинции устраивался прием.

Основное развлечение — кино. Помню, наша группа первой перехватила только прибывший в посольство фильм «Бриллиантовая рука». Крутили его больше месяца. Часто смотрели другие новые фильмы из Союза. Конечно, читали. Играли в теннис, волейбол, шахматы... Материальное положение? Выслуга — год за два, как в Союзе на Севере, только с той разницей, что у нас-то еще и война шла. Одна зарплата шла семье в Союзе. Не такую уж большую сумму получали и во Вьетнаме…

…Мы покидали Вьетнам со смешанным чувством радости и грусти. Радости оттого, что впереди встреча с Родиной, с близкими и дорогими людьми. А грусти потому, что на этой земле оставалась часть души. Оставались друзья, сослуживцы. Оставалась война. А мы улетали…

Для нас, советских военных советников, Вьетнам был и остается страной, которой требовалась наша помощь, наши знания, наше мастерство. Где остались друзья и товарищи. Где опалило нас огненным крылом той далекой войны…»

Генерал-лейтенант в отставке *Валерий Владимирович Костенко* в 1970—1971 гг. неоднократно принимал участие в подготовке и ведении зенитно-ракетных боев по прикрытию, защите и действию из засад объектов на юге Вьетнама и «Тропы Хо Ши Мина» в составе рейдового 238-го зенитно-ракетного полка ПВО ВНА.

Валерий Костенко: *«Эффективность С-75 поражала военных специалистов. Комплекс очень прост с точки зрения эксплуатации, умен и логичен. Построен он по классическим законам управления ракетами с большим потенциалом для модернизации.*

Нужно было энергично провести противовоздушный бой, нанести противнику максимальный ущерб, моментально свернуться и совершить маневр в другой район, иначе через 15—30 минут налетала авиация. Там земля и джунгли горели, а мы уходили».

Капитан *Юрий Иванович Вересов* в 1970 году попал во Вьетнам советником главного инженера зенитного ракетного полка, охранявшего порт Хайфон, через который тогда шли водным путем основные грузы из Союза. Советский Союз поставлял Вьетнаму хорошие, надежные зенитно-ракетные комплексы. И у американцев появились первые потери — бомбардировщики В-52, беспилотные самолеты-разведчики.

***Юрий Вересов**: «...Как-то приезжаю в дивизион, а в это время начинается налет американских бомбардировщиков. Сразу же прибываю на командный пункт и вникаю в обстановку. Вижу, что цели приближаются к зоне обстрела. Жду приказа командира о пуске ракет, а он почему-то молчит. Тактично намекаю, что нельзя медлить, иначе противник уйдет безнаказанным. А он мне через переводчика объясняет, что без разрешения политрука (в полку — комиссара) приказ на обстрел дать не может! А тот в это время по громкоговорящей связи призывает ракетчиков дать отпор американскому агрессору и т. д и т. п. В результате самолеты спокойно пролетели боевые порядки дивизиона.*

После налета провожу разбор действий личного состава. Интересуюсь у политрука, насколько он компетентен в вопросах боевой техники и тактики войск ПВО. Оказалось, что для него это, как говорится, — темный лес.

Поэтому бывали случаи, когда мы сами принимали участие в боевых действиях: должность советника не ограничивалась ролью стороннего наблюдателя. Особенно часто это случалось, когда командиры дивизионов проявляли нерешительность или медлительность в сложных ситуациях. А неисправности на комплексах тем более устраняли только собственными силами. Для более сложных работ приезжали бригады высококлассных специалистов из Союза».

Роберт Эдуардович Эссенсон родился в Гатчине под Ленинградом, окончил Пушкинское радиотехническое училище войск ПВО. Надолго запомнился Роберту Эдуардовичу один из эпизодов службы в городе-спутнике Свердловска в мае 1960 года. Тогда он оказался в составе боевого расчета, прервавшего полет американского самолета-разведчика, за штурвалом которого был небезызвестный Фрэнсис Пауэрс. За четкие, уверенные действия Роберта Эссенсона наградили орденом Красной Звезды.

Другие боевые награды он получил во Вьетнаме, где сбивал штатовские «фантомы» и в реальной обстановке войны учил этому вьетнамских военных. Роберт Эссенсон превратил в опаленные обломки три американских боевых самолета. Тогда, в семидесятые, шла настоящая война умов и техники. Он был одним из тех, кто внедрял и испытывал тактику быстрой смены позиций мобильных комплексов ПВО, придумывал систему временного отключения радиолокационного излучения техники. Это позволяло избежать поражения советского зенитно-ракетного оружия американскими снарядами самонаведения «шрайк» и сохранить многие жизни. Именно тогда накапливался бесценный боевой опыт, который затем изучали специалисты войск ПВО всего Советского Союза.

Природа одарила Роберта Эдуардовича богатырским телосложением и высоким ростом. Имея почти сто тридцать сбитых килограмов в теле, ему непросто было переживать изнуряющую влажную жару и москитные атаки. Приходилось работать по ночам, когда становилось чуть свежее.

К сожалению, Роберту Эссенсону и его боевым друзьям довелось увидеть во Вьетнаме много того, что потом перекочевало в их страшные сны: кровь, истерзанные тела. Американцы вели жестокую войну вне всяких правил, с применением шарико-кассетных бомб, химического оружия и беспощадной тактики «атак по площадям».

Вернувшись из Вьетнама, майор, а затем полковник, кандидат военных наук, доцент Р. Эссенсон долгое время работал начальником кафедры в Минском ВИЗРУ. Умер он в 1999 году.

Прикрывал небо Вьетнама и капитан *Николай Антонович Дюк*, уроженец небольшой деревушки Лешница Березинского района. 21 мая 1970 года в составе группы «специалистов сельского хозяйства» он был направлен в далекую страну. Капитан Н. Дюк был назначен на должность инструктора полка Ханойской группировки войск противовоздушной обороны. После окончания в 1971 году срока командировки возвратился на родину. Последние годы майор Николай Дюк жил и работал в Бобруйске.

***Владимир Александрович Гвоздовский**: «Было это в 1971-м. На поверке боевой готовности подразделения — а служил я в одном из зенитных ракетных дивизионов на Кольском полуострове — у меня спросили, готов ли я исполнить интернациональный долг. «Так точно!» Советский солдат всегда готов. Был молодым, как и многие парни, горячим. Сейчас понятия и ценности изменились, но мы считали: если ты офицер, пришел служить сознательно, то должен посвятить этому жизнь. Да и когда еще подобная возможность представится? Задали вопрос: «Как на такую командировку посмотрит жена?» Супруга рожать должна была едва ли не в день моей отправки… В общем, кто родился, узнал уже во Вьетнаме — после акклиматизации.*

Группа советских военных специалистов работала в каждом полку. Такого количества товарищей, с которыми я учился в Минском высшем зенитном ракетном училище противовоздушной обороны, как во Вьетнаме, я за все время службы больше не встретил ни разу. Я занимался обслуживанием зенитных ракетных комплексов. Вмешиваться в боевые действия мы не имели права: решения принимали вьетнамцы, они же давили на кнопку — сбивали самолеты. Хотя на первых порах — еще до моей спецкомандировки — этим занимались и советские ребята. Вьетнамцы руководствовались заветом Хо Ши Мина, который гласил: «В нашей войне — войне за достижение независимости, освобождение и воссоединение страны — иностранцы пострадать не должны». И поверьте, это были не пустые слова… Хотя за боями понаблюдать удалось. В том числе за классическим боем в первой половине апреля 1972-го. Сработали тогда так, как даже на полигонах не всегда удается. Стреляют 4 дивизиона — падают 4 самолета. Затем стреляют опять — 3 падают, лишь одному удается сделать противоракетный маневр: понестись камнем вниз и уйти на малых высотах.

На войне всегда страшно. Страшно видеть разбитую в прах школу, наблюдать, как вьетнамские девушки в своих знаменитых черных штанах «лупят» по заходящему на разгрузку американскому палубнику, а он в ответ им бомбу — бах! Вместо девчушек — воронка. Помню массированные бомбардировки Ханоя. В декабре 1971-го они были настолько сильны, что трупы не успевали убирать с улиц. Приходилось надевать противогазы. Трупный запах преследовал всюду, особенно в районах госпиталей, воинских частей... Чтобы американцы не разбомбили понтонный мост через Красную реку, вьетнамцы сажали туда пленных летчиков. Как правило, человек триста. И нынешний сенатор Джон Маккейн там был…

Угрызений совести, что я делал неправое дело, у меня нет. Я офицер. Более того, если бы у меня была возможность жать кнопку самому, я бы жал. И знаете почему? О демократии ходит много разговоров, но когда видишь детей без рук и без ног, которые подорвались, бегая по земле босиком… Которые поднимали интересные блестящие игрушечки — вроде фонарика, а эти фонарики взрывались у них в руках… Ненависть к американцам была такая, что парализованный, пролежавший 20 лет, и тот вставал. Ребенок, который только-только научился ходить, брал в руки палку и пытался топать с ней в сторону сбитого летчика. И сейчас во Вьетнаме, когда говоришь местным, что ты «ленсо» (советский офицер), в глазах видишь исключительно признательность».

Полковник *Владимир Михайлович Лагутин*, уроженец д. Барколабово Быховского района, в 1965 году — после четырехлетней «войсковой стажировки» на Центральном государственном полигоне — вернулся в стены родного Минского высшего инженерного радиотехнического училища противовоздушной обороны на должность начальника отделения квантовой электроники лаборатории кафедры электронных приборов. Инженер с головой окунулся в исследовательскую и преподавательскую деятельность. В 1972 году стал кандидатом военных наук. В октябре того же года его направили в служебную командировку во Вьетнам.

***Владимир Лагутин:** «Во Вьетнам нас командировали как... специалистов по выращиванию и переработке сахарного тростника — в количестве четырнадцати военных преподавателей. Было нам тогда в среднем лет по тридцать пять — возраст, когда вся жизнь впереди.*

Позднее, отмечая наш маршрут на карте, мы сами удивлялись, какими кругами, а точнее — зигзагами, доставляли нас к месту назначения: Москва — Ташкент — Бомбей — Калькутта — Рангун — Вьентьян (Лаос) — Ханой.

Как в первые, так и в последующие месяцы нашего пребывания во Вьетнаме дел было невпроворот! С конца октября до середины ноября 1972 года мы жили в Ханое на территории Советского посольства и ломали головы: как при полном отсутствии технической литературы (с грифом «Секретно» таковую за рубеж не отправишь) подготовить учебно-методические материалы для проведения занятий по устройству сложных ракетных комплексов? Каждый из нас взял на себя одну или две дисциплины и разработал темы занятий по своему направлению. Дело пошло, мне пришлось покорпеть над непростой темой по системе определения координат цели и ракеты, выуживая информацию не из учебников, а вспоминая свое обучение в стенах военного училища и опираясь на опыт, приобретенный во времена службы на государственном полигоне. Со страхом «пройдет — не пройдет» мы ожидали результатов анализа разработанной нами программы подготовки боевых расчетов, которую представили на утверждение командованию ПВО и ВВС Вьетнамской народной армии. Еще строже был старший группы советских военных специалистов. Облегченно выдохнули, получив добро, уже по пути из Ханоя в Шонтай, провинциальный городок километрах в тридцати от вьетнамской столицы, где находился Центр подготовки расчетов ЗРК С-75 к боевым действиям и где нам предстояло пробыть оставшуюся часть нашей зарубежной командировки».

Из дневника ***Владимира Лагутина**:*

«16 ноября 1972. Четверг. В день нашего отъезда, как всегда, идет дождь. В Шонтай приехали в 11 утра... У каждого из нашей группы — отдельная комната в «коммунальном» бунгало: стекол нет — стеклить бесполезно, вместо окон — решетки, утрамбованный или цементный пол, стены из бамбука и крыша из тростника или листьев банановых пальм. Из мебели — «роскошная» кровать, обтянутая москитной сеткой. Да шкафчики, которым мы были очень рады. От вездесущих крыс в них можно было прятать кое-какие книги и личные вещи...

...По утвержденной программе обучения из обычных вьетнамских ребят за полгода нам предстояло подготовить первоклассных специалистов, умеющих воевать на сложном зенитном ракетном комплексе С-75. А еще — закрепить твердую уверенность в том, что комплекс, если грамотно использовать все его боевые характеристики, способен с большой вероятностью поразить все участвующие в налете цели, имеющиеся на вооружении противника, пусть даже они приближаются или удаляются на разных высотах, с разными скоростями, используют разные типы помех и в неограниченном их количестве.

***Владимир Лагутин:** «Относились к советским специалистам двойственно. За нами постоянно наблюдали. Делалось это почти открыто, чем создавалась обстановка недоверия. Складывалось впечатление, что вьетнамская сторона воспринимала нас как защитников исключительно советских интересов на территории иностранного государства. Нас не допускали к обломкам сбитых советским же оружием американских самолетов. Нелогично, но объяснений никаких. Приходилось порой за деньги просить простых вьетнамцев пробраться к охраняемым обломкам и принести некоторые элементы аппаратуры...*

Зато на боевых позициях советских инстукторов берегли как зеницу ока. Во время бомбежек или ракетных ударов вьетнамские солдаты по трое накрывали своими телами «лиенсо». На улицах городов к нам подходили люди, осторожно дотрагивались до одежды и с благодарностью смотрели в глаза. Вьетнамцы как никто умеют жестами и глазами показать свое отношение и свои чувства.

Своеобразно реагировали на советских служащих китайцы. Они очень пристально отслеживали любую информацию об отношениях между Москвой и Пекином и старались вести себя с представителями Советского Союза соответственно. В Шонтае недалеко от учебного центра размещался китайский полк ПВО, вооруженный ЗРК С-75 их собственной модификации. Перемещались наши коллеги исключительно строем. Когда мы встречались с ними в городе, то китайцы либо не смотрели в нашу сторону, либо старались делать холодные лица. И лишь замыкающий строй обязательно улыбался и делал приветливое лицо».

Из дневника ***Владимира Лагутина***:

«18 декабря 1972. Понедельник. Закончил рассмотрение интегратора практическим занятием...

Снова возобновились налеты. В 19.30 появились армады самолетов.

...События этих дней потрясли весь мир!»

Владимир Лагутин: *«Впервые в жизни мы увидели небо войны. Оно было в движущихся огнях. Зрелище страшное! Стратегические бомбардировщики В-52 тяжело тащили смертоносный груз на Ханой. Воздух был наполнен зловещим гулом. Ударами металлического прута по висящему рельсу известили о воздушной тревоге. По всем строжайшим инструкциям наше место по этому сигналу — в бомбоубежищах. Через некоторое время содрогался не только воздух, но и земля. С ужасом мы поняли: на столицу, где еще месяц назад мы готовили свои планы проведения занятий, сбрасывают бомбы.*

...После первой волны налетов, когда ни мы, ни вьетнамцы еще не успели прийти в себя, пошла вторая волна, затем третья. Бомбили жестоко и отчаянно, сотнями самолетов. С 18 по 29 декабря 1972 года по приказу Вашингтона воздушная армада из 140 самолетов-бомбардировщиков В-52 и 700 самолетов тактической авиации обрушила 100 тысяч тонн смертоносного бомбового груза на Ханой, Хайфон и ряд других густонаселенных районов Демократической Республики Вьетнам.

И все же я думаю, что США недооценили возможности противовоздушной обороны Вьетнама. Американская разведка ошиблась в количестве ракет для ЗРК С-75, которые мы скрытно доставили прямо перед операцией. А ракет у нашей стороны было предостаточно! Как только в зоне поражения появлялся очередной В-52, вьетнамцы открывали по нему огонь тремя ракетами. В ночном небе это выглядело очень зловеще и зрелищно. В момент встречи ракеты с целью «сверхкрепость» рассыпались сотнями огней!»

Из дневника ***Владимира Лагутина***:

«19 декабря 1972. Вторник. Сегодня налеты продолжались. Вчера тревогу объявили в 19.30, первый бой шел очень близко от нас — били зенитки, пушки, ракеты. За ночь семь раз бегали в убежище. Бомбили Ханой. Такой большой бомбежки здесь еще не было. Участвовали В-52. В последний раз (с 4 до 5 утра) побросали много бомб замедленного действия. При отражении первого налета сбили четыре самолета. Потом радио замолчало... Вчера в первом налете сбили два В-52 и (впервые) взяли в плен экипаж. За день (до 21.00) бегали (в убежище) девять раз.

20 декабря 1972. Ханой. Третий день яростных бомбардировок столицы, начатых по приказу Белого дома. Этой ночью была самая затяжная воздушная тревога, продолжавшаяся более четырех часов. Такой затяжной бомбардировки во вьетнамской столице не было за все время американских налетов.

22 декабря. Пятница. Ночью спали около трех часов. Налеты были очень сильными. Летели через нас на Ханой. Вчера на приеме комиссар центра сказал: «Мы благодарим, во-первых, любимого вождя Хо Ши Мина, организатора, создателя, творца всех наших побед, во-вторых, мы благодарим наш мужественный, героический народ, и в-третьих, мы благодарим за помощь все соцстраны и в том числе СССР».

***Владимир Лагутин:** «В Шонтае работали наши специалисты из военных НИИ, которые собирали информацию о новшествах противника и передавали ее для обработки в Союз. «Противоядие» находили и внедряли в течение одного-двух месяцев. Гораздо медленнее шла модернизация китайской зенитной ракетной техники. Вплоть до конца войны на ЗРК С-75 китайского производства не стояла даже система селекционирования движущихся целей. Китайский полк ПВО в Шонтае не поразил ни одной воздушной цели во время проведения операции «Лейнбакер-2»».*

Из дневника ***Владимира Лагутина**:*

«1 января 1973. Понедельник. Вчера Никсон отдал приказ о прекращении бомбардировок. Впервые с 18 декабря легли спать в свои постели раздевшись и впервые не бегали в бомбоубежища. ...Не сразу поверилось, что война закончилась».

Рапорт с просьбой послать во Вьетнам минчанин капитан *Павел Алексеевич Гайдуков* написал сразу после выпуска из Минского высшего инженерного зенитного ракетного училища в 1966 году. Его очередь добровольца подошла через шесть лет, когда служил во Владивостоке. В Ханой майор П. Гайдуков прилетел 27 мая 1972 года с группой из десяти офицеров. Служить попал в 48-й полк противовоздушной обороны, который прикрывал вьетнамскую столицу. В советской группе был заместителем начальника, а у вьетнамцев занимал должность, равную, по нашим меркам, заместителю командира полка по вооружению.

Первое, что поразило в среде вьетнамских военных, — беспрекословная дисциплина и в то же время дух коммунистического братства. Командир полка, выпускник советской академии войск ПВО, ездил на службу на велосипеде, обувался в самодельные резиновые тапочки на босу ногу. Газиком пользовались лишь командир дивизии и наши специалисты.

К советским товарищам здесь относились уважительно, но дистанцию держали. Вьетнамцы не любили определения «военный советник» (к началу семидесятых годов подразумевали, что в советах уже не нуждаются) и «трактовали» наших людей исключительно как специалистов по ремонту и обслуживанию техники.

На трех-четырех советских военспецов в 48-м полку приходился один переводчик, он же офицер вьетнамской госбезопасности, что особо и не скрывалось. Любопытно было и то, как тщательно следили вьетнамцы, чтобы нигде не встретились на боевых позициях, не пересеклись в дороге советские и китайские специалисты. Неплохо говоривший по-русски командир полка как-то откровенно сказал П. Гайдукову: «Вы, советские, отслужите свой срок и покинете Вьетнам, а вот с китайцами сложнее: если куда-то проникнут, то их уже не выкуришь…»

Существенный вопрос: сколько американских самолетов лично сбили Павел Гайдуков или его товарищи по группе? Ответ простой: в 1972—1973 годах — ни одного. Хотя в середине шестидесятых было иначе. Пока вьетнамцы учились,

воевали советские зенитчики. Затем наступило время, когда наши и вьетнамцы работали на стартовых позициях вместе. Об этом вспоминали так: палец вьетнамца лежал на кнопке «Пуск», а сверху нажимал наш.

В последний год советским специалистам запрещалось участвовать в боевых стрельбах, они отвечали лишь за готовность техники. Стоимость зенитно-ракетного комплекса С-75 и «фантома» считалась в международной практике оценки вооружений примерно одинаковой. То есть, по воспоминаниям П. Гайдукова, если с нашей помощью сбивался один американский штурмовик, то комплекс как бы окупался. Советская военная статистика такова: в 1972 году было проведено 1155 стрельб. При общем расходе 2059 ракет сбита 421 цель, то есть средний расход составил 4,9 ракеты.

Намного сложнее оказалась борьба с двухсоттонными восьмидвигательными бомбардировщиками B-52, которые взлетали с острова Гуам в Тихом океане. П. Гайдуков своими глазами видел результат «ковровых бомбометаний»: после прохода звена B-52 остается полоса мертвой перемолотой земли шириной полкилометра и длиной около трех. Видел, как в Ханое медленно, словно игрушечная, валилась телевышка. Как в Хайфоне беззвучно оседали в воду пролеты моста через реку Красную.

Встретить американского летчика не «в виде» пикирующего «фантома», а лицом к лицу, майору П. Гайдукову довелось один только раз. В декабре 1972 года в Хайфоне переправлялся через реку Красную и на палубе встречного катера увидел пленного американца. Тот сидел поникший, выставив вперед культи рук, обмотанные окровавленными тряпками. Переводчик коротко пояснил, что когда крестьяне ловят выбросившегося с парашютом пилота, то, пока не подоспеет армейская облава, учиняют такую казнь: отрубают руки.

Жили в бунгало с глиняным полом и стенами из бамбуковых жердей. Постельным бельем обеспечивали вьетнамцы, а чтобы постирать одежду, приходилось договариваться с обслугой за отдельную плату. Во дворе душ — железная бочка на сваях. Развлечением была субботняя баня, когда сами грели воду, а после выпивали словно бы по обязанности. Рисовая водка «Лямой» крепостью 45 градусов довольно своеобразно «шла» при температуре наружного воздуха тоже 45 градусов.

Павел Гайдуков*: «Зачем я добивался службы во Вьетнаме. Ради денег? Смешно говорить… Можно ответить так: ради карьеры, ради строчки в послужном списке. Кадровый офицер должен воевать. Время от времени».*

В январе 1974 года майора *Анатолия Федоровича Дубинчика*, уроженца д. Некрасово Осиповичского района, вызвали для беседы в штаб Брянского корпуса ПВО. Тогда он и не подозревал, что через полгода увидит столицу ДРВ, тропические джунгли, пепелища на месте сожженных напалмом деревень, нищету и страх людей, десятилетиями не знавших мирной жизни. Измученный войной и американскими бомбардировками, Ханой представлял жалкое зрелище: полуразрушенные дома, одни дымоходы, нескончаемые очереди у пунктов отоваривания, карточная система на продукты питания. Выделялись только здания посольств и гостиницы для иностранцев, которые американцы не бомбили.

Анатолий Дубинчик: *«В моем кармане было удостоверение работника сельского хозяйства, но главной обязанностью стало обеспечение боеготовности войск ПВО страны, обучение личного состава армии Вьетнама. Служил в труднопроходимых джунглях. Я обучал вьетнамцев настройке техники, ремонту ее, учил специалистов армии работать с радиолокационными станциями и радарными установками. Как преподавателю мне было тяжело объяснить им устройство сложных систем, чертежей, схем, ибо основная масса воен-*

нослужащих — деревенская молодежь — была малообразованной или вообще безграмотной, не умеющей читать и писать. Но все они были очень любознательные...»

Сложный путь прошел полковник *Борис Петрович Егин*. В марте 1971 года после соответствующей подготовки в качестве помощника военного атташе он был откомандирован в одну из южных провинций Китая. Через эту страну в соседний Вьетнам шла военная техника из Советского Союза. Официальной обязанностью старшего лейтенанта Б. П. Егина был контроль за ее прохождением. Главная же задача — сбор информации, интересующей определенные службы государства. Ведь в ту пору, после известных Даманских событий, отношения между КНР и Советским Союзом разладились и поддерживались лишь на уровне консульств. В Поднебесной Советский Союз был объявлен врагом номер один. И в том, что советский военный в результате провокации был арестован и препровожден в тюрьму как шпион, конечно, была своя логика.

Полтора месяца, проведенные за решеткой на чужбине, измотали и морально опустошили его. Угнетало осознание того, что помощи ждать неоткуда. За несколько дней до оглашения приговора в камере появился «странный китаец», затеявший разговор о жизни. После его ухода Борис Егин обнаружил под скамьей записку, смысл которой понял не сразу: «Пекин. 12 лет. Туалет. ЗиС-164».

Когда за «антигосударственную»деятельность его приговорили к 12 годам лишения свободы, подумал, что скоро переведут в Пекин. Так и случилось. Беглого осмотра внутреннего дворика с туалетом, примыкающим к стенке местной тюрьмы, хватило, чтобы понять, что стоит за третьей, ключевой частью записки. Через это «заведение» с подвижной задней стенкой и ушел… (Как выяснилось потом, в организации побега деятельное участие принял старший товарищ по службе Александр Иванович — профессиональный разведчик.) А о четвертой составляющей, ЗиС-164, Борис Егин впопыхах не вспомнил. Потом узнал, что у тюрьмы стояла машина такой марки.

***Борис Егин**: «Выскочил на улицу, огляделся вокруг, сообразил, что из пулемета на тюремной вышке этот угол не достать... И как сумасшедший, забыв обо всем, рванул в джунгли. Откуда только прыть такая взялась?»*

Беглец вскоре оказался на вьетнамской стороне. Без карты и еды он проплутал в джунглях 17 суток. Питался бананами и ящерицами, пил воду, собирающуюся в розетках тропических деревьев, — искусству выживания в экстремальных условиях был обучен.

После нескольких недель скитаний Б. Егин совсем отчаялся выбраться отсюда, выйти к людям. Хоть назад возвращайся в китайскую тюрьму. Восемнадцатый день «свободы» одарил сюрпризом — наткнулся на подбитый американский «фантом». В кабине сидел мертвый пилот, штурмана не было. Видимо, успел катапультироваться. Егин обшарил кабину самолета в надежде найти там карту или что-нибудь съестное. Увы, ничего не было. Побрел дальше. Вдруг заметил неподалеку европейского вида человека в камуфляжной форме. Догадался — штурман! Тот тоже обрадовался встрече с человеком. Объяснил, что еды давно нет, но куревом угостил. По его виду можно было догадаться, что на вынужденной посадке находится давно. Елагин знал, что в оснащении американских летчиков обязательно должен быть передатчик размером со спичечный коробок. С его помощью потерпевшим аварию легко выйти на связь со своими. Спросил об этом, как сумел. Американец понял. Показал передатчик, удрученно продемонстрировал, что не работает…

Егин попросил у летчика карандаш, извлек из него грифель, вставил кусочек вместо перегоревшего конденсатора и вручил реанимированный «маячок» изумленному штурману. Тот воспользовался. Через 40 минут на это место прилетел

вертолет. После препирательств с американским пилотом экипаж взял на борт «русского инженера, который вышел погулять на китайско-вьетнамской границе, да заблудился». Так старший лейтенант объяснил свое появление здесь.

«Спасители» обещали «выкинуть» Егина по пути в Лаос, куда направлялись сами. Исполнили бы они это обещание или нет, он никогда не узнает. Вертолет сбили вьетнамцы. Пленных они не брали, пускали в расход. От расстрела нашего героя спас… русский мат.

После того, как Б. Егин добрался до советского посольства, он обучал военной науке вьетнамских партизан, потом получил официальное назначение — советником командира по применению ПТУРС, участвовал во многих операциях.

Среди наград Б. Егина есть вьетнамская медаль «За героизм в борьбе против американского империализма». В 1973 году после сильной контузии Борис Петрович Егин вернулся домой, окончил Ленинградскую военную академию, служил в Афганистане, работал ведущим инженером Полоцких электросетей. Сейчас живет вместе с супругой в деревне Боровка Лепельского района.

В качестве военных специалистов с честью выполняли интернациональный долг *Павел Петрович Маленко, Марк Николаевич Силецкий*. С июля 1971-го по июль 1972 года в служебной командировке был заместитель командира зенитно-ракетного полка витебчанин *Анатолий Ипатьевич Малицкий*. Ратный труд нашего земляка был отмечен орденом Красной Звезды и медалью.

Брестчанин лейтенант *Владимир Акимович Омельянюк* служил в зенитно-ракетных частях. Ему приходилось много заниматься обучением вьетнамских ракетчиков, работать над устранением поломок и боевых повреждений техники.

Там же проходили службу уроженцы Слонимского района подполковник *Николай Фомич Москаленко* и майор *Леонид Иванович Тимофейчик.* Служил во Вьетнаме и родившийся в 1949 году в Калинковичах *Григорий Иванович Флерко.* Через Вьетнам пролег боевой путь офицера *Ивана Дмитриевича Балыко,* уроженца деревни Малые Бортники Бобруйского района. Выполнял свой воинский долг в азиатской стране *Александр Николаевич Мельник.*

В 1971 году был направлен в служебную командировку во Вьетнам ныне минчанин полковник *Андрей Николаевич Трегуб*. В его обязанности входили прием, разгрузка, складирование и распределение всех грузов, поступающих из Советского Союза для вьетнамской армии.

После окончания Бакинского общевойскового училища десантник лейтенант *Виталий Феликсович Пасечный* остался служить в Закавказье. Через некоторе время его направили для продолжения службы и учебы в разведывательное управление округа. После окончания обучения В. Ф. Пасечный был направлен во Вьетнам инструктором-советником.

Разведывательная база находилась в центральной части страны, под Данангом, занятым американскими войсками.

Ему и его товарищам пришлось учить вьетнамцев нелегкому труду разведчиков-диверсантов. Технические дисциплины, вооружение — здесь вьетнамцы признавали авторитет «старшего брата».

Приходилось общаться и с кубинцами. Советские офицеры сошлись с ними быстро, стали друзьями. Парни с острова Свободы носили бороды «а-ля Фидель». Вскоре подобными «украшениями» обзавелись и наши. И дружба та была настоящая, мужская, водой не разлить. Кубинцы ходили на задания. Однажды предложили и советским советникам размяться в джунглях. Долго уговаривать не пришлось — уж очень хотелось попробовать себя в настоящем деле, на базе сидеть надоело. О последствиях такой прогулки тогда как-то не думалось, самому старшему в группе еще и тридцати не было.

Дело, на первый взгляд, выглядело несложным: устроить засаду и захватить колонну Южного Вьетнама, чтобы взять образцы вооружения и боеприпасов. Потом, правда, выяснилось, что главная цель — не оружие, а американские и другие западные военные советники. Их надо было доставить без единой царапины.

Бой в джунглях продолжался три часа. Разбежавшихся по лесу советников пришлось отлавливать еще несколько часов. В центр вернулись весьма гордые собой. И разразился скандал: где вы пропадали четверо суток? Разговор был короткий: готовьтесь к отлету в Москву. И к увольнению из армии.

Миновала неделя. Офицеры немного воспрянули духом: авось пронесет. И пронесло. Когда старший группы пошел к руководству выяснить, паковать ли им чемоданы, ему коротко ответили: идите на занятия. В Москве, видно, здраво рассудили: а стоит ли огород городить? Никто в плен не попал. Все живы-здоровы. Да и опыт какой-никакой получили.

После окончания службы В. Ф. Пасечный приехал в Беларусь, туда, откуда началась его полная скитаний взрослая жизнь…

Мало кто знает, что военные действия шли не только на территории Вьетнама, но и в соседнем Лаосе. Именно там базировались советские летчики. Главной задачей авиаторов было, во-первых, снабжать воюющих вьетнамцев оружием и продовольствием, во-вторых — прокладывать, а затем и защищать дороги из Вьетнама в Лаос в непроходимых джунглях.

«Там впервые нам и довелось встретиться с американскими летчиками, которые искали эту дорогу, чтобы ее уничтожить, — вспоминает почетный гражданин Витебска генерал-майор ***Николай Федорович Зайцев***. — *Наши ребята действовали в боевых условиях просто героически, по всем статьям переигрывая американцев.*

Тогда в Лаосе я впервые увидел пленных американских летчиков, которых допрашивали и представители нашего командования, и конечно, вьетнамцы. К слову сказать, далеко не всех пленных летчиков вьетнамцы впоследствии отпустили на родину, многие из них были расстреляны».

Неоднократно совершал рейды во Вьетнам подполковник *Петр Савельевич Щетина,* заслуженный военный летчик СССР (это высокое звание ему было присвоено одному из первых в военно-транспортной авиации и ВВС в 1966 году), участник Великой Отечественной войны. Служил П. С. Щетина в Витебске, исполнял обязанности командира полка и заместителя командира соединения. Экипажу его самолета приходилось доставлять во Вьетнам оружие, боевую технику, все необходимое в военных условиях. П. С. Щетине присвоено звание Почетный гражданин Витебска.

В 1972 году передавал свой богатый боевой опыт летчикам Вьетнама и Герой Советского Союза полковник *Лев Кириллович Щукин.* В качестве военного специалиста выполнял воинский долг офицер летчик *Павел Петрович Маленко.*

Всего же в Беларуси, по некоторым данным, проживает около 190 бывших советских военных, принимавших участие в американо-вьетнамской войне.

Искусство суждения

Алесь МАРТИНОВИЧ

Как в самой жизни

Один из самых ярких представителей сегодняшнего поколения тех белорусский писателей, кому исполнилось или исполняется 70 лет, — Владимир Саламаха. За перо он взялся еще школьником. Его первые, понятно, что ученические, пробы пера родные поддерживали. Особенно отец, бывший фронтовик. Как признается Владимир Петрович в автобиографии, «ён на апошнія грошы выпісваў нам, дзецям, усе беларускія літаратурныя часопісы і нават «ЛіМ», а таксама «Юность, «Роман-газету» і мне асабіста — часопіс «Художник». Этот журнал в семье появился неслучайно. Володя с детства увлекался и рисованием. Когда семья переехала в поселок Сачок, где отец будущего писателя работал шофером (родился В. Саламаха в деревне Бересневка Кировского района), там была богатая библиотека. Это способствовало еще большему его увлечению чтением. Что до задатков таланта, то они у него были, пожалуй, от деда по матери Остапа по фамилии Печень. Когда В. Саламаха «пачаў стала друкавацца з прозай, маці прасіла іншы раз, каб пачытаў». Сама яна «была зусім непісьменнай, не ўмела пісаць і чытаць». У той жа аўтабіяграфіі ёсць і такое сведчанне: «…яна ніколі не казала, добра ці дрэнна. Толькі аднойчы, калі пачула па радыё маё апавяданне, пахваліла: «Дзед Астап».

Но это было позже. Первые рассказы «На ўзмежку радасці» и «Яўменава хата» В. Саламаха опубликовал в 1977 году в журнале «Маладосць». «На ўзмежку радасці» назвал и свою первую книгу (1980). Потом вышли «Заўтра ў дарогу» (1985), «Кавалёк — лесавая былінка» (1988), «Цяпло чужога сэрца» (1990) и другие. Все, о чем он писал и пишет, проникнуто глубоким психологизмом, что свидетельствует не только о его высоком профессиональном мастерстве, но и об умении пропускать через себя судьбы тех людей, о которых рассказывает, а если смотреть шире, то и в нужных случаях как бы превращаться в них, ставить себя на их место. Это в одинаковой степени характерно и для его повестей, и для рассказов. Притом как для произведений, написанных во время творческой молодости, так и в уже зрелом возрасте. Впрочем, читатель и сам может в этом убедиться, знакомясь с книгой избранного В. Саламахи «Сустрэчы без расставанняў», вышедшую в издательстве «Мастацкая літаратура».

Открывается она дилогией «Адплаціцца нам…». В повести первой «…І няма шляху чужога» действие происходит в последний год Великой Отечественной войны. Советские части пошли дальше на запад, и в деревне Гуда постепенно налаживается мирная жизнь. Хотя деревни как таковой и нет: немцы Гуду сожгли. Да и немногие жители остались живы: бывший партизан Михей, вернувшийся с фронта инвалидом Николай, старик Ефим, двое детей. Да еще женщина на сносях… У каждого из них, естественно, своя судьба. Но особенно ярким у В. Саламахи получился образ Иосифа Кучинского. Честный, порядочный человек, он не по своей вине в чем-то стал притчей во языцех: его сын в оккупацию был полицаем, более того, жег и родную деревню. Понятно, каково отношение сельчан к его отцу.

Страсти еще больше накалились в первый послевоенный год, а это уже вторая повесть дилогии — «Не цурайся веры сваёй». Кучинскому ничего не остается, как оставить Гуду. Пристанище он находит на хуторе, затерянном в лесной глуши. Вскоре Иосиф обрел и свое счастье, встретив в городе ту, которую когда-то любил. Теперь судьба снова свела его с Теклей, теперь уже навсегда. Сельчане же и не догадываются, что он жив, думают, что погиб во время паводка. Из-за этого переживают свою внутреннюю вину. Получается, что невиновного человека как бы подтолкнули к этой гибели.

Дилогия примечательна, прежде всего, своей острой проблематикой. Казалось бы, что новое можно сказать о войне? Но В. Саламаха смог, ибо раскрыл бесчеловечность войны не с поля войны, а постиг все происходившее, углубившись в измученную человеческую душу. Через образ Иосифа Кучинского сделал это. Кстати, по первой повести на Белорусском радио был создан одноименный радиоспектакль (режиссер-постановщик Олег Винярский), имевший большой успех у слушателей. Не в последнюю очередь благодаря тому, что главные роли замечательно сыграли народный артист СССР Геннадий Овсянников, народные артисты республики Беларусь Сергей Журавель, Арнольд Памазан, Мария Захаревич и Николай Кириченко.

Книга избранного В. Саламахи названа по дилогии «Сустрэчы без расставанняў», состоящей из повестей «Там, дзе самоты і радасці…» и «Напрадвесні». Связь между этими двумя произведениями внутренняя, в каждом из них свои герои, хотя есть и общий персонаж — Василь Федорович. В первой повести рассказывается о недавних выпускниках средней школы, входящих в самостоятельную жизнь. Несомненная удача писателя — образы того же Федоровича и Виталия Судиловского, вокруг которых и разворачивается основное действие. Они в чем-то разные, но одновременно и похожие. Их объединяет то, что подпадает под определение «самота і радасці». Хотя у обоих радостей все же меньше. Печально, что многое уже осталось в прошлом. Да и «новая» жизнь во многом не такая, как представлялось раньше.

События в первой повести разворачиваются на протяжении одного летнего месяца, когда ребята устраиваются на работу. Многое им приходится делать. И туалет строить, и подъездной путь прокладывать, что из-за неопытности едва не стоило им жизни. Да и вообще работают там, куда пошлют. Но и такие «уроки» не проходят бесследно. Если до этого ребята едва ли не на все смотрели сквозь розовые очки, то теперь понимают, что нельзя к тому или иному явлению подходить односторонне. Это, однако, не означает, что они резко меняют свои взгляды, оценки. В. Саламаха показывает характеры этих и других персонажей в развитии, не ускоряя процесс их взросления, не пытается сразу сделать Федоровича и Судиловского лучше. Хотя такая опасность была. Особенно в отношении Федоровича, в образе которого заметны автобиографические моменты. Однако автор не пошел таким путем. Он остался, насколько это в данном случае возможно, объективным. Не прихорашивая Федоровича, показал его живым человеком, не только на работе, но и в личной жизни. Созданы и другие интересные образы, а это свидетельствует в пользу того, что жизнь постигнута во всей ее многогранности.

Немало узнаешь о судьбе юношей и девчат, распрощавшихся со школой где-то в конце 60-х годов прошлого столетия, знакомясь с повестью, также в чем-то автобиографичной, «Напрадвесні». Но это уже как бы взгляд через годы. Действие начинается с того, что сообщила Федоровичу секретарша: «Яна яшчэ ўчора званіла. Але вас у горадзе, ведаю, не было, вы ж недзе ў школу ездзілі, на раён. Дык яна прасіла перадаць, што запрашае прыехаць у суботу ў Масткі на сустрэчу аднакласнікаў». И этот звонок, и это приглашение стали для Федоровича нео-

жиданностью. Он не сразу догадался, кто же эта Анастасия Григорьевна, как представилась она секретарше. Вспомнил с трудом: «… Насця. Вось яно што. Дык яна ж адразу пасля школы ў інстытут паступіла. А ён тады, такі разумнік, палічыў, што па-свойму павінен сваё жыццё ладзіць, у раёнку падаўся». С районной газеты, как и у самого В. Саламахи, и началась самостоятельная жизнь этого литературного персонажа.

Автобиографические моменты как раз и позволяют писателю достигнуть большой убедительности. То, чего не придумаешь, взято из жизни и помогает ему отображать тогдашние реалии так, что не появляется никакого сомнения в правдивости происходящего. Будни сотрудников районной газеты показаны с фактографической точностью. Особенно запоминается эпизод собрания в редакции после того, как на фотокорреспондента, с которым успел подружиться Федорович, поступила анонимка: «Пішуць, што на рэдакцыйнай плёнцы здымае людзей, на рэдакцыйнай паперы друкуе фотакарткі і бярэ хабар. Калі ж падлічыць, колькі грошай ён паклаў у сваю кішэню за пяць гадоў, з дазволу сказаць, такой дзейнасці, то атрымліваецца значная, даволі значная сума».

Фотокорреспондент согласен: снимки людям он делает, но на своей бумаге. Притом бесплатно, чтобы принести человеку радость. Редактор же газеты заявляет, что аноним, обращаясь в высшие органы, не заметил, что на обратной стороне бумаги осталась написанной его фамилия. Иной на месте фотокорреспондента сразу закричал бы: «Быстрее назовите анонима!» Он же на это не пошел: «Ігнат Сяргеевіч, я вельмі прашу вас, не называйце прозвішча. Не называйце. Я не хачу расчаравацца ў чалавеку. Хай ніхто яго не ведае. Як тады разам працаваць?» Таким поведением он дал всем еще один урок честности, доброты. В первую очередь Федоровичу. Этот урок он пронес через всю свою жизнь: «…Ну што ж, ва ўсе часы паміж людзьмі хапае непрыстойнасці, іншага кепскага, увогуле заганнага, пра што часам і казаць сорамна. Але ён з той юначай пары добра ўсвядоміў, што як бы там ні было, свет не без добрых людзей. Так часта казала маці. А ёй, ведаў, казала яе маці, а той — яе… Мабыць, гэта — свет не без добрых людзей — жыве на зямлі з незапамятных часоў. Пра гэта і ён, пісьменнік Васіль Федаровіч, пісаў і піша. Заўсёды будзе пісаць…»

Повесть «Напрадвесні» засвидетельствовала о творческом росте молодого в то время писателя, о его умении замечать в жизни главное. А еще В. Саламаха нашел персонаж, во многом ставшей выразителем его мыслей, надежд, его понимания места человека в жизни. Очень значима в творчестве В. Саламахи повесть «Ковалёк — лесавая былінка». Митька Ковалёк — одинокий пожилой человек. Он любит проводить время на природе, особенно зимой. Правда, стеснялся своей влюбленности в лесную красоту, а «гэтай зімой займеў звычку амаль кожны дзень выбірацца ў лес». В таких походах видел спасение от того же одиночества: «…часам яго гняла туга, хоць ты яе завяжы ў мех. Але ад яе не ўцячэш, раз агарнула — пераверне ўсё ў душы… Найбольш гняла зімой… Калі адзін сядзеў у настылай хаце. Сядзеў бяздумна. За сцяной страляў мароз, або завывала ў коміне, і вакол цябе такая пустэча, хоць плач». Больше всего завидовал Ковалёк «звычайнаму чалавечаму жыццю», такой жизни, в которой близкий человек неизменно присутствует рядом, всегда есть взаимопонимание. Ему чаще всего хотелось посещать те «хаты, дзе былі дзеці».

Рассказывает В. Саламаха о главном герое с любовью, жалостью, да и пониманием всех его трудностей. А еще, заглядывая в душу Ковалька, подчеркивает, что всякие натуры, пусть и скрытные, конечно же, имеют право на счастье. Ковалёк сделал первый шаг к нему, когда устроился на лесоучасток, где и встретил женщину, которую полюбил. Но жизнь и здесь приготовила ему суровое испытание. Он столкнулся с несправедливостью, а пойти

против совести не смог. Не позволил украсть лес, за что был жестоко избит. Злодеи посчитали его мертвым. Пряча следы преступления, облили бензином и подожгли. Но Ковалёк пришел в себя. Объятый пламенем, он поднялся с земли. Таким его и увидела Панкратовна — та женщина, которую он полюбил: «І яна, нарэшце, дабегла да яго, упала перад ім на калені, пачала ліхаманкава збіваць языкі агню з вопраткі, не зважаючы, што на руках успыхваюць і лопаюцца пухіры. Яна біла і біла рукамі па агню, потым навалілася на яго ўсім целам, разумеючы адно: яе Міцька жывы, жывы...»

На этом произведение и оканчивается. Ковалёк остался жив, а это еще одно подтверждение тому, что добро в конце концов способно победить зло, пусть и с великим трудом, с физическими и нравственными муками. В повести «Кавалёк — лесавая былінка» В. Саламаха впервые в своем творчестве заглянул на «дно» современного общества. Одновременно в образе главного героя показал «маленького» человека, в результате чего приблизился к лучшим традициям классической литературы. И не только белорусской (как не вспомнить Кузьму Чорного), а и всемирной, из русской в данном случае наиболее характерен Федор Достоевский. Кстати, с этой повестью внутренне перекликается повесть «Шурка Легкая Рука». Правда, Шурка Ралевич (Шурка Легкая Рука) прожил куда больше, да и войну пережил, а в остальном… Не такой он, как многие сельчане. К таким же и отношение особое. Его трагическая, нелепая смерть — еще одно подтверждение тому, что раньше уходят лучшие.

Говоря о В. Саламахе-новеллисте, следует, прежде всего, отметить его произведение «Жыць тры дні», вообще одно из лучших в этом жанре в белорусской литературе. При том, что написано еще тогда, когда писатель только входил в литературу. Однако, не зная этого, трудно поверить, что все и в самом деле так. Настолько в произведении каждая ситуация психологически точно выверена, а образ главной героини Ольги получился удивительно правдивым, запоминающимся и убедительным. Такому восприятию способствует присутствие документальной основы. В пользу этого свидетельствует и авторское посвящение «Памяці сястры Зоі». Однако это нисколько не препятствовало переходу автора к широким обобщениям. Наоборот, сделала их еще более значимыми. Произошло это благодаря тому, что писатель посмотрел на события Великой Отечественной войны глазами народа, а этому, в свою очередь, поспособствовала цепкая детская память.

Не та, конечно, что основана на собственном восприятии военных событий — В. Саламаха, как известно, родился после войны, а память матери, которая неоднажды рассказывала о трагических моментах немецкой оккупации. Немало, безусловно, дало и прочитанное о борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, а также увиденное на экране. Как и воспоминания тех, кто пережил оккупацию. Все это как-то сразу стало своим. Постепенно даже уже не столько пропускал через себя все это, сколько жил им. Писал и, по сути, переживал все сам, ибо оно успело уже стать и частью его внутренней биографии. Отсюда и кинематографическая точность — годы работы в кино для В. Саламахи не прошли зря:

«Бегчы яна ўжо не магла.

Ды і куды было кінуцца, калі вёска акружана, калі ў кустах ля рэчкі брэшуць, як разрываюцца, сабакі, усюды страляюць, асабліва ў тым баку, ля Нямкоўскага лесу, калі па зямлі коцццца агонь… Адчуваючы, што сіл у яе хопіць на крок-другі, не больш, і тады паваліцца, прыцісне сабой дачушку, якая слаба торгаецца ля грудзей, Вольга абяссілена спынілася сярод вуліцы».

«Што ж гэта будзе?» — об этом женщина думает не раз. Хотя и так все понятно: «Вядома, яна ведала, што зробяць карнікі з жанчынай з партызанскай зоны, калі знойдуць. Яны, мабыць, чуючы сваю блізкую пагібель, лютавалі, як ніколі, яны не пашка-

дуюць Вольгу і яе хворае дзіця, якое зусім абяссілела і нібы абмерла…»

То, что спасение вряд ли возможно, подтвердил и сосед Ольги Демьян Каструба. Точнее, не сам он, а происшедшее с ним подтвердило это: «Ён нешта хацеў крыкнуць Вользе, але наперадзе з кустоў вербалоззя гакнуў стрэл, Дзям'ян на імгненне застыў з раскрытым ротам, ухапіўся рукамі за грудзі і паволі апусціўся ў жыта, знерухомеў». Вскоре рожь загорелась: «каціласся полымя, пакідаючы пасля сябе чорную палоску попелу. Попел злёгку віхурыў, паветра стала гарачым, рэдзенькія пасмы дыму паўзлі ўверх, праз іх сонца здавалася расціснутым, як пераспелая журавініна». В поисках спасения Ольга с ребенком бросилась в деревню, «але і ў вёсцы быў агонь. Гарэлі пабудовы, гарэлі амаль без дыму, вецер гнаў полымя з канца ў канец, нібы разматваў вялізны вогненны клубок. Полымя паўзло па сценах хат, падлізвала стрэхі, платы, распаўзалася па скошанай пад яблынямі ўжо сухой траве. Яблыкі лопаліся і падалі абвугленыя на зямлю».

Но самое страшное впереди: «Вольга… на імгненне застыла з шырока адкрытымі вачыма: да яе вуліцай, усыпанай галавешкамі, паволі ішлі два немцы і паліцай», а еще собака. Полицая она узнала сразу. Это был Ридняк из соседней деревни, у его отца она подзарабатывала до войны. Но, оказалось, у фашистского холуя жалости нет. Зато собака Галус узнала ее, завилял хвостом.

Рассказ «Жыць тры дні» — это сочетание боли, трагедийности, безысходности. Ситуация, в которой очутилась героиня рассказа, уникальная. Ольга не только находится на грани жизни и смерти, на спасение рассчитывать вряд ли приходится. Вся сложность еще в том, что женщина оказалась перед непростым нравственным выбором. Спастись она может, но ценой смерти… собственной дочери. Такой выбор Ольге предложил немецкий офицер, врач. Понимая, что ее дочь очень больна, решил проявить «гуманность». Он «высыпаў на далоню тры таблеткі, падаў іх Вользе». Если дочь выпьет их, то через три дня тихо и спокойно умрет, а саму Ольгу, как убедил ее этот офицер, ожидает «счастливая» жизнь: «Фрау будет работать в Германии, хорошо жить…» Нетрудно догадаться, каким был ответ. Тогда Ольге был предложен второй вариант: «Фрау пьет лекарство сама. Киндер жить, фрау — нет. Мы пустим фрау, идет в лес… Или мы убьет фрау и киндер». На это она, конечно, не могла не согласиться, ибо главное для нее, чтобы осталась в живых дочь.

Ольга спешит в лес: «У мяне яшчэ тры дні, — падумала яна, не думаючы, што яе маглі падмануць, што яе і дачушку ўсё адно могуць забіць. — Няўжо за гэты час нікога не знайду?..» Яна «ішла між папялішчаў, праз клін згарэлага жыта, да кустоў. Ішла і нічога не бачыла навокал, усё шаптала дачушцы: «Хутка татка наш прыйдзе», — аж пакуль не пачула стрэл там, дзе засталіся ворагі». Это была застрелена собака, которая не бросилась по команде на женщину.

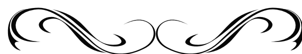
Последняя точка в рассказе, по сути, так и не поставлена. Завершающее предложение: «Да людзей яна выйшла праз двое сутак» никакой уверенности не дает. Можно только догадываться, что потом произошло с Ольгой и ее маленькой дочуркой. Хотя авторское посвящение насчет будущей судьбы девочки никакого оптимизма не дает. Но не будем забывать, что литература — вовсе не зеркало жизни. Даже тогда, когда в основу положены факты, имевшие место в действительности. Поэтому, познакомившись с рассказом «Жыць тры дні», получаешь возможность, отталкиваясь от его содержания, о многом задуматься. Но главное, пожалуй, в том, что можно в который раз убедиться, насколько неординарно складываются людские судьбы. Особенно тогда, когда все происходит в сложных реалиях, в которых, с одной стороны, человек проходит испытание на человечность, честность, а

нелюди полностью раскрывают свою звериную сущность.

Рассказ «Жыць тры дні» имел широкий резонанс, о чем засвидетельствовали письма читателей, адресованные В. Саламахе. Да и отзывы в печати. В частности, вдова известного российского академика Валентина Коптюга Ирина Михайлова, давая высокую оценку журналу «Беларуская думка», который, как известно, является органом Администрации Президента Республики Беларусь, не обошла вниманием и рассказ В. Саламахи. При этом провела такую параллель, которой может гордиться любой писатель. Она подчеркнула, что «такія публікацыі, як цудоўнае апавяданне У. Саламахі «Жыць тры дні» ці крык душы Чынгіза Айтматава «Чуеце звон часу?», бяруць за жывое» (БД, 1999, № 3). Оценка очень высокая и заслуженная.

В книге «Сустрэча без расставанняў» помещены также рассказы. «Трынкен шнапс, гармонік шпілен» — это умелое сочетание реалистического письма с тонким юмором. В «Парастках» по-своему обыгрывается, опять-таки, как и в рассказе «Жыць тры дні», «быковская» ситуция. «Адно слова» и «Зямля, словы, журавы» — переход от частных жизненных случаев к широким обобщениям, когда отдельные моменты из жизни героя приобретают общечеловеческий смысл.

Если же попытаться коротко сказать, что же главное в прозе В. Саламахи, то правильно будет сказать: талантливо! Поэтому так уважительно относится к его творчеству редакция российского журнала «Наш современник». В этом авторитетном издании за последние годы в переводе на русский язык опубликованы четыре его повести. Да и не в коллективных номерах, какими обмениваются журналы «Нёман» и «Наш современник». «НС» представляет В. Саламаху самостоятельно, на равных с российскими авторами. Это также о многом говорит. Что ж, талантливое видится и издалека.

С точки зрения рецензента

Книга-признание

Роман-эссе Наталии Костюченко «Время жатвы и время покаяния» (Минск: Белорусский республиканский литературный фонд, 2016), отражающий высокую степень авторской откровенности и искренности, вряд ли кого-то оставит равнодушным. Неискушенного читателя может поразить чрезмерная открытость, обнаженность чувств, смелость и бескомпромиссность авторских суждений и интенций, сродни толстовским инвективам в его знаменитой «Исповеди». Более взыскательный читатель, избалованный художественными текстами гурман, в свою очередь, сфокусирует внимание на общезначимых сентенциях, полученных в результате отрефлексированного личного жизненного опыта, глубокого самоанализа.

Наталия Костюченко принадлежит к плеяде писателей, творческое и жизненное кредо которых определяется, в том числе, стремлением разрешить проблему судьбы человека, развенчать иллюзорность и фальшь, которые нередко присутствуют в межличностных отношениях. Весьма отраден тот факт, что автор, обратившись к созданию психологической прозы, основанной на автобиографическом материале, осознает нравственную ответственность и перед собой, и перед читателем, предприняв попытку морального самоочищения, личного избавления от всепроникающей лжи, чрезмерность которой в мире достигла своей кульминационной точки. Начав с себя, продемонстрировав беспощадную нравственную требовательность к себе, Наталия Костюченко объективно *оправдала* свою творческую деятельность, нынешнюю и будущую, принимая во внимание непреходящее значение мысли М. Бахтина о том, что «личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду ее жизни, но проникать друг друга в единстве вины и ответственности… Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности».

Непосредственным импульсом к созданию произведения стал метафизический факт сновидения, в котором

некто невидимый давал наставление написать книгу: «Книгу-исповедь, книгу-самоанализ, книгу-признание обо всем, даже о самом грешном, что было в моих чувствах, мыслях и поступках — вот что предлагалось мне написать». Жанр психологической исповеди отражает наличие художественной реализации достаточно сложного взаимодействия субъекта и объекта повествования, одновременным носителем которых является автор произведения. Эта сложность определяется непосредственным соотношением контекста героя (объекта) и контекста автора (субъекта): «…каждая конкретная ценность художественного целого осмысливается в двух ценностных контекстах: в контексте героя — познавательно-этическом, жизненном, — и в завершающем контексте автора — познавательно-этическом и формально-эстетическом, причем эти два ценностных контекста взаимно проникают друг друга, но контекст автора стремится обнять и закрыть контекст героя… Эстетическая формирующая реакция есть реакция на реакцию, оценка оценки» (М. Бахтин).

Такая необходимость двойной оценки требует от автора особого психологического напряжения, повторного переживания и сопереживания в постоянном переосмыслении прошлого, приводящего к эмоциональному выгоранию и опустошению. Вот как говорит об этом сама Наталия Костюченко: «Хорошо помню, как писала главу «Предательство». Такое не забудешь! Две недели творчества. Вначале перестала спать, потом — есть… А спустя какое-то время и пить. Могла только воду. Чай организм отвергал. Но сколько эмоций! Боялась сгореть на собственном огне».

Эти слова лишний раз подчеркивают стремление автора представить на суд читателя такой синтез формы и содержания, который реальное бытие переводит в плоскость инобытия, становящегося самостоятельным эстетическим феноменом, способным вызвать у читателя ответную реакцию эмпатии и осмыслить авторскую позицию, отраженную, в том числе, и в стилевом решении. При этом следует отметить, что стиль автора данного романа лаконичен, лишен психологической избыточности; а отточенность и выверенность фраз свидетельствуют о «выдержанности тона, отсутствии неуместного пафоса», на что проницательно указывает критик Л. Олейник.

Отраженные в романе обобщающие суждения о человеке и жизни, об отношении человека к миру, природе, о предназначении человека, о его отношении к бытию свидетельствуют о профессиональной зрелости автора и глубине его мирочувствования, мировосприятия. Постановка вопросов в произведении носит, как правило, антропоцентричный характер: «Что являет собой человек изначально? Неразумное нагое существо? Хотя многие философии сводятся к другому: что именно это неразумное нагое существо, еще не обученное говорить и не обросшее, словно чешуей, ни земными страстями, ни суевериями, и держит в своих неокрепших ручонках истину, которую не способны ни удержать, ни постичь взрослые люди. С каждым мгновением жизни эта великая его способность исчезает: и данное ему от рождения некое знание, и высшая чувствительность, и чистое сердце… Тогда каково же предназначение жизни человека на земле, если с каждым годом он теряет главное? Или нет у человека никакого предназначения? И не для того ли живет он, чтобы испытывать всевозможные желания и изыскивать способы их удовлетворять?»

Ответы на подобного рода вопросы автор стремится отыскать в собственной судьбе, ретроспективно переосмысливая этапы жизненного пути, начиная с раннего детства и заканчивая настоящим. Художественно реализуя потребность в самоанализе, исповеди и даже покаянии, автор последовательно и скрупулезно проявляет бесстрашие самораскрытия и откровения, напрочь отвергая какую-либо идеализацию биографического материала: «Я глубоко верю, что, оставаясь на-

едине с собой, далеко не каждый гордится своим прошлым, что многие, терзаясь чувством вины или стыда, хотели бы переписать те или иные страницы жизни наново. Вряд ли кто способен огласить истинную свою биографию. Она так же редка, как и хорошо прожитая жизнь. Далеко не каждому дано соблюсти себя в полной чистоте, всегда быть свободным от страстей и искушений, тщеславия и зависти, словом, ни разу не замарать свою душу и не стать предателем. Истинная биография — скорее не о достижениях, а о грехах».

Вот перед читателем возникает образ малолетней Наташи, предпочитающей сельскую местность с ее потрясающей красотой природы городскому пейзажу, не вызывающему в чуткой душе ребенка теплого отклика: «…сам запах города угнетал и отталкивал. И это все после тех белесых песчаных деревенских дорог, по которым я любила ходить босиком, после трав, звенящих кузнечиками, разноголосицы птиц, после ласковой бабушкиной хаты с ее странными, терпкими и одновременно сладковатыми ароматами…». У ребенка была своя Вселенная, и центром ее была бабушка Христина — воплощение заботы, теплоты, мудрой снисходительности и любви: «Слабая здоровьем, имевшая множество болячек и болезней, она, тем не менее, обладала такой неиссякаемой, не соответствующей ее физическому состоянию жизненной энергией, которая могла подпитываться только любовью». Счастливы те дети, у которых бабушки и дедушки как можно дольше замыкают экзистенциальный круг семьи, это оплот, защита и опора для них, это особый мир, наполненный благодатной чистой энергетикой, это особое единение родственных душ, их взаимодействие и взаимопроникновение, незримый метафизический диалог.

Уже в детском возрасте проявились и творческие способности девочки, и ее особое отношение к миру и природе, — тонкое восприятие которой и трепетное ощущение единения с которой явлены были очень рано. И не менее рано проявился индивидуализм, понимаемый как обособленность — в детском саду, поскольку на интуитивном уровне, бессознательно ребенок чувствовал чужеродность этого заведения: «Просто все, что происходило в детском саду, никак не увязывалось в единое целое с моим внутренним миром. Мною владело спокойное и уверенное чувство собственной обособленности, и оно было сильнее всего остального».

Проявленное еще в детстве обостренное восприятие человека и окружающей действительности, проницательное внутреннее видение позволили впоследствии обнажить и в себе разные качества, в том числе и негативные: меркантильность, тщеславие, малодушие, свидетельствующее об ослаблении личностного начала (зависимость от сомнительного мнения сомнительных окружающих, неспособность противостоять общественному мнению с ложными установками), эгоцентризм и т. п.: «В своей жизни я совершила немало плохого. И мне страшно осознавать, что больше я жила для себя, нежели для других. И сегодня, когда за плечами столько поступков, ошибок, пережитых боли и радостей, поняла одно: предавая ближнего, прежде всего ты предаешь себя, потому что, совершая предательство, никогда не сможешь чувствовать себя счастливым».

Однако героиня романа и сама неоднократно становилась жертвой банального расчета, изрядно сдобренного прагматическими установками, лицемерием и ложью, пережила серьезный экзистенциальный кризис, моменты отчаяния и бесчестия: «…настолько мрачной кажется тебе действительность. На очень близких людей, которые тебе искренне сострадают и которых, к сожалению, не бывает много, ты не обращаешь внимания. И в то же время с отчаянием осознаешь, что большинство знакомых, которые не так давно и составляли твое окружение, вдруг отвернулись от тебя. И тогда ты вспоминаешь одну известную истину: мир не благоволит неудачникам, а особенно тем, кого постигло бесчестье». Главным же человеком для автора книги

остается мама, всепонимающая и всепрощающая, согревающая душевным теплом и любовью: «Такой чувствуешь себя обогретой, такой защищенной на этой земле, словно в колыбели, пока есть ты. Это — моя молитва к тебе, мама, и к Небу — о тебе».

Череда событий, произошедших в жизни героини романа, безусловно, вызывает неподдельный интерес, смятение и потрясение. Невзирая на чрезмерную открытость миру и представленные сокровенные глубины мирочувствования, явно ощущается не вся исчерпанность темы, автор определяет пунктиром некоторые грани, требующие нового осмысления и художественного воплощения: «Мне было уже больше тридцати, когда, избалованная лестью и вниманием окружавших меня людей, я вдруг почувствовала, что во мне не только все еще жива женщина, но и что эта женщина, обнаружив себя, не желает сопротивляться своей капризной природе и готова переступить через ближнего. Лавина страстей и моего неукротимого эгоцентризма, пока еще не распознанная внутренним зрением, толкала меня на поступки, о которых потом жалела». «Подчинение спонтанным желаниям чем-то похоже на запой, когда не знаешь меры, когда бурлит кровь и трудно остановиться, и от бездумного восторга невозможно предугадать последствия».

Извлекая на своем непростом жизненном пути моральные уроки и обретая душевные силы для последующей реализации творческого, профессионального потенциала, автор убежден в главном: «И хотя новое занятие не приносит доходов, оно дает нечто большее, нежели то материальное благополучие, которое совсем недавно обеспечивалось прежней деятельностью. Работая над книгой, подвергая анализу свой внутренний и окружающий мир, я постепенно учусь доверять себе и всему сущему».

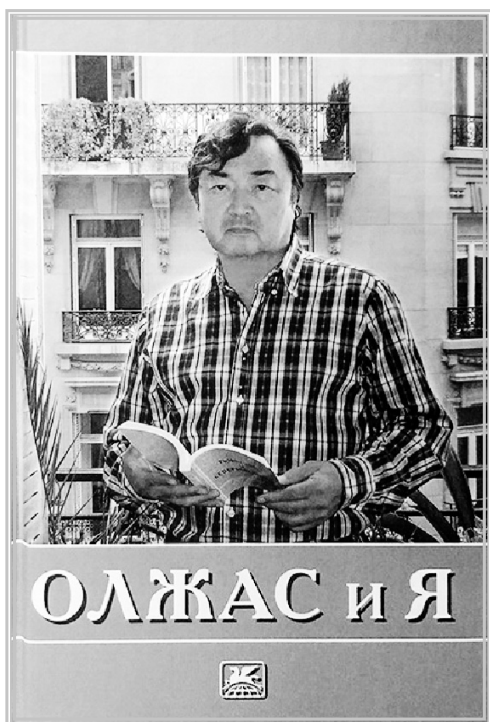
Актуализируя в романе сугубо личное, индивидуальное, субъективный мир ощущений и чувств, Наталия Костюченко обращается к осознанию важных нравственно-психологических, социально-философских и этических проблем, художественно воплощая «индивидуально выраженное всеобщее» (Э. Ильенков), подчеркивающее эстетическую и социальную значимость книги.

Инесса МОРОЗОВА

С точки зрения рецензента

Символ поколения

«Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом…». Беседой с таким названием начинается книга заметок, эссе, бесед, статей, иного рода художественно-публицистических текстов (Олжас и я. — М.: Худож. лит., 2016. — 448 с.), посвященных великому поэту современности Олжасу Сулейменову. Приведу небольшой отрывок из этого разговора составителя книги Ермека Алданова с самим Олжасом Сулейменовым: «*Ермек Алданов.* К моему предложению собрать под одной обложкой хотя бы краткие высказывания о Вас некоторых Ваших товарищей по цеху, коллег, друзей Вы отнеслись весьма сдержанно. Изменилось общество, не те нынче настроения. Привели слова Ионеско: «Литература во всем мире сегодня сильно отстает от жизни; мы живем не в литературную, а в политическую эпоху».

Олжас Сулейменов. Добавлю, поэты создают не поэмы и повести, а осваивают жанр публицистики. У меня за два-три бурных десятилетия собрались тома газетных статей. Так мы участвуем в продолжающейся перестройке Мира, активными актерами («действующими лицами») которой мы, литераторы, являлись с самого начала. Поэтому я не хотел отвлекать своих коллег от важных дел времени…»

И все же книга состоялась. Авторский актив сборника впечатляет. Наверное, во многом такой формат разговора об Олжасе Сулейменове, его месте во многих общественных социальных процессах Казахстана, да и всего Советского Союза и, пожалуй, всего мира, состоялся благодаря инициативности, настойчивости составителя сборника — уважаемого Ермека Алданова, который понимает душу поэта, который влюблен в его слово.

Рафис Абазов, Вадим Абдрашитов, Рамазан Абдулатипов, Одельша Агишев, Бари Алибасов, Виктор Алкснис, Анар, Лев Аннинский, Юрий Афанасьев, Эльмира Ахундова, Герольд Бельгер, Ольга Божко, Владимир Бондаренко, Геннадий Бочаров, Полад Бюльбюль оглы, Андрей Вознесенский, Елена Гагарина, Александр Гангнус, Валерий Ганичев, Екатерина Гениева, Сергей Глазьев, Станислав Говорухин, Глеб Горбовский, Александр Градский, Гер-

ман Греф, Чингиз Гусейнов, Андрей Дементьев, Тельман Джафаров, Иван Драч, Александр Дугин, Евгений Евтушенко, Владимир Зантариа, Тимур Зульфикаров, Рустам Ибрагимбеков, Виталий Игнатенко, Фазиль Искандер, Римма Казакова, Мумин Каноат, Алесь Карлюкевич, Ираклий Квирикадзе, Иосиф Кобзон, Юрий Козлов, Виталий Коротич, Леонард Кошут, Владимир Крупин, Феликс Кузнецов, Билал Лайпанов, Владимир Личутин, Давид Маркиш, Сергей Марков, Алла Марченко, Исхак Машбаш, Рой Медведев, Борис Олейник, Валентин Осипов, Дмитрий Павлычко, Борис Пастухов, Валерий Поволяев, Джахан Поллыева, Михаил Полторанин, Юрий Поляков, Олег Попцов, Лев Прыгунов, Георгий Пряхин, Владислав Пьецух, Валентин Распутин, Евгений Рейн, Роберт Рождественский, Александр Розенбаум, Петер Роллберг, Иосиф Рудальский, Таир Салахов, Евгений Сидоров, Константин Симонов, Сергей Соловьев, Олег Сосковец, Сергей Станкевич, Сергей Степашин, Куаныш Султанов, Виталий Третьяков, Аман Тулеев, Аида Фейзуллаева, Александр Филиппенко, Альбер Фишлер, Руслан Хасбулатов, Владимир Хотиненко, Эугениуш Чаплеевич, Минтимер Шаймиев, Шуламит Шалит, Михаил Швыдкой, Андрей Шемякин, Александр Эбаноидзе, Алексей Яблоков, Владимир Якимец… Целый отряд не просто людей, которые вовлечены в процесс познания поэтического, художественного, философского мира Олжаса Сулейменова, а — людей, к Олжасу неравнодушных, понимающих и знающих, где, в какой части нашего многообразного пространства его настоящее место, на что и на чье мышление он, Поэт, Публицист-Трибун, Философ Степи, может повлиять.

«Величальная побратиму» — так назвал свое слово об Олжасе великий украинский поэт, Герой Украины Борис Олейник. И вот что он пишет: «Олжас Сулейменов — знаковое явление не только в бывшей советской многонациональной литературе. По стечению драматических обстоятельств — отец поэта был репрессирован, посему сын воспитывался в русскоязычной среде, — Олжас создавал свой мир поэзии и глубокие научные разработки на русском. Но мелодика, весь строй стихосложения, короче — интонациональный ключ, убедительно свидетельствовали, что по своему естеству, а не только по фамилии, он истинный казах. Что убедительно подтверждают и его научные изыскания, в частности, работа «Аз и Я». В этой связи знание русского давало ему возможность и как поэту, и как дипломату — вводить свой Казахстан, свой родной народ в семью цивилизованных народов мира, и поэтому все хуторянские забросы насчет языка Олжас превозмог не риторикой, а неусыпным трудом, посему даже его оппоненты вынуждены признать: «Да, это великий казахский национальный поэт».

Борис Олейник отметил достаточно важную составляющую в развитии таланта Олжаса. Украинский художник слова обратил внимание на то, что важны национальные убеждения, даже если средством выражения их является другой язык. И тем самым напомнил всем нам, что богатейший опыт советской многонациональной литературы был сопряжен с русским языком как с мостом продвижения прогрессивных идей и взглядов.

Ермек Алданов разместил все тексты в сборнике по алфавитному порядку в зависимости от того, кто является их автором. Поэтому одним из первых, наверное, и стоит очерк профессора Института Земли из Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) Рафиса Абазова «Олжас Сулейменов и его место в современной казахской литературе». «…Хотя он никогда не ходил и никогда не призывал идти на баррикады, он стал символом поколения студентов и молодежи, не признающих официальную советскую идеологию. Многие представители этого поколения не принимали советскую идеологию, предпочитая игру на гитаре, объединяясь в братство свободомыслия, погружаясь в атмосферу нонконформизма рок-музыки…» — пишет

американский профессор. Так ли уж он прав? На самом ли деле таким действенным было влияние слова, поэтических и философских изысканий Олжаса Сулейменова?.. Если внимательно всмотреться в 1960—1970-е годы, то окажется, что сегодняшние слова Рафиса Абазова подтверждают многие факты из жизненной и творческой биографии Олжаса Сулейменова. Было у него все — и непринятие его художественных и эстетических идей и символов, и непечатание, замалчивание… А что может быть для художника, писателя страшнее, чем невостребованность его трудов и открытий?!.

Известный российский политик, академик Российской Академии наук Сергей Глазьев свое короткое слово об Олжасе назвал достаточно прямо — «Бескомпромиссное творчество». Так ведь и есть на самом деле.

Это же в дополнение к сказанному авторами книги, собранной Ермеком Алдановым, могли бы сказать многие другие поэты, прозаики, деятели культуры, ученые… Мне помнится один из Форумов научной и творческой интеллигенции СНГ. Проходил он в Ашхабаде. Участвовал в форуме и Олжас Сулейменов. Организованные мероприятия имеют самый большой недостаток — ты находишься в кутерьме общего действа и мало в какие минуты предоставлен сам себе. И помню, с каким волнением ждал возможности подойти к Олжасу его старый друг — туркменский прозаик Атаджан Таган. Не участвуя в пышных заседаниях, он тихонько подходил то к одной, то к другой делегации и с волнением спрашивал: «Олжаса не видели?..» Думаю, что так Олжаса Сулейменова искали бы и в Грузии, Армении, Азербайджане, Беларуси, Литве и других странах. Искали, чтобы услышать его Слово о сегодняшних событиях, чтобы с ним, его мыслями и оценками сверить свои часы, свое зрение художника, писателя, философа.

Председатель правления Сберегательного банка России Герман Греф так охарактеризовал Олжаса: «Я бы назвал его казахским Пушкиным: с русским гением Олжаса Сулейменова роднит не только масштаб дарования, но и важнейшая гуманитарная роль, которая заключается в плодотворной деятельности по интеграции различных культур и в конечном счете по духовному взаимообогащению народов». Наверное, вот эта характеристика в части осмысления О. Сулейменова как исполнителя уникальной гуманитарной роли — одна из самых точных оценок места этого человека как великого поэта, деятеля культуры.

Книга об Олжасе Сулейменове является хорошей подсказкой к тому, что важно создать, собрать подобные книги, посвященные Мумину Каноату, Лоику Шерали, Кериму Курбаннепесову, Курбанназару Эзизову, Анару, Акраму Айлисли, Геворгу Эмину, Сильве Капутикян, другим писателям Армении, Азербайджана, Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана... Собрать с целью рассказать следующим поколениям об их гуманитарной миссии в общем духовном пространстве. И о белорусах, создававших литературу двадцатого века, влиявших на умы советских людей двацатого века, рассказать об Алесе Адамовиче, Василе Быкове… Масштаб этих личностей еще не единожды будет оценен. И не единожды мы, наши последователи скажут о важности их Слова, в том числе общественном и социальном обустройстве национальных квартир.

Кирилл ЛАДУТЬКО

Авторы номера

ЛАШУК Татьяна Игоревна. Родилась в 1983 г. в Лиде. Окончила исторический факультет Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, аспирантуру при нем. Поэт, прозаик, публицист. Печаталась в журналах «Першацвет», «Поколение», «Нёман», газете «Знамя Юности» и др. Живет в Лиде.

МОЗГО Владимир Минович. Родился в 1959 г. в г. п. Зельва Гродненской области. Окончил Белорусский государственный университет. Поэт, переводчик, публицист. Автор ряда книг поэзии, многие стихотворения из которых положены на музыку. Лауреат премии Федерации профсоюзов Беларуси и Литературной премии «Золотой Купидон». Живет в Минске.

КОШКИНА Елена Вадимовна. Родилась в 1956 г. в Орджоникидзе (Россия). Окончила физический факультет Белорусского государственного университета, училась в Литературном институте им. М. Горького. Печаталась в журналах «Октябрь», «Немига», «Монолог», «Нёман». Автор книги «На грани исчезновения». Живет в Минске.

КИСЕЛЕВ Георгий Иванович. Родился в 1939 г. на Вологодчине (Россия). Окончил Литературный институт им. М. Горького. Поэт, критик, переводчик. Печатался в периодических изданиях Беларуси и России. Живет в г. Волковыске Гродненской области.

ИВАНОВ Максим Сергеевич. Родился в 1976 г. в Минске. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Работает в Белтелерадиокомпании. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

КУЧМЕЛЬ Наталья Борисовна. Родилась в 1964 г. в Минске. Окончила филологический факультет БГУ. Поэтесса. Печаталась в коллективных сборниках «Літаратурны квартал», «Літаратурнае прадмесце», журналах «Першацвет», «Маладосць», «Нёман», газете «Літаратура і мастацтва» и др. Автор сборника стихотворений «Імгненні». Живет в Минске.

НАЗИРЛИ Кямран (Кямран Исмаил оглы Назирли). Родился в 1958 г. в г. Астара (Азербайджан). Окончил Азербайджанский институт иностранных языков. Прозаик, переводчик, драматург. Автор многих художественных и публицистических книг. Лауреат премий имени Г. Б. Зардаби, имени Расула Рзы и премии «Золотое слово» Министерства культуры и туризма Азербайджана. Живет в г. Баку (Азербайджан).

АРТЕМЬЕВА Римма Альбертовна. Родилась в 1960 г. Имеет два высших образования по специальностям биолог и дефектолог. Автор поэтических книг «Странница», «Прикосновения», «Ритмы тишины», сборника стихов и прозы «Благодарю за дружбу Вас…», один из авторов антологии «Независимый Казахстан: Антология современной литературы». Заместитель председателя Совета по русской литературе Союза писателей Казахстана. Живет в Алматы (Казахстан).

ЛОБАНОВ Вячеслав Владимирович. Родился в 1961 г. в в п. г. т. Янаул (Башкирия). Окончил Тольяттинский политехнический институт. Автор поэтических книг «Каникулы семидесятых», «Где-то ветер листает стихи...», «Лестница в небо». Живет в г. Тольятти (Россия).

БЭГЛИ Десмонд. Родился в 1923 г. в г. Кендал (Великобритания). В возрасте 14 лет оставил школу и начал работать. Британский писатель-романист и публицист, один из основоположников жанра триллер. Автор романов «Золотой Киль», «Оползень», «Западня свободы», «Ночь ошибок», «Джаггернаут» и др. Умер в 1983 году в городе Саутгемптон (Великобритания).